

Лиза Осокина
(НЕ)ОДНОФАМИЛЬЦЫ,
ИЛИ КОФЕ С БЫВШИМ

— А давай просто забудем старые обиды и начнём нормально общаться? — говорит Шумский.

Я в таком шоке, что сначала решила, что мне просто послышалось. Но он решил меня добить:

— Я больше на тебя не злюсь. Всё в прошлом.

То есть он бросил меня в самый тяжёлый период, изменял с моей вражиной, променял меня на статус и внешний блеск, а теперь предлагает просто забыть обиды.

Я аж подпрыгиваю от резкого звука, и только потом понимаю, что сломала ручку. Смотрю на обломки в своих руках и чувствую, что так ненавижу Дмитрия, что готова убить его этой сломанной ручкой.

У него всё было просто. Получить отличную работу, когда в распоряжении связи родителей? Легко. Менять баб каждую неделю, когда у тебя смазливая внешность и деньги? Элементарно.

Но я просто так ничего не забываю.

**(не)однофамильцы, или кофе с бывшим
Лиза Осокина**

Глава 1

Если попаду в ад, мне будет двадцать лет, я буду учиться на третьем курсе и смотреть, как раз за разом он уходит с другой. Так я думала тогда, так я думаю спустя семь лет. Когда смотрю, как его рука лежит на талии длинноногой стройной высокой блондинки, она шепчет ему что-то на ухо и смеется. И они идут к его машине. И я точно знаю, каким движением он откроет ей дверцу машины, и как его как рука соскользнет с талия ниже и ниже. Интересно Шумский вообще может пройти мимо бабы и не облапать её?

И вот какая мне разница? Прошло пять лет с нашего развода. Почему же я сейчас вдохнуть не могу, когда представляю, что они сядут в машину и поедут к ней или к нему, что он своими длинными пальцами будет расстегивать молнию на ее платье...

Так, стоп! Хватит мучить саму себя. Ревновать бывшего глупо, страдать из-за этого еще глупее. После нашего развода она будет не первая его женщина. А может сто первая. Или тысяча первая. Но как-будто вся вселенная против меня. Рядом раздаётся голос моего клиента: — Наверняка, он её любовник.

Что ж, не только я медленно сгораю на костре ревности. Бывший муж блондинки полыхает вместе со мной. Добро пожаловать в клуб. Зато, кажется, я нашла решение.

А ведь день так хорошо начинался. Пятница, последняя неделя перед отпуском. На выходные запланирован забег по магазинам, и в понедельник отправляюсь на Селигер к подруге. А там озеро, сосны, прогулки с Леркиными собаками, вечерние шашлыки, гамак и книги. Если повезет, я наконец-то выплусь. А если очень повезет, встречу симпатичного мачо и тогда не выплусь.

Настроение чемоданное, в голове ветер, душа уже в поезде. Сегодня только бумажная работа и одно заседание по разделу имущества. Дело длится уже несколько месяцев, и в душе я лелею надежду, что закончим его сегодня.

Но на стоянке меня перехватывает клиент. Он даже не поздоровался, так его распирают новости.

— У неё новый адвокат! Крутого какого-то притащила аж из Москвы. Она потратит на него все наши деньги!

— Добрый день, Михаил Алексеевич. Не потратит. Имущество под арестом, а кодекс для всех один.

— Добрый, добрый. А вот зря вы не дали мне рассказать...

Разговор о том, какой ужасный человек его бывшая жена, и что это обязательно должен учесть суд, идёт по кругу в сотый раз. Как и мои аргументы, что к делу это не относится.

Мы заходим в сумрачный холл суда, и я обвожу его взглядом. Хорошие отношения с коллегами наше всё. Профессиональный мир всегда очень узок, куда бы не пошел — везде встретишь знакомых. Киваю, улыбаюсь. Не поприветствуешь — обида на всю жизнь. А обращаемся мы друг к другу постоянно.

Взгляд «застревает» на такой идеальной мужской фигуре, что мне захотелось рассмотреть его лицо. Обычно природа наградила либо в одном, либо в другом. Я поднимаю глаза и как-будто на полной скорости врезаюсь в бетонную стену.

Что здесь делает Шумский?!

Я пытаюсь убедить себя, что обозналась, и это просто кто-то очень похожий. Но самовнушение не срабатывает. Я слишком хорошо его знаю. Знаю каждую черточку, каждую

родинку. Знаю, как он повернет сейчас голову, как будет улыбаться, как смотреть.

Мы пять лет учились вместе. Не замечали друг друга на первом курсе, неистово ругались на втором, близко сдружились на третьем, безумно любили друг друга на всех поверхностях весь четвертый курс и поженились перед пятым. А потом один из нас решил, что в его жизни должны быть высокооплачиваемая работа, дорогая машина и шикарные женщины. Я в список не попала. Поэтому через два месяца после получения дипломов мы развелись.

За пять лет он мало изменился, может черты лица стали чуть суше да фигура по крупнее. Он научился носить костюмы. А может просто научился их покупать. Но теперь он выглядит в них как бог. Древнегреческий бог в костюме. Фантазия уже уносит меня, примеряя его ко всем статуям, чтобы выяснить какой именно бог, когда я понимаю, что последние несколько минут Дмитрий смотрит на меня. Точнее мы смотрим друг другу в глаза. И я не могу отвести взгляд.

На секунду сердце замирает, а потом начинает колотиться как сумасшедшее. В животе все скручивается в тугую пружину. Даже мышцы пресса начинают болеть от напряжения.

— Это что Шумский? — голос Насти над ухом помогает вырваться из этого состояния. Еще одна наша одноклассница. Которая сейчас с любопытством смотрит на меня — Ты так на него смотришь. Не отболело еще?

Но чему я научилась на своей работе, так это держать лицо. Улыбаемся и дышим. Вдох, задержка дыхание, выдох, задержка дыхания. Расправляю плечи, расслабляю мышцы, мягко улыбаюсь и поворачиваюсь к ней.

— Вот ты сейчас серьезно? Пять лет прошло, Насть. Какая же ты романтичная.

В институте нам казалось круто быть искушенными стервами, «романтичная» было издевательским синонимом «наивная дура». Похоже заклятая подруга тоже об этом помнит и немного скисает.

— А что он здесь делает? — продолжает она.

— Вот ты мне и скажи. Кто в конце концов у нас в суде работает?

И тут до меня начинает доходить, кто же будет крутой адвокат из Москвы по нашему делу. Пожалуйста, пожалуйста, только не это!

Я не смогу, просто не смогу сидеть напротив него, быть под прицелом его наглого оценивающего взгляда, ловить ухмылку в момент моей неловкости и оговорок. Я слова не смогу сказать от волнения, буду блеять как овца. А он будет смотреть и радоваться: «Хорошо, что мы развелись».

Наверное, что-то не так стало с моим выражением лица. Настя заглядывает мне в глаза:

— Что? Что случилось?

— Кажется, мы будем в одном заседании — еле шевелю губами я.

— Ну и что? — не понимает подруга, — Ты же говоришь, что ничего не чувствуешь.

— К нему я ничего не чувствую! А из-за него я много чего чувствую! Бешенство до звёздочек в глазах из-за того, что сидит и радуется жизни. Почему Фемида ему мечом ничего не отрубила? Ну, пусть не голову, но руку-ногу то можно было? Неуверенность свою на его блестящем фоне. Моя сила — это спокойствие и логичные аргументы в любой ситуации, а его — павлиньи перья, которые он начнет распускать. Я так и не научилась говорить пустые банальности с важным видом. И я проигрываю на фоне таких выступлений как серая мышь. Всё, что у меня есть — это моя репутация. А у меня впервые настолько денежный клиент. Если я покажу себя бледно, считай дорога в высшую лигу для меня закрыта.

— А у кого вы будете? — Несмотря на всю бесцеремонность, нелепые подколки и бесчисленные советы, как я должна вести себя с мужчиной, в случае проблем Настя всегда была на моей стороне. Вот и сейчас, сжала губы, нахмурилась и стоит, постукивает туфелькой, строит планы атаки и обороны.

— У Жабы Горгоновны, то есть у Ростовцевой Жанны Григорьевны.

— Вот и успокойся, — ухмыляется она, — ему точно будет не до тебя. Она не любит красивых мужчин.

— Потому что она ненавидит всех людей в принципе, — прыснула я.

— Это не так, она любит знакомиться с новичками, — подружка коварно улыбнулась.

— Если можно назвать знакомством госэкзамен по всем предметам с публичным аутодафе в конце, — я начала понимать её план и мандраж стал отпускать. Жизнь уже не казалась такой беспросветной.

— Вот именно, — Настя посмотрела на Шумского с нежной улыбкой, — я пожалуй зайду к ней перед заседанием, расскажу, что будет мой одноклассник, который звезд с неба не хватал, а стал успешным адвокатом в Москве. Такое она не упустит.

Дмитрий почему-то улыбки не оценил и нервно поправил галстук. Говорят, что мужчины очень не любят компании смеющихся женщин, потому что уверены, что в этот момент обсуждают именно их. Ну что ж, проверим! Не мне одной нервничать.

Мы обсудили все. Ну вот, его маникюр, например. Интересная же тема? Если делает маникюр, делает ли педикюр? А как ему, когда женщина сидит у его ног? Или белье. Соответствует ли оно дорогому костюму? И что глупее покупать его за пятьсот руб. или за пятьдесят тысяч?

Это было как заклинание против богарта. Вжух и твой самый большой страх рассыпается. Да, у меня меньше опыта. Да, я раньше никогда не судилась за десятки миллионов. Зато это моя территория. Моя тщательно возвращаемая пиранья была хвостом и готовилась к бою.

Пока после очередных хиханек да хаханек, я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, что еще можно прокомментировать, и упираюсь носом в самого Шумского.

— Да что тебе на месте не сидится? — вырвалось у меня.

Меня окутывает его запах. Как я завидую тем, кто может «разобрать» аромат на части и сказать тут мох, пион и что-то там еще. Я могу сказать только нравится/не нравится. Но его запах — это какое-то приворотное зелье. Хочется завернуться в него, дышать, дышать им, пока он заполнит меня всю. Да что со мной такое? Почему я веду себя как мартовская кошка?

Я поднимаю глаза, сталкиваюсь с его ошарашенным взглядом и широко улыбаюсь:

— В смысле, я хотела сказать привет.

— Лена, Настя. — Шумский берет себя в руки, — прекрасно выглядите.

— Дима, Дима, небо голубое, вода мокрая, мы прекрасно выглядим, — Настя скорбно поджимает губы, — Привет, Капитан Очевидность. Неужели Москва разучила тебя делать комплименты? Или, на самом деле, ты не рад нас видеть?

Дмитрий растерянно смотрит на меня. А я отвожу глаза и прячу улыбку. Такая она, женская солидарность, Шумский.

Ой, я знаю, что он сейчас выкрутится. Включит прожектор своего обаяния на полную мощь, раскроет свой свой павлиний хвост и заболтает нас всех. Он всегда умел нравиться людям. У него это такой же талант, как у других музыкальный слух или фотографическая память. И самое смешное, что я-то как раз была из тех, кто не влюбился в него с первого взгляда. Мне он нравился другим.

И когда он начинает объяснять, как наша неземная красота лишила его дара речи, на нас налетает ураган Вася. По жизни он, правда, Игорь Васин. Но назвать его как-то по другому кроме Васи, язык не поворачивался. Высокий, плотный, громкий, активный и довольно бесцеремонный. С улюлюканьем обнялся с Шумским, поцеловал нас с Настей и... проорал, как мы прекрасно выглядим. Не смеяться рядом с ним было невозможно.

— Я же тоже самое сказал, — шепотом возмутился Дима.

— Но он был искренним, — прошипела я в ответ.

Вася поведал нам очень грустную историю, как злые дядьки-пожарные выкатили ему гигантский штраф и закрыли его замечательный отель. И надо заплатить штраф. Но Вася не готов. Нет, деньги, конечно, у него есть. Но это его честно заработанные Васиные деньги, и он хочет, чтоб в дальнейшем так и осталось. Общими усилиями мы вспомнили всех, кто более менее связан с пожаркой и Вася укатил выполнять свой план как и рыбку съесть, и не заплатить за это.

Вася как-то разбил напряженность, и я уже начала думать, что мы с Шумским сможем нормально общаться. Многие же разводятся и как-то разговаривают, иногда даже дружат. Ходили же мы по одной Земле, ну и в одном зале можем пару часов провести. И задать пару вопросов рамках дела.

Но главный вопрос я не могла задать. Всё это время мучительно думала, как невзначай узнать у Шумского, какая у него туалетная вода. Аромат манил меня как кошку валерьянка. Он обещал самый романтичный ужин, самую горячую ночь и самое нежное утро на свете. Я бы брызгала им некоторых товарищей, которые ко мне клеились. Увидев, как горят мои глаза, они сразу подарили бы мне последний айфон, машину и дом у моря. Я бы побрызгала им самые нудные дела и двадцать четыре на семь занималась только ими. Я бы дома еще разбрызгала, и, наконец-то, начала бы приходить пораньше, готовить и наводить уют.

Но в тот момент, как я придумала сто один вариант вопроса «А что у тебя за вода? Что-то знакомое, никак не могу вспомнить», нас пригласили в зал.

— Получается адвокаты сторон у нас Шумская и Шумский. Конфликта интересов нет? Ни брат, ни сестра? Ни муж, ни жена? — судья Жанна Георгиевна, в народе «ласково» прозванная Жаба Горгоновна за неприятную внешность и на редкость мерзкий характер, изучает документы, которые подал Шумский.

Боже, сколько раз нас спрашивали об этом в институте.

— Нет! — мы с Шумским отвечаем вместе и довольно резко. Уже сдержанно я добавляю, — Мы однофамильцы.

— Ну да, ну да, — ехидно цедит судья. Смотрит то на меня, то на него, и удовлетворенно хмыкает, — бывшие, значит. Давно развелись?

Вот же старая жаба! Но как она догадалась?

Шумская — моя настоящая, девичья фамилия. О том, что были женаты, знало совсем мало народу. И я задумалась, как же так произошло?

Мы поженились очень неожиданно для нас самих. Я давно мечтала о путешествии. Не только побездельничать и поваляться на песочке. Моя мечта была посетить несколько городов, останавливаясь в каждом на два-три дня. Походить по городу, пропитаться его атмосферой. Побывать в интересных местах, но не с экскурсией которая бегом-бегом, а так чтобы осмотреть именно то, что хочешь и сколько хочешь.

Я подрабатывала официанткой, Дмитрию деньги давали родители, но чтобы поехать надолго, мы выбрали бюджетный Крым. Ах, как я была тогда уверена, что когда мы начнем работать, будем ездить исключительно по зарубежным курортам. Но это был мой последний отдых.

Первой нашей остановкой была Керчь. На третий день нашей поездки Шумский заявил, что никто в мире не подходит ему лучше, чем я. И ни с кем он не будет счастлив так, как со мной. И мы должны пожениться прямо сейчас. Согласилась ли я? Глупо спрашивать. Я готова была расписаться хоть в этот же день в картофельном мешке.

Мы рассказали обо всём только родителям. Моя мама расплакалась от счастья. Какое цунами чувств бушевало у меня последние два года, она знала лучше всех.

Что сказали родители Димы, я не узнала. Он ответил только: «Всё нормально. А что они могли сказать?». Со мной они всегда были сдержанны и вежливы. Сейчас я понимаю, что зная своего сыночка, они просто ждали пока он наиграется.

Положенный месяц мы прокатились по всему Крыму, потом купили по два узеньких обручальных колечка и на обратном пути расписались. Не было ни красивого платья, ни гостей, ни даже ресторана. Предложи мне это все, я бы сама отказалась. Я была так счастлива. Мир разделился на две части: вот мы двое и все остальные.

Зато был душ из шампанского, танцы на песке и купание в море голышом. Согревали мы потом друг друга очень нежно.

Это была идеальная гармония. Часами, сутками не могли оторваться друг от друга. Касаниями, разговорами, взглядами. Я тогда поверила во все сказки про суженных, родственные души и идеальные пары.

Когда мы возвращались, Дима сказал, что в группе нас сожрут за тайную свадьбу. И мне захотелось сохранить наше безоблачное счастье. Убереечь его от шуток, насмешек, сплетен, обсуждений и осуждений.

Мы решили, что скажем всё попозже и тогда отметим с друзьями и со всеми атрибутами. Вот только втянемся в учёбу, сдадим сессию, отметим Новый год, начнём писать диплом. Разговор всё откладывался. Для большинства окружающих мы просто стали жить вместе. Кольца, конечно, мы сняли.

Я до сих пор не могу понять две вещи. Неужели не было любви? И он тогда ничего не чувствовал, а просто получал удовольствие и наслаждался жизнью с влюбленной в него девчонкой? Неужели я придумала всю эту сказку? Сам же говорил, что был со мной в раю. Окружил меня такой нежностью и заботой. Строил столько планов, куда мы поедem в следующий раз. И кого он больше предал? Меня или себя?

И второй вопрос, который сводит меня с ума: зачем он вообще на мне женился? Да, я не хотела к нему переезжать, мне было неудобно сказать родителям, что я буду жить со своим парнем. Но встречались мы почти каждый день. Да и по дому я ему помогала. Что ещё нужно мужчине от жены? Зачем всё это было?

Резкий голос судьбы возвращает меня в реальность. Кажется, началось избиение младенцев.

— Что значит нужно время на ознакомление с делом? Вы что, вчера получили удостоверение адвоката, весь день отмечали и не знали, что надо готовиться к заседаниям заранее? Ну и что, что вы из другого города. Зачем брались за дело, если вам так сложно. Жадность? Ну конечно, жадность Хватаетесь за все подряд, а другие люди должны терять из-за вас время. Давайте свое ходатайство. Молодой человек, сразу спрошу, вы кодекс открывали? У вас там заначка? Ах, вы его читали. А дислексию у вас не диагностировали? А здесь вы что написали? А это что?

Сначала я откровенно злорадствовала. Ни обаяние, ни столичный лоск, ни громкие имена на нашу жабыньку не действовали. Она требовала точность до последней копейки, грамотность до запятой. Про статьи и формулировки и говорить не буду. Ее боялись и ненавидели все, кого я знала.

В свои шестьдесят девять лет она была обладательницей округлой фигуры, седых кудряшек, глаз на выкате и совершенно безжалостного характера. Но ко всему прочему она была чертовски умна и знала и понимала законы на каком-то запредельном уровне. Поэтому все вокруг махнули рукой на ее выходки и просто ждали последний год, после которого ей придется уйти на пенсию. Спихивая на нее самые трудные, объемные и скандальные дела. Во первых, потому что она в них досконально разберется. А во вторых, потому что даже самое большое хамло через некоторое время общения с Горгоновной, начинало вести культурно и воспитанно, чтобы не нарваться на очередную порцию комментариев.

Насмешки сыпались градом. Дмитрий еще неплохо держался. Я даже зауважала его за такую выдержанность. Было видно, что цепляет, но он продолжал говорить спокойно, не отгрызаясь, не скатываясь в оскорбления и насмешки, как поступали многие до него.

Под конец она прошипела: «Кажется родители зря потратили деньги на ваше обучение», и у Дмитрия дернулась щека. Это был удар в самую мякотку. Оказалось, это задевает его до сих пор. Мне стало его так жалко. Он встретился со мной взглядом и отвернулся. Смешно, конечно, нужна ему моя жалость. Он меня жалеть не будет.

Ну, в общем-то и не стал, вытащив совершенно «левые» расписки. Типа наша красавица имела перед браком деньги, и квартира куплена на ее добрачные средства. Клиент взвился на дыбы, комментируя, как она получила эти расписки став женщиной с пониженной социальной ответственностью, правда не совсем в таких выражениях. В ответ его бывшая жена заявила: «Да он завидует, потому что сам не может... — она покосилась на судью, — доверять людям. А у меня просто хорошие друзья, которые мне верят». Следующие пятнадцать минут могли хорошо украсить любой сериал, но для нас с судьей это было просмотр Иронии судьбы. Хорошо играют, но сюжет слишком знаком.

В итоге мой клиент сообщил, что предоставит доказательства, что у него тоже были деньги, да еще и побольше. И квартира была куплена именно на его деньги. Судья усмехнулась и назначила новое заседание через неделю.

Нет!!! У меня отпуск. Я просто больше не выдержу. Первый год после института я ухаживала за бабушкой и не могла никуда отлучиться. Потом я начала работать, и через полгода мне предложили отпуск, но он был зимой. А за ту нищенскую зарплату, которую мне платили, я не могла никуда поехать. И я попросила перенести его на лето. Но летом мне предложили стать адвокатом, я не могла упустить такой шанс и снова никуда не поехала.

Следующие три года я работала как проклятая, зарабатывала репутацию, клиентов и деньги. Чтобы наконец нормально одеваться, есть хорошие продукты, платить кредит за машину, потому что без нее я бы не успела справиться с той массой дел, которую со временем набрала. Каждый раз, когда я намечала себе хоть небольшой отпуск, появлялась особое дело, от которого я не могла отказаться. Но я уже дошла до предела. Мне нужен отпуск прямо сейчас.

— Пожалуйста, давайте сдвинем заседание на неделю. Я уезжаю, — попросила я. — Поддерживаю, у меня тоже кмх... дела, — неожиданно вступился Шумский.

— Отклоняю. Через неделю у меня самой отпуск, а мне еще надо будет решения по делу отписать. Я не буду жертвовать своим отпуском ради вас, — Ростовцева была очень довольная собой.

— Пожалуйста, поймите. Я уезжаю. Меня просто не будет в городе, — бешенство рвало меня на части, я пыталась не взорваться и быть милой и вежливой.

— Ну, бросите клиента без помощи, значит, и уедете отдыхать, — она похоже гордится своим чувством юмора. Как бы ей объяснить, что у нее его нет, — Расписывайтесь в повестках, жду через неделю.

Секретарь виновато развела руками и сочувственно улыбнулась, подвигая мне повестку, но что она могла поделать. Я дождалась, пока все выйдут из зала, и подошла к этому монстру. Меня сейчас не остановит даже огнедышащий дракон, а не то что какая-то жаба. Я. Хочу. В отпуск.

— И что ты задумала? — судья почему-то смотрела без своей обычной злобы, а даже с интересом.

— Мировое соглашение, — я опираюсь руками на стол и смотрю ей прямо в глаза, — Я придумала как разделить имущество, чтобы всех устраивало.

— Ну и приноси его на следующей недели. Что ко мне пристала? — судья постукивает ручкой по столу и ехидно кривит губы.

— Нет. Вы утвердите его в понедельник утром. И я спокойно поеду в отпуск, — я не сдамсь. Я не выпущу её отсюда, пока она не согласится.

— В понедельник у меня все расписано. Да и на кой это мне? — Ростовцева собирает бумаги со стола, явно давая мне понять, что не намерена продолжать разговор.

— Не смешите. Писать решение по сложному суперскандальному делу, которое потом стопроцентно кто-нибудь из нас обжалует и отменит, потому что что-нибудь да всплывет. Или малююююсенькое решение об утверждении мирового соглашения, которое точно никто не будет обжаловать. Вам самой будет проще уйти в отпуск. Но я это сделаю, только если отпуск будет и у меня. Заседания с девяти? Мы будем у вас без пятнадцати девять. Этого хватит. И все вздохнут спокойно. Но если мне придется работать, то я получу от дела максимум. Я растяну его на десятки заседаний, мне же каждое оплачивается отдельно. Вот и заработаю на очень хороший дорогой курорт. Я давно мечтаю о туре по Индии. Или Японии. Я буду требовать экспертиз по каждому чиху. А сколько документов мы будем запрашивать у банков и госорганов! Вам понравится такой объем.

— Ссссмелая стала, — мне начинается казаться, что ее кудряшки развернулись ко мне змеиными головами и шипят вместе с ней. Судья несколько секунд смотрит на меня, а потом припечатывает, — У тебя ничего не получится. Проще меня уговорить перенести дату. Их концерт был сегодня на пике. Они лучше сдохнут, но на встречу друг другу не пойдут.

Встреча с Шумским слишком много во мне всколыхнула. Я вспоминаю как мне однажды это говорили «У тебя ничего не получится». Вита Мезенцева, миниатюрная блондинка с идеальными локонами. С такими модными шмотками, что Космополитен или Вог можно не покупать, просто смотреть на Виту будет достаточно. У нее в жизни было всё, о чем обычно мечтают девушки. Хватало и поклонников, и развлечений, и элитных бутиков, и ночных клубов с ресторанами, и дорогой косметики, и салонов красоты, и теплого моря зимой и летом. Идеальная девушка для соцсетей. Ну может ума не хватало, но я, наверное, просто завидую.

Однажды на четвертом курсе, когда всем стало понятно, что мы с Дмитрием встречаемся, она ни с того, ни с сего остановилась около меня в туалете, когда я мыла руки, и вдруг сказала:

— У тебя ничего не получится.

С учетом того, что мы были в институте и раньше все наше общение сводилось к привет-пока, я не поняла о чем она говорит. Тему проекта кто-то забрал? Меня на студенческие чтения не возьмут? Я испуганно повернулась к ней:

— Ты про что?

— Про Шумского. Не строй планов охомутать его. Дима слишком любит женщин, ра-а-азных женщин, — протянула она, подкрашивая губы перед зеркалом — а его родители слишком любят делать бизнес. И поэтому однажды он женится на какой-нибудь хорошей девочке из правильной семьи. Сказки про золушек — это сказки, они не про жизнь. Так что

не привыкай. А то на сопли ваши потом противно смотреть.

Именно эта тварь откроет мне дверь в футболке и трусах, когда я приеду к мужу на выходные, и скажет:

— Ты так ничего и не поняла?

От этих воспоминаний и от отчаяния, в которое привел меня сегодняшний день, в глазах вскипают злые слезы. У меня все получится! Я всем докажу, что я стою намного больше. Я сжимаю кулаки так, что ногти больно-больно впиваются мне в руки. Но зато спокойно говорю:

— Если не получится, то мы ничего не потеряем. Зато если получится, выиграют все.

Судья откидывается на спинку стула и барабанит пальцами по подлокотнику, смотря в окно. А затем, не поворачиваясь ко мне, говорит:

— Ну, хорошо. В восемь сорок пять в понедельник я вас жду. И если опоздаете хоть на минуту, то приносишь свое мировое соглашение тогда, когда указано в повестке. Это понятно?

— Спасибо! — я не выдержала и рассмеялась. Мне стало так легко на душе. Я сделала это! Я смогла уговорить саму Жабу Горгоновну! Я почти победила дракона. Осталось только отрубить еще две головы Змею Горынычу и путь к отпуску свободен. Где там мой клиент и Шумский?

Я вышла на ступеньки суда и увидела как Шумский обнимает за талию эту мерзкую девицу, ответчицу по нашему делу, и уходит с ней к машине.

Если попаду в ад, мне будет двадцать лет, я буду учиться на третьем курсе и смотреть, как раз за разом он уходит с другой. Так я думала тогда, так я думаю спустя семь лет. Когда смотрю, как его рука лежит на талии длинноногой стройной высокой блондинки, она шепчет ему что-то на ухо и смеется. И они идут к его машине. И я точно знаю, каким движением он откроет ей дверцу машины, и как его как рука соскользнет с талии ниже и ниже. Интересно Шумский вообще может пройти мимо бабы и не облапать её?

И вот какая мне разница? Прошло пять лет с нашего развода. Почему же я сейчас вдохнуть не могу, когда представляю, что они сядут в машину и поедут к ней или к нему, что он своими длинными пальцами будет расстегивать молнию на ее платье...

Так, стоп! Хватит мучить саму себя. Ревновать бывшего глупо, страдать из-за этого еще глупее. После нашего развода она будет не первая его женщина. А может сто первая. Или тысяча первая. Но как-будто вся вселенная против меня. Рядом раздается голос моего клиента: — Наверняка, он её любовник.

Что ж, не только я медленно сгораю на костре ревности. Бывший муж блондинки полыхает вместе со мной. Добро пожаловать в клуб. Зато, кажется, я нашла решение.

Я снова смотрю на эту парочку. Они остановились друг напротив друга, девица положила руки ему на плечи и прильнула всем телом. Ой, да чего посторонних стесняться. Ты ему сразу в штаны залезь.

Неожиданно Дмитрий поворачивает голову и смотрит мне в глаза. Между нами, как до суда, протягивается невидимая ниточка, которую мы оба не в силах разорвать сами. Надеюсь в моем взгляде он сейчас читает: «Фу, Шумский. Где же профессиональная этика?», а не «Прекрати, немедленно прекрати, мне больно». Но чтобы он не прочитал, он на шаг отступает от своей клиентки и убирает ее руки.

Затем он провожает ее к подъехавшей машине такси, а сам уходит в другую сторону. С этого момента я снова могу дышать.

— Нет. Пока нет, — я поворачиваюсь к клиенту, — Но если заседания будут продолжаться, то оба такой шанс не упустят. Она будет стараться найти нового богатенького покровителя, а он нарисовать новую звездочку на фюзеляже. Да и вы сами всё видели. Но я знаю, что нужно делать, чтобы испортить их планы. Подъезжайте через час ко мне в консультацию.

Михаил Алексеевич опять нецензурно проходится по моральному облику бывшей супруги и идет к своей машине. А я иду во двор соседнего дома к своей. Еще когда проходили практику после четвертого курса, мы с Шумским разведали это местечко. Стоянка суда днем обычно забита до отказа, в отличие от дворов, где все автолюбители разъехались на работу. Но когда я уже почти подошла к машине, дорогу мне перегораживает мой самый преданный поклонник:

— Лена! Я так тебя ждал!

— Я знал, что ты сегодня будешь, я уже готов, — он дерзко смотрит на меня.

— Привет. Слушай, я тоже рада тебя видеть. Но давай не сегодня? Я, правда, очень спешу, — я пытаюсь договориться, но вижу в его глазах бездну отчаяния.

— Ну, пожа-а-алуйста. Ну, один ра-а-а-аз. Ну, ты обеща-а-а-ала, — он, конечно, никогда не покажет, что плачет, но по голосу я все слышу.

Тимофею десять лет, все его друзья разъехались на лето, и он безумно скучает, слоняясь по двору. Пару месяцев назад он слегка задел мячом мою машину, подошел и честно признался. С тех пор, я немного болтаю или играю с ним, когда бываю в этом суде.

— Ладно, — вздыхаю я, — но имей в виду, я сегодня буду плохо играть. На каблуках особо не побегаешь.

Этот будущий мужчина умеет меня и развеселить, и завести. Спустя 5 минут я уже беззаботно хохочу, в очередной раз промазывая по воротам. В какой-то момент, я начинаю отходить назад, чтобы разбежаться, и в кого-то врезаюсь.

Да что ж такое, Вселенная? Почему ты раз за разом сталкиваешься сегодня нас? От неожиданности меня повело, но Шумский подхватывает меня и притягивает к себе, а я цепляюсь за его плечи.

— Я произвожу такой сногсшибательный эффект? — он еще и хохмит.

Мы так близко друг к другу. Мы целую вечность не были настолько близко. Пароль — отклик. И как будто сложился пазл. Нашим телам ничего не надо вспоминать, они прекрасно помнят как встать рядом, как положить руку, куда ее положить, чтобы было максимально легко, удобно, уютно.

Я рассматриваю его, пока есть такая возможность. Его блондинистые волосы стали темнее, скорее уж русые теперь. Около губ стала глубже складка. Не понятно почему в суде черты лица казались резче. Может это просто было выражение глаз и надменно сжатые губы. Сейчас, не в полумраке, а на ярком солнце, он выглядит может не юным мальчишкой, но и не суровой глыбой.

Он смотрит на меня так растерянно, как будто что-то ищет. Почему, почему ты на меня так смотришь? А я на секунду растворяюсь в его глазах. Таких прозрачных, то ли серых, то ли голубых, с темной каймой по радужке, которая придает им необыкновенную глубину. Я влюбилась в него, потому что влюбилась в его глаза.

Все девчонки считали его красавчиком. На физре никто не задерживался в раздевалке, гораздо интереснее было посидеть на лавочке и полюбоваться как перекачиваются мышцы, когда он играет во что-нибудь (да какая разница во что они там играют), как облегает его намочшая футболка, как он будет кокетничать со всеми девицами сразу.

Обсуждала ли я его с остальными? Да, конечно. Я всегда любовалась им как красивым пейзажем или картиной. Но мы же не влюбляемся в картину. Это так не работает.

Но на втором курсе нас стали частенько разбивать на группы для выполнения практических заданий. Из-за своих фамилий мы часто оказывались в паре. И однажды, во время какого-то бурного обсуждения, когда мы так яростно спорили, когда так важно было переубедить другого, доказать, что ты прав, я смотрела в его глаза не отрываясь. И свет его глаз, его внутренний огонь, они затянули меня. Я просто утонула в них. Потерялась в их глубине. И когда я сейчас смотрю в его глаза, я понимаю, что ничего не изменилось.

От неожиданности я теряю дар речи. Я просто не знаю, что мне сказать. Привет? Глупо, мы уже виделись. Я тут играю? Это он уже заметил. Да что люди говорят в таких ситуациях? Или нормальные люди в такие ситуации не попадают?

— А это мой друг Тимофей. Мы тут... Вот... Как бы играем, — мямлила я.

Браво, Лена, браво! Ты просто образец красноречия опытного адвоката. Умеешь ты произвести впечатление. Главное, не думать какое.

Ну, почему всегда так? Что за закон подлости? Я все растрепанная, покрасневшая, а он в своем идеальном костюме с безупречной стрижкой. Неожиданно он снимает пиджак и, ухмыляясь, говорит:

— Подержи-ка. Я сейчас покажу как надо.

Я в шоке сажусь на лавочку. Он собирается играть с незнакомым мальчишкой в футбол? Но он идет и играет. Потом пожимают другу руки, мужчины же. Абсолютно счастливый Тимка убегает домой, а мы стоим и не знаем как начать разговор.

— Мне казалось, у тебя нет времени на такие развлечения. Ну там сложные дела, много работы. И уж если отдыхать, то в компании таких же крутых перцев, — я даже слов не могу подобрать. Ну не вяжется у меня весь этот лоск и дворовый футбол.

— Сейчас у нас с тобой одно дело. И у тебя, думаю, тоже много работы. Почему тебе можно делать все, что хочешь, а мне нет? — скалится Дмитрий и протягивает руку за пиджаком, — может выпьем где-нибудь кофе? Расскажешь, где он самый вкусный?

Я протягиваю ему пиджак, и в этот момент понимаю, что на тот безумно притягательный утренний аромат наложился тяжелый, сладкий до приторности аромат блондинки. Это как же об него надо было тереться-то?! Хорошего настроения как не бывало. Просто не получилось у него подкатить к одной, можно тогда с другой.

— Кофе только для друзей, Шумский, — я резко встаю и впахиваю этот вонючий пиджак ему в руки.

— Ну что ж. Увидимся, — бросает он и уходит.

— Почему ты здесь? — тихо спрашиваю я ему вслед.

Но он как-то меня услышал и резко обернулся:

— А я вспомнил, как мы на практике здесь парковались...

Но я перебила его:

— Зачем ты приехал в город?

— Так дело же, — он растерянно развел руками.

— В Москве закончились дела о разделе, что нужно ехать за двести километров?

— Да какая разница, если за все платят, — психанул он, — Да и родителей хотел повидать.

Он еще немного постоял, словно чего-то ждал от меня, и ушел.

Конечно, можно было намекнуть, что к родителям и так можно приехать, без необходимости мотаться на кучу заседаний посреди недели. Но к чему? Он явно не хочет отвечать. А главный вопрос, почему он так поступил со мной, я все равно не смогу задать.

Тут я вспомнила, что вообще-то договаривалась встретиться с клиентом и рванула в офис. Мне повезло, что он тоже опаздывал. Я как раз успела сварить себе кофе.

В нашей семье был целый культ кофе. Несмотря на то, что жили мы довольно просто, все, что касалось кофе, было у нас качественным и часто дорогим. Ручные мельницы, медные турки, самые разные сорта. Папа и сам обжаривал. Ну естественно кофе должен быть только свежемолотый. Это было такой важной семейной частью, что кофе стал для меня очень личной историей. Я не могла делиться им со всеми. Только для близких, для друзей, для любимых.

Поэтому, когда в кабинет вошел мой дорогой, в прямом смысле слова, клиент Суворов Михаил Алексеевич, сорока четырех лет, успешный предприниматель, и сказал: «Как у вас пахнет! Просто божественно! А можно мне тоже чашечку?», я состроила расстроенные глазки и ответила, что кофе закончился, последняя порция была, увы и ах, но я могу сделать чаю. Чаю он не захотел, и мы занялись делом.

Делом, которое со стороны могло показаться довольно забавным. Два года назад мой клиент влюбился в чистое юное создание по имени Милана. И чтобы не делить имущество с не такой юной и совсем приземленной женой, он переписал почти весь бизнес на честную и бескорыстную Милану, а также забрал деньги с семейных счетов. Любовь не прожила трех лет, и однажды своей собственной спальне Михаил Алексеевич увидел, что если он не справляется с темпераментом молодой жены, то всегда найдутся добры молодцы, чтобы ему помочь. Ситуация эта Михаила Алексеевича разгневала, и он повелел гулящей жене уйти, с чем она пришла.

Только вот точки зрения, с чем она пришла, у них сильно разошлись. Милана бизнес отказалась возвращать, вдобавок пожелала забрать и все остальное, утверждая, что куплено было на деньги от ее бизнеса. В Михаил Алексеевиче горела ревность и оскорбленное самолюбие, в Милане естественная человеческая жадность.

Ну что ж, поиграем в челночную дипломатию.

— Вы должны оставить ее без трусов! Да и зачем они ей? Она их все равно перед каждым снимает, — говорить спокойно о бывшей жене Суворов не может, — вы видели как этого адвокатишку обхаживает?

— Согласна, неприятное зрелище, — подливаю масла в огонь, — думаю если заседания продолжатся, она предложит оставаться ночевать у нее. Кстати, вы видели, кто написал расписки?

— Бандюган этот перекусившийся. Знаете, чем она расплачивается за помощь? — продолжает беситься клиент.

— Постелью, Михаил Алексеевич, постелью. Но это такая мелочь по сравнению с тем, что он может потребовать потом, — я смотрю на него и грустно улыбаюсь, — Вы и сами понимаете, на что целится он. И что так легко отдаст ваша глупенькая жена.

Тут Суворов не выдерживает и начинает нервно бегать по моему маленькому кабинету. У его бизнеса два направления. Первое — это салоны красоты, которыми в большей степени занимались сначала первая, а потом вторая жена. Второе, любимое детище клиента, сеть автомастерских с автомойками и магазинами.

Сначала он что-то тихо бормочет, но все распаляется и распаляется, и вот уже во весь голос костерит бывшую супругу, ее родителей, всех мужчин нашего города, правительство и страну в целом. Не вижу связи, но когда речь заходит про бывших, логика часто уходит в отпуск. Какая разница как правильно, если больно?

Наконец, он останавливается и с отчаянием говорит мне:

— Вы же обещали мне помочь!

— А я когда-нибудь обещала, что вы получите все? — парирую в ответ

— Нет, — он все еще пыхтит как закипающий чайник

— Тогда вы понимаете, что-то придется отдать. И надо сделать так, чтобы это что-то было вам не жалко. Решайте сами, что вам важнее: потрепать ей нервы, потратить несколько месяцев, а то и лет жизни, пока пройдут все оспаривания по сделкам, расследования и прочее, но при этом смотреть как утекают ваши деньги и отжимают бизнес, а ваша бывшая жена кочует из одной постели в другую, или сохранить дело своей жизни, — продолжаю давить я. Впрочем говорю я чистую правду. Но далеко не все готовы ее слышать.

— Она не получит ничего! Ни-че-го! — и, хлопнув дверью, Суворов уходит.

Ну я и не ждала, что решится все просто. Дам время, переварить эту мысль, и наберу ему через пару-тройку часов. А пока подготовлю расчеты и аргументы.

Но так долго ждать не пришлось, через полчаса он перезванивает сам и диктует список имущества, которое можно будет отдать, но требуется биться за каждую булавку. Напоследок он стонет:

— Елена Александровна, ну вот скажите, как называется то, что она сделала?

— Подлость, — говорю я вслух. А про себя думаю — карма.

И тут я понимаю, что совершила большую ошибку. Я несколько раз за день виделась с Шумским и ни разу не спросила его номер телефона. Конечно, у меня сохранился старый. В черном списке, правда, но это мелочи, не правда ли? Только прошло пять лет, он мог десять раз его сменить.

Я открываю телеграм и пролистываю ленту далеко-далеко вниз. Я так и не удалила

нашу переписку. Сначала я постоянно ее перечитывала, надеясь найти ответ почему все так вышло и могла ли я что-нибудь изменить. Потом она ушла вниз, и искать ее вроде как признаться, что тебе не все равно.

Я вижу, что абонент в сети, и кажется проще простого взять и написать. Вот только последнее сообщение в переписке моё. О том куда и когда прийти для подачи заявления на развод. Несколько раз я начинаю писать ему сообщение, но под прошлым сообщением все они смотрятся странно. Да вдруг прочтет не сразу.

Придется все-таки звонить.

Шумский долго не поднимал трубку. Я уже окончательно убедилась в мысли, что он сменил номер, или занес меня в черный список, или уже возвращается в Москву, или просто не хочет со мной разговаривать, и приготовилась нажать отбой, когда он ответил:

— Лена? — удивление просто сочилось из трубки.

Он выслушал меня и долго молчал. Я начала беспокоиться, слышит ли он меня вообще. Он заверил, что слышит, помолчал еще немного и сказал, где мы с его клиенткой сможем встретиться.

Когда я подошла к кафе, он уже ждал меня с Миланой, которая успела переодеться в безумно короткое мини, зато с глубоким декольте. Она наклонилась к Шумскому демонстрируя все, чем щедро одарил ее пластический хирург.

При моем приближении Дмитрий встал и помог придвинуть стул. Взгляд Миланы моментом изменился со снисходительного на раздраженный.

— Дима, а зачем мы здесь? — протянула она капризным тоном.

Я посмотрела на Шумского вздернув брови, мол что за спектакль, но он в ответ только широко улыбнулся и кивнул, давая слово мне. Ты затеяла, ты и разруливай. Ну что ж, начнем со слова шаблонов.

— Милана, а давай ты пока не будешь скрывать, что ты умная женщина? Я за время заседаний это прекрасно поняла. А Дима так вообще любит умных женщин.

Она растерянно перевела взгляд на Шумского, но тот и ей только широко улыбнулся, ничего не добавив к моим словам. Трудная ситуация. Не будет же она мне доказывать, что дура-дура. И если что-то непонятно будет, особо не переспросит. А вдруг поймут, что вовсе не такая она и умная?

Выслушав мое предложение, она начала визгливо смеяться. У нее-то есть абсолютно все бумаги. У нее просто железные доказательства. Даже если мы проведем тысячу экспертиз, это ничего не докажет. А Суворов неудачник и лох.

— Ну, моя дорогая, если у тебя такие замечательные доказательства, зачем такой дорогой адвокат, — я попробовала кофе, который принес официант. Он оказался таким же неприятным как голос блондинки, — Но мы обе знаем самые скользкие моменты. Это покупка бизнеса и покупка квартир.

Сумма, которая оказалась у тебя перед покупкой квартир, удивительным образом совпадает с той, которую якобы украли во время первого развода у Суворова. Вот ты сейчас так мило улыбаешься и думаешь: «А что он может сделать?». Вы ведь вдвоем эти деньги переводили, так? Не напишет же он заявление на самого себя? Но ты в суде заявила, что деньги исключительно твои и никакого отношения Суворов к ним не имеет. Вот пойдет он снова в полицию и скажет, я знаю, кто мои личные данные прочитал и моим доверием воспользовался. Начнут тебя проверять, банковские счета, переписку смотреть. Сколько там еще интересного найдется?

Но это не главное, Милана, далеко не главное. Я хочу спросить у тебя, как у предпринимателя и красивой женщины. Как ты думаешь, что самое главное в салоне красоты? Почему мы приходим в наш любимый салон?

— Цены, — растерянно пробормотала Милана, — процедуры новые, качество...

Она запнулась и замолчала.

— О, я думаю ты меня поняла. Конечно, главное мастер. Я из-за своего мастера уже три салона сменила. А теперь давайте честно. Ты же автомастерские планируешь продать. И я догадываюсь, что тому хорошему человеку, который написал тебе расписки. Но скажи мне, что будет, если все мастера возьмут и напишут заявление на увольнение? Где он сразу найдет несколько десятков слесарей? Ты же понимаешь, что это смерть бизнеса? Думаю, этот хороший человек решит, что ты его подставила.

Милана закусила губу и испуганно посмотрела на меня:

— Он не сможет так поступить.

— Ну почему же, Михаил Алексеевич зол, очень зол. Может он как муж и не очень хорош, но работодатель отличный. Сможет ли он уговорить их уйти к нему? Да на раз-два.

Мне очень хотелось кофе, но пить эту бурду не хватило силы воли. Пришлось тянуть время, разглядывая прохожих на улице.

— Что вы хотите? — наконец, сдавленно выдавила она.

— Я не буду притворяться, что стараюсь для тебя. Конечно, на первом месте интересы моего клиента. Но в тоже время, как женщина женщину я тебя понимаю. Это несправедливо, после того кем ты была для Суворова, уйти ни с чем, — начала я мягко подводить ее к нужному мне решению.

Она расслабилась, заулыбалась и начала жаловаться как тяжело ей было в браке.

И пока я заливалась соловьем и спорила с Миланой, Шумский не отрывался от телефона. Это была уже свержнаглость! Мой телефон тоже засыпали какие-то сообщения, но я же так себя не веду. Я не выдержала и рявкнула:

— Может давай займемся делом?

Это была моя любимая фраза. Мне приходилось ни раз ее повторять, когда нам давали совместные задания. Он быстро загорался и быстро остывал. Чтобы довести дело до конца, мне приходилось много с ним ругаться.

Дмитрий поднял на меня глаза, и по его взгляду, который огненной лавой разливался по моей коже, я поняла что он вспомнил не все наши годы занятий, а тот самый один единственный раз, когда я сказала ее совсем в других обстоятельствах.

У нас был последний госэкзамен по гражданскому праву. Самый сложный и объемный экзамен за всю нашу учебу. Стояла одуряющая жара, мы тосковали среди раскаленного асфальта города. Нет, конечно, была попытка позаниматься на берегу реки, периодически окунаясь в приятную прохладу воды и жаря параллельно шашлыки. Но количество выученных билетов при этом равнялось нулю.

Подготовка уже стояла поперек горла, Шумский все больше бухтел, что ему надоело, я в ответ шипела о его безответственности. Мы все больше раздражали друг друга.

Поэтому когда я зашла в комнату в строгой юбке, с пучком на голове, туфлях на шпильке и скомандовала: «Давай сначала займемся делом», Димка обреченно потянулся к учебнику на полу. Пришлось наступить на учебник и похлопать линейкой по ладони. Я помню, как взгляд мужа медленно скользил по ноге в провокационной сеточке все выше и выше и как застрял в расстегнутых пуговицах рубашки. Я жестко за подбородок подняла его лицо и потребовала смотреть мне в глаза. Я была очень строгая учительница.

Это было что-то новенькое. В наших отношениях я всегда была ведомой, и инициатива обычно была с его стороны. Такая игра и неожиданная смена ролей были как взрыв бомбы. Он посмотрел на меня, и его взгляд, сначала растерянный и неверящий, стал жадным, наглым и горячим. В его расширившихся зрачках было такое безумное желание, что на секунду я испугалась, но уже сама не могла остановиться. Правда командовала я недолго. Подчинить это воплощение строгости для него было делом принципа.

Тот день изменил нас. Раньше мы никогда не демонстрировали чувства публично. Но теперь неважно где мы были: на улице, среди знакомых, да везде, мы стали постоянно держать меня за руку, обнимать, целовать. Дома или нет, я чувствовала его подчеркнутое внимание, нежность, заботу. А я перестала стесняться говорить о том, что хочу: булочку, кофе или что-то погорячее.

Прошло ровно пять лет, и он снова смотрит таким безумно обжигающим взглядом, словно имеет на меня какие-то права. Он смотрит так, что моя одежда как будто испаряется, и я чувствую своей обнаженной кожей, как его взгляд гладит меня по плечам, ключицам, груди. Я просто вспыхиваю как спичка. Лицо заливает яркий румянец, а внутри неожиданно все сводит от желания быть с ним, прикоснуться к нему, чувствовать, как его руки одновременно нежно и сильно прижимают к себе. Слишком мне хорошо было с ним раньше. И никак это не вычеркнуть из памяти.

Мы смотрим в глаза друг другу, и я снова не могу отвести взгляд. Я даже пальцем пошевелить не могу. Я как кролик перед удавом, нет сил ему сопротивляться. Я слышу как что-то говорит Милана, но не реагирую. Как же она нам мешает. Как все люди вокруг нам мешают! Не могли бы они просто оставить нас вдвоем?

Милана говорит еще громче, и это действует как ушат холодной воды. Я опускаю глаза, а потом прошу официанта принести воды. Я не могу понять сколько мы с Шумским смотрели друг на друга. Наверное, несколько секунд. Но во рту просто пустыня Сахара, трясутся руки и кружится голова. Боже, что я же я творю! Я не должна на него так реагировать.

— Что ты хочешь? — хриплым голосом спрашивает Шумский.

То, что я хочу на самом деле, я никогда не скажу тебе вслух. Но предложение у меня

ЕСТЬ.

Дмитрий

Я смотрю на нее и понимаю, что опять не понимаю ее. Моя неразгаданная тайна. В суде она была снежная королева, вышла за дверь и она хулиганка, сейчас — деловая щучка. Обглодает глупышку Милану, та и не заметит. Своей непредсказуемостью она сводит меня с ума. Всегда сводила.

Я думал, что я повзрослел и вижу людей насквозь. Утром мне показалось, что мир прогнул ее под себя. И теперь она такая как все, холодная стерва с пустыми разговорами о тряпках. Я готов был уехать. И если бы не увидел, как она играет с мальчишкой, то уехал.

Несколько минут, и мой тщательно выстроенный мир летит ко всем чертям. Все мои цели, все будущее, которое я так тщательно спланировал, машут мне ручкой. Пока, мы больше не увидимся. Теперь у меня есть только одна цель. Которая сейчас сидит передо мной и бросает косые взгляды, надеясь, что я их не замечу.

Зато я смотрю на нее не отрываясь. И чем больше смотрю, тем больше понимаю, как я ошибался. И утром, и тогда 5 лет назад. Я не должен был ее отпускать.

Интересно я один вижу, как она прячет себя настоящую? Костюм, туфли, весь этот марафет безупречный. Можно в палату мер и весов как идеальную деловую женщину. А в ушах не золото с бриллиантами, а какая-то ассиметричная хрень, наверняка авторской работы в одном экземпляре. Как она всегда любила. И в глазах черти жгут костры.

Но переговоры ведет отлично. Красава просто. Присоединение, комплимент, аргумент, выгода. Я, конечно, тоже так делаю, поэтому работу мастера могу оценить по достоинству.

Хотя кого я обманываю. Мне сейчас вообще не важно, что она говорит. Такая нежная, такая желанная. Я смотрю на ее губы и знаю, какие они мягкие, я смотрю на завитки волос около шеи и знаю, как сладко пахнет ее кожа. Каким богам мне молиться, чтобы мы остались наедине хотя бы на пару часов?

И когда на мой телефон начинают сыпаться десятки уведомлений, я сначала хотел отключить звук. Но потом понял, что кто-то услышал мои молитвы. И это мой шанс. И я не упущу ни его, ни мою женщину.

И тут она говорит «Давай сначала займемся делом». У меня просто сносит крышу. Ты добить меня решила, зараза? Я же по глазам вижу, что ты все помнишь. Можешь по моим прочитать, что я прям сейчас готов увести тебя, снять эти строгие тряпки и любить тебя до звездочек в глазах.

Не знаю как, но я ее верну. Я не позволю ей смотреть так, на кого то кроме меня. Плевать на то, что было в прошлом. Мы начнем все сначала.

— Мой клиент готов отдать два салона и три миллиона. Это вполне хватит на безбедную жизнь, — я посмотрела на Дмитрия и Милану с широкой искренней улыбкой. Диму эта игра явно забавляла, а вот блондинка аж подпрыгнула.

— Это мало. Это очень мало, — она умоляюще смотрела на своего адвоката.

Мой бывший муж, словно сытый кот, умудрился даже на простом стуле кофейни принять вальяжную позу и, чуть ли не зевая, сказал:

— Семь салонов, дом и десять миллионов.

— Дом не обсуждается, если мы хотим договориться. Квартира на правом берегу. Новый дом, вся инфраструктура, — я заливалась слезами, принимая правила игры.

— И находится эта квартира у черта на куличках. Тогда две квартиры в центре, — мурлыкнул он, наклонившись через столик ко мне.

Милана смотрела на нашу пикировку как на теннисный матч, следя за подачей и переводя взгляд с одного на другого.

— Четыре салона, квартиру на Советской и четыре миллиона, — я смотрела в глаза Шумского. Меня просто пьянило от азарта, все складывалось как нельзя лучше.

— Пять. И салоны она выберет сама, — он довольно ухмыльнулся и повернулся к Милане, вопросительно подняв бровь.

— И мой мерседес. Я знаю, Суворов его спрятал, а всем говорит, что угнали, — пискнула блондинка.

Что ж можно выдохнуть. Главное не показать это моим оппонентам. Опустив глаза, стала размешивать кофе ложечкой. Затем несколько раз брала телефон в руки и снова опускала его на стол. Наконец, неуверенно произнесла:

— Это больше, чем хочет дать мой клиент, но я постараюсь уговорить его.

Мне пришлось разыграть сцену разговора по телефону с Суворовым, где он не верил, что отделался столь малой кровью, и рассыпался в комплиментах, а я для зрителей изображала, что успокаиваю его и просила согласиться на такое замечательное предложение.

Шумский с большим трудом сдерживал улыбку. Вряд ли мой спектакль его убедил, но я и не для него выступала.

— Боже, какой же он упертый, — с тяжелым вздохом, я положила телефон на стол. Милана с жаром кивала головой, выражая мне сочувствие, — я думаю соглашение надо подписать как можно быстрее, пока он не передумал. У меня есть знакомые в суде, надо будет устроить, чтоб нас приняли в понедельник. Мы можем поехать сейчас ко мне в консультацию и составить текст.

— Нет, — Шумский ответил очень быстро, — меня сейчас ждут родители. У нас очень важный разговор.

В одну секунду его хорошее настроение куда-то испарилось. Было видно как напряглись его плечи и глаза стали как грозовая туча.

— У вас все в порядке? — против воли вырвалось у меня. Зачем я об этом спросила? Как будто мне не все равно, как будто я по-прежнему член семьи. Дмитрий неопределенно мотнул головой, попытался улыбнуться. но потом махнул рукой и ничего не сказал.

— Ладно, давай завтра, — у меня почти получилось, я не отпущу тебя без соглашения.

— А завтра мы едем к Васе. И ты кстати тоже приглашена, — Шумский указал глазами

на мой телефон.

У него такой предвкушающий взгляд, что телефон в руки я беру с опаской. Семьсот сообщений за час? Вы серьезно?

Чат создал наш однокурсник Вася, с которым мы виделись с утра в суде. Он рассказал свою душераздирающую историю, а также о том, как друзья помогли ему найти выход из ситуации. Пожарные сменили гнев на милость, перешли на более мягкую статью, штраф там небольшой и он его уже оплатил. И Васю осенило, что самое главное в жизни — это люди. Друзья и близкие. И сегодня однокурсники явно относятся у него к близким друзьям. Поэтому он предлагает приехать на выходные к нему в отель и устроить импровизированный вечер встреч выпускников. «Скидываемся только на еду по десять тысяч, спиртное можете привезти с собой».

Может сказалось лето, может то, что место у Васи и правда было клевое, а может народ просто хотел повидаться и узнать как дела, но идея зацепила, и в чат активно по цепочке добавлялось все больше бывших однокурсников, которые активно осуждали предстоящую встречу. Я тоже добавила Настю, наверняка ей захочется в этом поучаствовать. Но мне это зачем?

Наш институт был довольно интересным заведением. Существовавший еще с советских времен он имел хорошую учебную базу и сильных педагогов. Но большим недостатком было одно единственное здание, которое не могло вместить всех желающих. Тогда кто-то умный решил сделать это плюсом и придать всему этому налет элитарности. У него было несколько потоков заочки с разными направлениями, но на очной форме был один единственный курс на 150 человек. Обучение было очень дорогим. За эти деньги студентов драли как сидоровых коз: никаких поблажек, никакого блага при обучении, оценки просто так никто не рисовал. Выпускники должны были поддерживать престиж института.

Конкурс для поступления всегда был дикий. На бюджет было 6 мест. Я поступила. И оказалась среди людей, которые могли в кафе за раз потратить больше, чем средняя зарплата по городу. Но отличалась я не только доходом.

Единственный поздний ребенок я росла в окружении очень любящей семьи. Я не знала отказа в играх и внимании. Все, что они могли мне дать, это книги и рукоделие. С трех лет я умела читать, а также шить, вязать, плести. Я была активным участником всех кружков рукоделия, а позже и всех творческих ярмарок. Окружение у меня сформировалось такое же. Где-то в этом круге я познакомилась с Лерчиком, которая с десяти лет была и остается моей лучшей подругой. Стиль в одежде у меня был бохо с его яркими красками и крупным украшением ручной работы.

Появится такой дикой тропической птичкой в сосредоточии элегантности и гламура было вызовом. Только я сначала этого не понимала. Я прошла все: от косых взглядов и смешков за спиной до прямых издевок и язвительных замечаний. Я злилась, бесилась, плакала. Но ничего не могла изменить ни с ними, ни с собой. Я пыталась одеться просто, но рука тянулась добавить маленькую деталь: платок там, браслетик какой-нибудь и хоп! от простоты ничего не осталось.

Со временем все сгладилось. Появился свой круг общения. Но снова оказаться под прицелом их вкуса и замечаний мне не хотелось.

Поэтому я предложила Шумскому:

— Ну давай встретимся с утра, а потом ты поедешь к Васе.

— Ты не хочешь отдохнуть? — удивился он.

— Да какой это отдых, — я начала нервничать, — приедем и будем смотреть друг на друга, не зная о чем говорить. Пять лет прошло, мы по разным углам разбежались, общих тем нет.

— Так в этом и смысл, — усмехнулся Дмитрий, — узнать что нового. Похвастаться, что сделали.

Я только хотела буркнуть, что хвастаться некрасиво, как влезла Милана:

— А можно я с вами?

Я смотрю на переписку в чате, нахожу знакомых и вспоминаю, что о них знаю. Вот сын областного прокурора, он уже стал заместитель прокурора района, и все ждут в этом году его очередного повышения. Просто удивительно как легко складывается его карьера. И таких совпадений в этом списке было много. Кто-то в семейном бизнесе, кто построил свой, кто-то успешно строит карьеру.

Нет, Милана, тебе туда нельзя. Ты захлебнешься слюной и потеряешь сознание от невозможности сделать выбор, а наши мозгоклюйки порвут тебя на тысячу маленьких Милан. Не хочу я тебе такой участи.

Шумский тоже не хочет, поэтому дипломатично говорит:

— Милана, я бы с удовольствием взял вас с собой. Но можно прийти только по личному приглашению хозяина отеля. Вот Елена не даст соврать.

Я машу рукой в знак поддержки:

— Ну что вы, Дмитрий, врите сколько хотите.

Полюбовавшись на его укоризненный взгляд, я зову официантку:

— Скажите, у вас есть попкорн, — и добавляю на возмущенное покашливание Димы, — карамельный. Очень захотелось карамельного вкуса.

Официантка окидывает нашу компанию заинтересованным взглядом и не теряется:

— У нас есть мороженное с карамелью и кедровыми орешками.

Это была не моя проблема, поэтому я могла получать двойное удовольствие: наслаждаться мороженым и наблюдать бой, болея за обе стороны. В правом углу ринга Милана пыталась изображать незаинтересованный вид и доказывала, что она обязательно должна присутствовать на подготовке соглашения, и Дмитрию негоже приходиться на встречу выпускников без красивой спутницы, а то люди решат, что он мало зарабатывает. В левом углу Шумский в ответ объяснял, что в лучшем в нашей области загородном отеле с бассейном, хамамом, уютными беседками, рестораном, танцполом и прочими развлечениями будет очень, очень деловая встреча нескольких старых знакомых и ей, Милане, там будет невыносимо скучно. Как рефери я старалась не смеяться.

Шумский оживленно жестикулирует, и в какой-то момент смахивает со стола салфетки. Мы одновременно наклоняемся, чтобы собрать их, и я замечаю, что под кожаным браслетом часов у него есть татуировка. Это так не вяжется с его деловым стилем, что мне хочется понять, что там изображено, но видно так мало деталей. Я понимаю, что Дмитрий заметил мой интерес, и щеки заливают румянец. Только он тоже почему-то смущен. Он стесняется татуировки?

Я собираю салфетки, разлетевшиеся около меня, когда Шумский берет меня за руку. От неожиданности я просто застываю, но он просто вкладывает к моим салфеткам свою часть. Я с облегчением выдыхаю и поднимаю на него глаза. И снова ловлю его внимательный взгляд. Он словно ждет, чтобы я что-то сказала или сделала. Я вопросительно поднимаю брови, но он молчит и очень медленно, как-то нехотя, отпускает мою ладонь.

Воспользовавшись минутой, когда Милана ушла попудрить носик, бывший муж наклоняется ко мне и нахально говорит:

— Ты могла бы помочь.

— Сначала я хотела, — я наивно широко распахиваю глаза и прикладываю руку к

сердцу в знак искренности, — но поняла, что Милана и сама неплохо справляется.

— А мне? — Шумский обиженно поджимает губы.

— Неужели такой крутой московский адвокат нуждается в помощи провинциальных коллег? — я скромно опускаю взгляд.

— В помощи? В защите! Мне срочно нужен адвокат! — и без всякого перехода добавляет, — Ты приедешь?

— К Васе? Слушай, это плохая идея. Как ты себе это представляешь? Мы в шезлонгах с бокалом мартини в руках печатаем на ноутбуке? Перекрикивая музыку спорим о суммах? Давай завтра с утра все сделаем, и ты свободен как птица в полете.

Но Дмитрий не сдаётся. Он тут же пишет в чат «Вася, есть тихое место с интернетом, где можно поработать пару-тройку часов?». Ответ прилетает мгновенно «Ну я же как-то работаю. Найдём».

Переписка в чате продолжает увеличиваться с астрономической скоростью. Неожиданно многие спрашивают обо мне, вспоминают как однажды на восьмое марта я организовала индийский праздник Холи. И маскарад на Хэллоуин. И святочную вечеринку с гаданиями. А приятно, черт возьми, Не ожидала, что это так запомнилось.

Жизнь определенно налаживается. У меня уже практически все получилось с мировым соглашением, мой отпуск гостеприимно распахнул мне свои объятия, погода просто отличная для прогулок, шашлыков и для чего угодно в этом мире, напротив сидит Дмитрий, которым можно безнаказанно любоваться и с которым можно безобидно флиртовать. Настроение как игристое шампанское. Хочется поскорее поменять этот строгое платье на легкий, раздуваемый ветром сарафан, сменить туфли на шпильке на цветные босоножки и устроить какую-нибудь безобидную шалость.

В общем, все было прекрасно, пока кто-то не написал Шумскому «Вита будет?». А он просто добавил ее в чат.

У меня как будто выключили солнце. Все воспоминания пятилетней давности обрушились на меня могильной плитой.

Мы закончили институт и уже начали собирать вещи, чтобы переезжать в Москву, где родители купили Шумскому квартиру, когда обострилась болезнь моей бабушки. Ей ампутировали ногу и мы с семьей стали решать, что дальше делать. Точнее семья думала, что она решает, но для меня этот вопрос не стоял. Я знала, что я буду рядом с ней.

Я была поздним ребенком, мои бабушки и дедушки были очень пожилыми людьми. На протяжении моего детства и юности любящие меня люди уходили один за другим. Каждый раз, когда я понимала, что больше не увижу, не смогу обнять, не услышу их смех, не смогу поделиться радостью или печалью, что я теряю своего близкого человека навсегда, это разбивало мне сердце. Я просто не могла уехать и знать, что она осталась одна со своим одиночеством и болью.

Родителям оставалось несколько лет до пенсии. Бросить работу сейчас означало, что они вряд ли смогут найти что-то достойное потом. Лечение же, лекарства, поездки, анализы, вызовы врача съели все сбережения родителей и продолжали тянуть из них деньги как мощный пылесос. Оплачивать сиделку возможности не было.

Бабушку потеря ноги просто сломала. Из доброй веселой женщины она превратилась в законченную мегеру. Из нее непрерывным потоком сыпались придирки, жалобы и скандалы. Еда слишком горячая или холодная, недосоленная или пересоленная, слишком жидкая или густая. Пыль я вытираю не так, полы мою плохо, посуду мыть вообще не умею. Но хуже всего было, когда она затихала, а потом просила отпустить ее, дать ей умереть. Я очень боялась, что в мое отсутствие, она что-нибудь сделает с собой.

Меня съедала тоска от беспомощности, от невозможности что-либо изменить, уменьшить ее боль. Для меня она оставалась моей любимой бабушкой, которая качалась на качелях со мной на перегонки, которая не раздумывая пускала под нож свою любимую юбку для моих экспериментов, которая строила со мной палатки из одеяла и стульев и слушала там мои страшные истории про черную руку. Как я могла оставить ее?

Чтобы хоть как-то помочь семье с деньгами, я на устроилась на удаленную работу в колл-центр, беря смены по вечерам и ночью, когда бабушка спала и не требовала от меня много внимания.

За неделю я страшно уставала, на выходные за бабушкой приходила ухаживать мама, а ехала к мужу в Москву. Когда он приезжал в родной город, у нас банально не было возможности побыть вдвоем. Квартира, в которой мы жили последний год, была его родителей, и так как Дмитрий переехал, они сдали ее другим жильцам. Останавливаться в квартире бабушки или родителей тоже было не комильфо. Так что по субботам на первой электричке я мчалась к любимому.

А Шумский... злился. Он злился, что когда я приезжаю, начинаю заниматься домом, а мне хотелось уюта и позаботиться о нем. Он злился, что я усталая и хочу просто поваляться, а не активных развлечений. Он злился, что я не такая как раньше — веселая, энергичная, заводная. Жаловался, что я охладела к нему, стала равнодушной и закрытой, ничем не делюсь и много ругаюсь. А мне просто нечего было ему рассказать. У меня был непрекращающийся день сурка. Наша любовь рушилась как картонный домик.

В один из таких приездов дверь мне открыла Вита. В коротеньком топе и стрингах. Идеальная ухоженная Вита. С безупречным ровным загаром, светящейся коже, волшебными

локонами и пухлыми губами. Она прислонилась к косяку, не пропуская меня в квартиру, и насмешливо спросила:

— Ты так ничего и не поняла?

— Лен, ты, конечно, простушка каких поискать, — насмешливо продолжала она, — но вроде не совсем дура. Ну как тебе еще сказать, чтобы ты не приезжала? Хватит бегать за ним. Это Москва и взрослая жизнь. Здесь ценятся совсем другие вещи. И другие женщины.

Она смотрела на мою одежду, обувь, руки, волосы, и ей доставляло удовольствие, то что она видела. Самодовольство затапливало ее с ног до головы. Она любовалась своим безупречным красным маникюром и снова циничным весельем окинула взглядом меня. А я спрятала свои короткие ногти и неухоженные от постоянной домашней работы руки в карманы.

Да, я знала, что тут ценятся совсем другие вещи. Мы покупали Димке хорошие костюмы, модные галстуки и дорогие часы. Все должно работать на образ успешного человека. Не будет другого шанса произвести первого впечатления. Или тебя запомнят как мальчика на побегушках, или воспримут как адвоката, не обратя внимание на статус помощника.

А я все время была дома. И главное требование к вещам у меня было удобство. Футболки, мягкие штаны, носочки с прикольными надписями. Все можно было купить в магазинчике на углу дома. Можно, но обычно не нужно. Зачем закупать новых вещей, если есть хорошие, пусть и немного поношенные, а денег и так не хватает.

Я тупо смотрела на нее и не находила слов. Я просто не могла в это поверить. Она просто разыгрывает меня. Наверное, попросилась со своим парнем провести время в нашей квартире, а мой муж поехал в наш город, он и правда предлагал мне не приезжать. Затем сквозь музыку, гремевшую в квартире, я услышала как Шумский крикнул:

— Вит, на тебя кофе делать?

Конечно, он был дома. И сейчас он ждет, как Вита в этих стрингах придет к нему на кухню, сядет на колени и они будут пить кофе. Кофе, который я с такой любовью выбирала. Из чашек, которых я часами искала по обычным и интернет-магазинам. Будут кормить друг друга маленькими красивыми бутербродами на один укус. Я сама научила Дмитрия готовить их, и это был наш ритуал выходного дня.

Меня начало накрывать злостью, гневом, отчаянием и болью. Я хотела вцепиться этой ведьме в ее патлы и выцарапать глаза Шумскому. Выплеснуть горячий кофе в лицо этому лицемеру. Настучать по голове тяжелой сковородкой этой шалаве. Как они могли?! Да хрен с ней, этой загорелой тварью. Как он мог?!!! Как он мог предать нашу любовь? Как он мог испохабить всю ту нежность и близость, что была у нас? Как он мог так поступить со мной, если он меня любит? А он меня вообще любит? Я поняла, что сейчас просто закричу. А Вита еще раз презрительно усмехнулась и захлопнула дверь прямо перед моим носом.

В средние века была такая пытка — железная дева. Когда закрывающиеся створки пронзали человека десятками металлических игл. Я чувствовала себя этим приговоренным. Дверь закрылась, и меня словно прошили десятки или сотни штырей. Они выпустили из меня весь воздух, всю кровь, всю энергию и радость жизни.

Я сползла по стене, потерявшись во времени пространстве. Несколько минут я не понимала, где я нахожусь, что мне надо делать, да кто я вообще? Была мысль постучать и потребовать объяснений. Еще билась надежда, что это какое-то нелепое совпадение, что мне привиделось, я что-то не так поняла. Но через секунду я поняла, что еще одной порции

унижений я не вынесу. Я просто сойду с ума.

В полной прострации я вышла на улицу и бродила, не понимая куда иду. До сих пор не помню, как я провела этот день. Я все время варилась в своих мыслях. Как я могла не замечать очевидного? Я чувствовала ее сладковатый запах духов, когда приезжала в квартиру, но думала про освежитель или запах с улицы. Я видела, что мои вещи перекладывали, но думала, что это Дмитрий что-то искал. Теперь понятно, почему он стал уклончиво говорить по телефону вечерами и стал редко писать.

Но чаще всего в голове кувалдой билась одна мысль. Вита говорила «Как тебе еще сказать, чтобы ты не приезжала?», а мой любимый муж вечером написал мне «Наверное, не стоит тебе приезжать. Я понимаю, ты очень устала». Я обрадовалась, когда это прочитала! Он понял! Он все понял, что со мной происходит. Мы теперь все наладим. Я просто летела к нему сама не своя от счастья. Но это значит, что они вместе написали сообщение. А я просто дура, которая не понимает намеков.

Я то задыхалась, то горела, то наоборот руки и ноги леденели. Я бессмысленно металась по городу, натыкаясь на людей, столбы, урны, лавочки. Один раз я чуть не вышла на красный свет светофора, опомнившись в последнюю секунду от резкого сигнала и матерной ругани водителя. Пришла в себя я ближе к вечеру и на электричке вернулась в родной город.

На следующий день написала Шумскому, что хочу развестись. Знаете, что он мне ответил?

Глава 19

«Ок», — ответил он мне. И все! Одно слово. Две буквы. О чем говорить, о чем спрашивать, да? Объяснить или попросить прощения? Да зачем?! Ну подала жена на развод, и слава Богу! Этот ответ причинил мне, наверное, еще больше боли, чем сама измена. Я никогда не смогу понять, как можно быть настолько равнодушным. Словно я не человек, словно не было года брака, не было чувств, отношений, близости. Выкинул из своей жизни, как ненужную бумажку.

Через две недели мы встретились около ЗАГСа и подали заявление. За все время никто не произнес ни слова. Когда мы вышли из здания, в его машине я увидела Виту. Ну понятно, молодец, Виточка, Доводит сделку до результата. А то вдруг Шумский бы где-нибудь заблудился по дороге. Не удивлюсь, если она его сразу повела другое заявление подавать. Скотина! Тварь!

Родным я не стала объяснять, что произошло. Сказала, что мы охладели друг к другу, отношения не выдержали проверку временем и расстоянием. Я не хотела их расстраивать. Все разговоры я сразу пресекала. Все, что могла себе позволить — это немного поплакать в душе, пока льется вода, чтобы не тревожить бабушку.

Следующие дни я делала то, что умной девушке не стоит делать. Я паслась у Виты в соцсетях. Оказывается последние несколько недель она постоянно выкладывает фото с Шумским. До нашего разговора они были еще более-менее нейтральными. Даже если бы я увидела их раньше, муж легко бы отбрехался. Ну, подумаешь, компания из нескольких человек тусит в баре. Ну, облокотилась она на его плечо, так это чтоб в кадр влезть.

Но после разрыва они перестали скрываться. Вот она у него на коленях, вот кормит его с руки, вот они съездили на выходные в Польшу, затем в Питер, а потом в Чехию, вот Вита хвастается новым телефоном, который ей подарил любимый, теперь ее фото будут еще круче, а вот они горячо целуются. День за днем я изводила себя, постоянно обновляя ее страницу. Сходя с ума от боли и отчаяния, наблюдая за тем, как мой любимый мужчина осуществляет мои мечты с другой женщиной. Пока об этом не узнала Лерчик.

Мама выгнала из дома меня к ней в гости, чтобы я немного развеялась. Подруга с квадратными глазами слушала мои завывания, а потом выхватила мой телефон и куда-то убежала. Вернулась через час с кнопочным телефоном, куда вставила симку и записала важные номер. И поклялась, что отдаст старый, только когда я приду в себя. Я сорвалась в некрасивую истерику с криками и оскорблениями, я рыдала и бесилась несколько часов. Но это было то, что мне нужно. Я смирилась с тем, что произошло.

А сейчас судьба предлагает мне посмотреть на идеальную пару для глянцевого журнала Диму с Витой? Seriously?

— Нет, — говорю я резко.

— Что нет? — удивляется Дмитрий.

— Я не поеду, — с ненавистью смотрю ему в глаза.

— Почему? Я обо всем договорился. И там будет классно, там куча народу будет. Я их сто лет не видел, — Шумский растерянно смотрит на меня.

Зато некоторых в своей постели еще утром, наверное, видел.

— Приедешь чуть-чуть попозже, и у тебя будет куча времени со всеми поговорить, — не сдаваюсь я.

— И зачем это делать в душном городе, когда можно сделать на природе. Лен, я пашу как проклятый, мне хочется отдохнуть в нормальных условиях, ты понимаешь?

Ути ты Божи мой, у нас же в мире только один он вкалывает, все остальные ничего не делают.

— Потому что я не смогу настроиться там на работу. Нам надо все сделать за выходные, а среди толпы народа, жаждущей пообщаться это невозможно, — я тоже умею настаивать.

— Я найду тихое место, — мой бывший муж начинает закипать.

— Ты понятия не имеешь как там все устроено, где ты собрался его искать? — у меня даже руки начинают трястись от злости.

— Зато ты там в каждом углу побывала, да? — вдруг взрывается Шумский.

Несколько секунд я в шоке смотрю на него, а потом швыряю на стол купюру и резко поднимаюсь из-за стола, с шумом отодвигая стул:

— Да пошел ты... На своих баб ори.

Я добежала до своей машины и остановилась, опираясь на ее крышу. От слез все расплывалось, и я сейчас не смогу даже найти ключей в сумке. Как же я его ненавижу, гребанный эгоист! Все должно быть только как он хочет.

Но что я наделала?! Зачем я сорвалась? Я должна была его заставить, уговорить, убедить. Я не должна была убегать. Но в его присутствии мой хваленный контроль летит к чертям.

Мне становится просто невыносимо от отчаяния. Ведь у меня почти все получилось, все сложилось просто идеально. Это Шумский мне все испортил. От него в моей жизни только зло и неприятности.

В этот момент кто-то кладет мне руки на плечи. От испуга с криком оборачиваюсь и утыкаюсь... ну да, в Дмитрия. Я настолько погрузилась в свои мысли, что не слышала как он подошел. Он хочет мне вытереть слезы, но я отталкиваю его руку.

— Лена, я не хотел... Я не должен был... Прости. Прости, пожалуйста, — он с тревогой заглядывает мне в глаза. Но я отворачиваюсь. Мы молча стоим несколько минут, после чего он продолжает уже более увереннее, — Я сорвался. Я сам не понимаю почему, но это меня не оправдывает. Прости меня.

— В качестве извинений жду тебя завтра в десять у меня в кабинете, — я достаю из сумки свою визитку и вкладываю ее в нагрудный карман пиджака Шумского.

Он с улыбкой смотрит на того, как я это проделываю, усмехается и отрицательно качает головой.

— В качестве извинений я оплатил твой взнос на вечер встреч. Поэтому завтра с десяти

утра жду тебя у Васи. Я посмотрел, ребята только часам к двум-трем будут подтягиваться, поработаем в спокойной обстановке, — нахально заявляет он.

— Что?! Это уже слишком! Ты кто такой, чтоб за меня что-то оплачивать? — слезы высохли от моей ярости, — Я не приеду.

— Ну как хочешь, — он разводит руками, разворачивается и уходит к своей машине. Проезжая меня он притормаживает и опускает стекло, — Реши сама, нужно тебе это соглашение или нет. Если нужно, приезжай.

— Ты не понимаешь, — топаю я ногой, — там все нам будут мешать.

— Я вырою нам землянку в лесу, и там точно никто не помешает. Главное, приезжай, — смеется он и уезжает.

Гнусный мерзавец!

Я в совершенно расстроенных чувствах еду обратно в офис, когда мне звонит мама. Она сочувственно охает и ахает, слушая мой рассказ, а в конце неожиданно заявляет:

— Ты просто обязана туда поехать.

Глава 21

— Мам, ты вообще слышала, что я говорила? — не могу поверить своим ушам, мама же всегда на моей стороне. Она не могла такого сказать,

— Все я слышала, — мама сопит в трубку, — но ты сама говоришь, другого шанса сделать эти бумаги не будет. А тебе надо отдохнуть, солнышко. Ну ты совсем уже синяя стала без солнца. Только над своими бумажками сидишь, не разгибаясь. Жить ты когда будешь?

— Прекрасно я живу, мам. Но я не собираюсь подчиняться его самодурству. Он же меня заставляет в этот отель приехать, — пытаюсь объяснить ей очевидные вещи.

— Да, подумаешь. Меня б кто так заставил. А то отец твой, вон, на дачу заставляет, а в ресторан ни разу не заставил. А я б не отказалась, если б еще в санаторий или на море заставил. И вообще, может Дима и думает, что заставляет. А на самом деле он под твою дудку пляшет и соглашение твое, как миленький, подпишет, — не сдастся мама, — так что собирайся. Потанцуй, воздухом подыши, как вы там развлекаетесь сейчас.

Никак! Я мрачно смотрю на дорогу. Я никак не развлекаюсь. Я только работаю как ломовая лошадь. И, конечно, мне хочется в эту красивую сказку, но только там другие принц с принцессой. Поэтому вслух я говорю:

— Я поеду к Лерчику и там развлекусь, мам. А тут с кем мне веселиться? Я уже и не помню их.

— Ну что ты такое говоришь. А Настенька? А Игорек? Он к тебе так всегда хорошо относится, — иногда мне кажется, что во всем мире только моя мама помнит, как на самом деле зовут Васю, — да у вас там много хороших девочек было. Я помню, как на выпускном вы фотографировались.

— Мам, выпускной — это выпускной. Там все фотографируются.

— Ты не права. Там как раз решаешь, о ком хочешь помнить, — а затем мама вкрадчиво добавляет, — Ну а как же твоя цель, золотце мое? Ты же этого все время добивалась, ты столько к этому шла, столько сил потратила.

Я с силой сжимаю руль и закусываю губу чуть ли не до крови. Да уж, мама знает меня лучше всех.

Когда через несколько месяцев после развода бабушка умерла, я погрузилась на дно отчаяния. Я проиграла по всем фронтам. Мой любимый меня бросил, я работала на самой тупой и бесполезной работе, и даже бабушке я ничем не смогла помочь. Я ни на что не способна. Полный ноль.

А потом мама робко попросила у меня совета. Оказалось у бабушки в документах иногда ее фамилия была написана через «а», а иногда через «о». Это легко решается через суд. Мне пришлось собраться, чтобы написать исковое заявление и дальше заниматься этим вопросом.

В суде я и встретила Настю, которая однажды после заседания позвала меня к себе в кабинет выпить чаю. Настя спросила, чем я занимаюсь, а потом предложила работу. В жэу в нашем районе требовался юрист. Правда платят там копейки, чуть больше минималки.

Я истерически рассмеялась. Все к одному. Пока другие катаются на дорогих машинах и отдыхают за границей, мой удел одежда на распродажах и продукты строго по акции.

Настя тогда вся сжалась и дрожащим голосом сказала, что это же только начало. Зато

работа у них простая, в основном типовые договоры и иски по взысканию задолженности, будет возможность постепенно все изучить и много времени на подготовку. За такие деньги они согласны взять человека без опыта. Настя и сама в суде мало получала, но у нее есть цель — стать судьей. А значит несколько лет придется потрудиться так.

Мне стало очень стыдно. Настя искренне пыталась помочь, и на самом деле это был для меня шанс. Я судорожно ее обняла и прошептала спасибо.

У меня появилась цель, которая помогала мне вставать по утрам. Я добьюсь всего сама. Я сама заработаю на свою красивую жизнь. Я стану лучшей.

Я отработала в жэу год. Пока на одном из заседаний не пересеклась с председателем одной из коллегий адвокатов. Мы сцепились с ней не на жизнь, а на смерть. Я думала, что получила врага на всю жизнь. А через несколько дней она позвонила и предложила перейти к ним, сначала помощником, а потом стать адвокатом. Ей понравилось, как я работаю.

Я шла ступенька за ступенькой к своей цели. И сейчас я была близка к ней как никогда.

— Это же твой шанс показать себя, — демоном-искусителем продолжала мама, — Ты же туда хочешь. Там будут люди с большими деньгами. Дорогие клиенты и большие сделки. Ты же круглые сутки работаешь, что зарекомендовать себя именно перед ними.

От отчаяния у меня все сжалось внутри. Во рту пересохло, и я с трудом смогла вытолкнуть слова из себя:

— Мам, они сами юристы.

— Но не все они адвокаты! — победно заявила мама, — а некоторые и вообще по специальности не работают, в бизнес ушли. Значит когда им или их знакомым потребуется адвокат, они вспомнят о тебе. Поезжай туда, слышишь, поезжай.

Я не знала, что ей ответить. Как объяснить, что мне будет нестерпимо больно смотреть на бывшего мужа с любовницей. И кроме того, видеть в глазах окружающих сравнение и понимание. Только понимать они будут не меня, а Шумского, который выбрал холеность и глянец Виты.

Неожиданно мама расплакалась:

— Прости меня, доченька, я так испортила тебе жизнь.

Я очень растерялась, когда это услышала:

— Мам, ты о чем?

— За то, что семью твою порушила, — продолжала всхлипывать мама, — ты с мужем должна была жить, а не за бабушкой ухаживать. Мужчину нельзя одного надолго оставлять. Вот он и загулял.

— Откуда ты знаешь? — севшим голосом проговорила я.

— Да что там знать! — с досадой ответила мама, — какое там не сошлись характерами и разлюбили. Ты ж каждые выходные летела к нему как на крыльях, глаза сияли. А вернулась и погасла. Ходила не жива, ни мертва. На мужиков до сих пор не смотришь.

— Я смотрю. Просто...

— А мужики в никуда не уходят, — продолжала гнуть мама, — значит либо баба у него была, и он к ней ушел, либо ты застучала, и тогда сама ушла. Тут вариантов то немного.

Надо выжечь себе где-то в мозгу «Никогда не считай себя умнее родителей». Я молчала и не знала, что сказать.

— И я ж почти нашла. Соседка с пятого этажа после Нового года тогда на пенсию собралась, она согласилась с мамой до трех быть, а после шести я бы уже прибегала. Не дотянули совсем чуть, — она уже просто рыдала, — Она ж моя мать, я должна была о ней заботиться, а не на тебя все сваливать. Все из-за меня.

— Нет! — я просто закричала. Мне пришлось найти место, где остановиться и включить аварийку. Я просто задыхалась, — ты не должна себя винить в том, что кое-кто не может держать штаны застегнутыми! У всех бывают проблемы. Болезни, командировки там. Это не значит, что можно изменять, если зачесалось. Иначе грош цена такой семье. И вот все к лучшему. Что я сразу узнала какой он. Было бы хуже, если бы у нас дети уже были.

— Но ты ж на себе крест поставила. Никуда не ходишь, ни с кем не встречаешься. А как мне на это смотреть? Ребенок страдает, а я сделать ничего не могу.

— Я... У меня очень много работы, — немного лукавлю я.

Работы, конечно, много. Только сама ее суть мешает склеить розовые очки, разбитые Шумским. Когда каждый день ты видишь неплательщиков алиментов, приезжающих на дорогих машинах, скандальные разделы имущества из-за пары стульев, разводы из-за алкоголя и измен, слушаешь рассказы как муж уходя даже розетки выкрутил, или бросил заболевшую жену, или сбежал когда ребенок заболел да еще и со всеми деньгами, новых отношений заводить не хочется. Совсем. Наверное, где-то еще бродят единороги и есть мужчины верные, ответственные и любящие, но единорога встретить проще.

— Вот именно. Ты со своей работы света белого не видишь. Поезжай к Игорьку. Погуляй, потанцуй, пококетничай. Хотя бы вспомни, как это делается, — гнула свою линию мама.

— Я... — мне пришлось несколько раз вдохнуть и выдохнуть, чтобы взять себя в руки, — Я туда поеду, только если ты обещаешь выкинуть эту дурь из головы, что ты в чем-то виновата.

— Ладно, ладно. — мама высморкалась и уже намного бодрее заявила, — только ты оденься понаряднее. Покажи какая ты красавица.

Мама неисправима. Дочка умница и красавица, и вообще лучше всех.

Для себя я нашла компромисс. Я поеду с утра и сделаю это долбанное соглашение, а потом сразу уеду. Если кого успею встретить из бывших однокурсников, то поговорю немного и сдержу слово, которое дала маме. А нет, значит не судьба.

Вечером встал мучительный выбор в чем ехать. В костюме? Ну совсем официоз и синий чулок. Легкое летнее платье? Покажу себя несерьезной особой, а нам надо будет еще договаривать и свою точку зрения продавливать. Я с тоской посмотрела на красное облегающее платье с застежками-молниями на юбке, которые в расстегнутом состоянии превращали его из классики в очень провокационную вещь. Оно мне чертовски шло, но посылало однозначные сигналы всем окружающим, что его владелица горячая штучка. А Дмитрий сто процентов воспримет его как приглашение или вызов. Так что нет, откладываем. Я остановилась на прямом бежевом платье, элегантно и фигуру подчеркивает. У нас не свидание, у нас деловая встреча. И после этого я надеюсь, что никогда его не увижу.

Когда утром я приехала в отель, на стоянке действительно почти не было машин, значит народ подтянется позже.

Я с удовольствием прошлась по аккуратным дорожкам. Территория отеля и все в нем было идеальное. Я была тут только один раз, когда Вася выкупил старый полуразрушенный пионерский лагерь. Купил его только из-за места: высоких сосен, запаха смолы, красивого чистого озера. Но в тот момент там царили хаос, разруха и крапива. Зато сейчас все эти клумбы, вьющиеся розы, беседки, мостики, фонари сразу направляли твои мысли в сторону отдыха и удовольствия.

Подошедший сотрудник спросил мое имя, а потом отвел к месту встречи. Когда я увидела куда меня привели, меня охватили очень двойственные чувства.

Это был отдельно стоящий коттедж на самом краю территории. Небольшой, двухэтажный, из коричневого кирпича, увитый виноградом. Он казался сказочным пряничным домиком. Только пока непонятно страшная это сказка или добрая.

С одной стороны место действительно уединенное, и вряд ли кто помешает нам работать. С другой стороны эта отдаленность ото всех меня и нервировала.

Весь первый этаж представлял собой один просторный холл с симпатичными диванчиками и столиками, телевизором на стене и барной стойкой рядом. И там никого не было, хотя Шумский должен был меня уже ждать.

Я позвала его несколько раз и поднялась на второй этаж. Там тоже никого не было. Зато были две уютные спальни и санузел. Идеальный дом для семьи на выходные.

Я даже позволила себе помечтать, как буду приезжать сюда в будущем. Ну, когда-нибудь у меня же будет семья. И вот набесившись все вместе в бассейне, мы с мужем уложим ребенка спать, а сами будем обниматься на диване, пить вино из высоких бокалов и смотреть что-нибудь смешное и доброе по телевизору. И проснемся под пенье птиц, обнимая друг друга. Очень сладкие мечты.

В одной из комнат на стуле стояла черная сумка, а на кровати лежал пиджак. Я тихонько зашла в комнату и взяла пиджак в руки. Этот запах я теперь узнаю из миллиона. Он медленным ядом расползся по моим венам. И я просто не смогу никогда от него отказаться. Слишком хорош. Как и эта скотина Шумский.

Вчерашний день был перенасыщен событиями. У меня не было и минутки остановиться и подумать. Зато вечером пришлось честно поговорить сама с собой.

Рядом с Дмитрием выбивало все пробки моего благоразумия.

Так сильно как он, мне больше не нравился ни один мужчина. За пять лет я встречалась с разными. Красивыми, умными, добрыми, хитрыми, сильными, нежными, наглыми, веселыми, властными, энергичными. Только в каждом мне чего-то не хватало. Не было того самого сочетания, которое мне нужно.

С другой стороны, я уже не та восторженная наивная девочка, и может мне надо посмотреть на бывшего мужа глазами взрослой женщины. И флер этого очарования развеется. Он самый обычный мужик. В нем полно недостатков. Мне надо посмотреть на него, не впадая в эмоции, с холодной головой.

Я спустилась на первый этаж и через французское окно, наконец-то, увидела Шумского, разговаривающего по телефону на заднем дворике. В центре стоял маленький низенький стол, вокруг которого было штук пять-шесть кресел-мешков. Вот в одном из них и развалился Дмитрий, положив свои длинные ноги на стол.

Понаблюдав за ним несколько минут, я разумно решила не искать недостатки во внешности. Их там нет. Я могу и дальше ненавидеть его сколько угодно, но что это меняет? Четкий профиль, рост, фигура. Глаза его прозрачные, серые, холодные. Ему бы в шоу-бизнес, вот где бы он сразу стал звездой.

Даже сейчас, когда он такой расслабленный щурится на летнем солнышке, видно как под тонкой рубашкой перекачиваются его мышцы, как обманчиво лениво он перетекает из одной позы в другую. Лев остается хищником всегда, сколько бы не притворялся милым котиком.

Нет смысла тянуть время, я тоже вышла во двор.

Услышав шум открывающейся двери, Шумский повернулся в мою сторону и просто завис. В трубке телефона продолжали что-то говорить, но он невпопад ответил: «Хорошо. Я перезвоню» и отключился, жадно осматривая меня.

Я подошла к нему ближе и подняла бровь, выразительно посмотрев на его ноги на столе. Он их быстренько убрал и кивнул в сторону другого кресла:

— Присоединяйся.

Я отрицательно покачала головой:

— Я хочу закончить все как можно быстрее.

Он подошел ко мне близко-близко. Я бы отступила, но не хотела, чтобы это выглядело так, как будто я его боюсь. А он, играясь, прошептал мне на ушко:

— Почему ты так хочешь сбежать?

— Потому что я тебя ненавижу, — таким же интимным шепотом ответила я.

И вернулась в коттедж.

Мы неплохо поработали часа три, вполне нормально общаясь, сделав вид, что ничего не произошло. Решили сделать перерыв, и Шумский попросил принести нам кофе. А я задала вопрос, который мучил меня очень давно:

— Дим, а ты вообще раньше разделами имущества занимался?

— Нет, — беспечно пожал он плечами, — я больше по юрлицам.

Я ошарашенно открыла рот, а потом зачем-то спросила:

— А у тебя совесть есть?

— Лена! — возмутился он, — Я успешный адвокат! Где я возьму тебе совесть?

— Ха-ха, — что-то в таком роде я и подозревала. Я растерянно посмотрела на бумаги и уточнила, — А это все кто делал?

— Да это моя помощница. Очень толковая девочка, год после института, а отлично работает. Я про мелочовку с ней давно уже забыл. И тебе рекомендую так сделать.

— Хмм... Сейчас как раз новый выпуск был. Может и правда стоит поискать толкового мальчика. Посимпатичнее можно выбрать, пока еще не все работу нашли, — «задумалась» я.

— С другой стороны, зачем тебе помощник, ты вон как легко со всем справляешься, — тут же отыграл назад Шумский, — деньги лучше тратить на себя, а не на всяких недоучек.

Этот легкий разговор как-то не так на него повлиял, потому что неожиданно он сказал:

— А давай просто забудем старые обиды и начнём нормально общаться?

Я посмотрела на него в совершенном шоке и сначала решила, что мне просто послышалось. Но он решил меня добить:

— Я больше на тебя не злюсь. Всё в прошлом.

То есть он бросил меня в самый тяжёлый период, изменял с моей вражиной, променял меня на статус и внешний блеск, а теперь предлагает просто забыть обиды?

Я аж подпрыгнула от резкого звука, и только потом поняла, что сломала ручку. Я посмотрела на обломки в своих руках и почувствовала, что так ненавижу бывшего мужа, что готова убить его этой сломанной ручкой.

У него всё просто. Получить отличную работу, когда в распоряжении связи родителей? Легко. Менять баб каждую неделю, когда у тебя смазливая внешность и деньги? Элементарно. Вычеркнуть меня из своей жизни, перешагнуть все, что нас связывало? Как же

просто у него это получилось!

Но я просто так ничего не забываю.

Я обвела комнату взглядом, а потом спросила:

— Ты ж хорошо зарабатываешь, должен разбираться в дорогих вещах. Вот это ваза дорогая?

— Вряд ли сюда хорошую вещь поставят, — ответил Дмитрий, удивленный сменой темы.

— Прекрасно, — я встала с твердым намерением разбить эту вазу о его пустую голову и все-таки найти там хоть следы совести. Ну, невозможно быть настолько непробиваемым ослом.

К сожалению, он что-то заподозрил, вскочил и обошел диван так, что тот оказался между нами.

— Лен, ты чего?

— То есть ты меня простил? — прошипела я, взяв вазу в руки поудобнее, — А, если не секрет, за что? За то, что я тебе верила и поддерживала во всем? За то, что помогла окончить институт, разбирая с тобой все билеты и задания? За то, что не стала судиться с тобой за имущество, а ведь с такими знаниями ты бы много потерял? Или за то, что не отгаскала за патлы твою голозадую любовницу?

Дмитрий замер, смотря на меня совершенно безумным взглядом. Он покраснел, несколько раз открывал рот, хотя что-то сказать, но, видно, не находил слов. Я по его глазам видела, что он все понял. Растерянность сменил ужас, потом отчаяние и вина.

Но неожиданно он сказал:

— Я тебе никогда не изменял.

У меня вырвался какой-то истеричный смех. Шумский стоял, тяжело дыша, а потом как-то обреченно сказал:

— Я готов поклясться тебе чем угодно, я никогда тебе не изменял.

— А знаешь, давай. Валяй, — я села на диван, закинув нога на ногу и скрестив руки.

— Ты же про Виту? — уточнил Дмитрий, явно не зная с чего начать. Я ничего не ответила, пристально смотря на него. Если он скажет, что она была у него единственный раз, я все-таки его прибью, — Это все получилось не правильно. Я... Я не думал, что будет так.

Он прошелся по комнате, пиная мебель. Тяжело вздохнул, растер лицо руками, а потом сел напротив меня:

— В начале осени Вита обратилась ко мне с просьбой перекантоваться у меня на несколько дней. Она устроилась на работу в Москве в хорошую фирму, но что-то не заладилось с квартирой, сказала, что выставили в один день, и она ничего не может найти.

— И ты как Бэтмен бросился спасать деву в беде, — у меня аж скулы сводило от всего этого.

— Ну это ж Витка, мы ж с первого класса знакомы, Ну может мы и близко не дружили. Но все-таки шестнадцать лет, я ж ее большую часть жизни знал. Как было отказать? Просьба пустяковая ведь, — он говорил, не поднимая на меня глаз.

— О которой ты мне не рассказал, потому что...? — я чувствовала, что меня тошнит. И мне бы выпить воды, но тогда бы он увидел, как у меня трясутся руки.

— Тогда я решил не рассказывать тебе, чтобы не расстраивать. Ты и так вся на нервах была из-за бабушки, уставала, плакала. А Витку ты не любишь. Ну вот я и... — он развел руками и на секунду посмотрел мне в глаза. Но не выдержал и снова опустил голову, закрыв лицо руками, — А сейчас я понимаю, что просто был идиотом.

— И так в начале осени она попросилась на несколько дней. И что же пошло не так? — я не могла поверить, что он на полном серьезе мне это рассказывает.

— Самое постоянное у нас это временные трудности, — пробормотал Дмитрий и продолжил. — У нее не получалось найти квартиру, потом не выплатили премию, потом внесла аванс, но ее кинули мошенники. Тогда это все логичным казалось. Я переживал, конечно, что ты узнаешь и мы поссоримся. Но Витка пообещала, что не будет мешать, на выходные всегда уезжала к родителям. За собой прибирала.

— А тебе было удобно, не так ли? — прошипела я в бешенстве, — Она ж ведь не только за собой убирала, да? И готовила еще, наверное, тебе несчастненькому, так? И сочувствовала, конечно, как тебе плохо без жены приходится?

Он кусал губы и молчал. А потом тихо прошептал:

— Прости. Но я тебе никогда не изменял.

— А что это меняет? — психанула я. Меня уже было не остановить.

— Тебе ли не знать, что предавать можно по разному? Не посмотрелся еще за время работы? Семья — это же не только постель. А доверие, поддержка, надежность. Пока ты распушал хвост перед посторонними девками, мне смеялись в лицо. Я выбивалась из сил, а ты по вечерам шлялся по барам с другой. Это из-за твоей лжи я просто умираю от боли, — я, наверное, потом пожалею о своей откровенности, но слишком долго во мне это копилось.

— Я знаю, что был ужасно не прав. Но тогда я не понимал... — начал было он говорить, но я его перебила.

— Что ты не понимал? Что не нормально, когда девушка ходит перед тобой в трусах?

— Ну она спала в футболке, а к завтраку всегда одевалась... — он посмотрел мне в глаза, и слова застряли у него в горле. А мой взгляд затолкал их поглубже.

— Димааааа, — почти нежно протянула я, — а чтобы было, если бы ты приехал ко мне, а у меня квартире мужик? Мой одноклассник, например. И я, в отличие от некоторых, прилично одета. Вот только он со мной в квартире регулярно ночует, а я тебе ничего не сказала? Ты бы это ведь нормально воспринял? Ты! Который устраивал истерики, если мужчина приближался ко мне ближе, чем на десять метров.

— Вот не надо! Я тебя никогда ни в чем не обвинял! — Шумский аж вскочил и начал метаться по комнате.

— Может и не меня. Но я эти разборки сосчитать не могу, — я тоже больше не могла сидеть на одном месте, — Когда Серега, а это был твой друг между прочим, мне на гитаре поиграл, ты что сделал?

— Ой, да ничего я ему не сделал. Я всего лишь сказал, что если он не знает как размять пальцы, мы можем выйти и побоксовать, — бывший стоял, засунув руки в карманы брюк, и старательно осматривал потолок, шторы и все на свете, — И главное, Лен, он же весь мозг про... клевал, что я стал подкаблучником. Я отвернуться не успел, а он уже перед тобой наявливает. Я ему человеческим языком говорю, что мол иди для своей игры. А он мне «Лена, не притворяется, что ей нравится». Он бы, падла, еще не имитирует сказал.

— Ты ему пообещал, что гитару поперекставишь, — мрачно продолжила я.

— Моя гитара. Как хочу, так и вставляю. — невозмутимо ответил Шумский.

— А мальчик из пятой группы? Господи, я даже имя его не могу вспомнить. Просто хороший мальчик. Филателист. Что ты ему наговорил? Мы несколько лет нормально общались, а потом он шарахаться от меня начал.

— Филателист-фетишист. Ничего такого я ему не сказал. Нет, ну, конечно, намекнул, что нормальный мужик свои марки показывает только на почте. Или своей девушке. А перед чужими не надо раскрывать свои альбомы. И все, — Дмитрий бросил на меня быстрый взгляд, но, столкнувшись с моим гневным, снова отвел глаза.

— А Саша? Мой друг детства, сосед по подъезду? Он меня всегда на мотоцикле катал, пока ты не влез!

— Я с ним поговорил очень культурно. Я бы даже сказал литературно. Что всадник без головы интересен только подросткам, а не взрослым девушкам.

— Причем тут всадник без головы? — возмутилась я. И встала перед ним, а ему пришлось посмотреть на меня.

— Лен, ну это с головой надо совсем не дружить, чтоб тебя по городу на этом старье

катать. Это просто опасно было, — Шумский заглянул мне в глаза, — Но тебя я никогда! Ни в чем! Не обвинял!

— Ты просто без повода ревновал и не давал мне дружить с мужчинами!

— Только ты могла искренне верить, что мужчина хочет с тобой дружить, — фыркнул Шумский.

— Оу, — ехидно улыбнулась я, — а ты Вите поверил, что она хочет дружить, или нет?

— Тебе не в адвокаты, тебе в прокуроры, Лена, надо. — с досадой сказал Шумский. Я на это только вопросительно подняла бровь. Он явно надеялся на мою какую-нибудь реплику, но я не собиралась ему помогать. Вздохнув, он продолжил, — Девочки бегали за мной со средней школы, а уж когда в институте добавились еще и мои деньги... Желающих познакомиться поближе было всегда предостаточно. И я не буду изображать из себя святого, я пользовался тем, что предлагали. Но сразу было понятно, что им нужно и что они хотят. Все они видели только фасад. Красивую картинку. Внешность или образ жизни.

Он прошелся по комнате, поправляю все предметы: стаканы, графин, маленькие вазочки, часы, какие-то статуэтки. Затем подошел к окну и, глядя во двор, продолжил:

— Все, кроме тебя. На тебя ничто не производило впечатление. Я для тебя был туповатым однокурсником, которого надо было спасать с заданиями.

— Ну, глупым я тебя никогда не считала, — растерянно пробормотала я, — ленивым, да, но не тупым.

— А вот это было целым открытием для меня. Когда спустя несколько месяцев я понял, что ты веришь в мои способности больше, чем кто-либо на земле. Даже больше, чем мои родители. Но ты была одна такая, — он подошел ко мне очень близко и попытался заправить прядь за ухо. Я отстранилась. Он грустно усмехнулся и продолжил, — Так что я довольно хорошо разбираюсь в женщинах. В ее дружбу я, конечно, не верил. Но и прям охоты на меня не было. В Москве есть куча более интересных вариантов, чем начинающий адвокат. Я догадывался, что она ищет богатого папика.

Я смотрела на него и думала, как часто мы считаем себя умней других. Девушки уверены, что мужчины никогда не замечают их хитростей. Парни уверены, что видят их всегда. И те, и другие ошибаются.

Меня накрыло такое опустошение, силы кончились. Ноги просто меня не держали, я снова села на диван.

— Лен, — вдруг снова заговорил Шумский, — я понимаю, что я был идиотом, но ты же всегда была такая разумная. Ну увидела ты Витку, почему ты не поговорила с нами и не выяснила все?

— Вообще-то я поговорила. С Витой. Я вижу, она забыла тебе об этом рассказать, — я насмешливо посмотрела на него и пересказала тот давний разговор в дверях, — Все еще думаешь, что разбираешься в женщинах?

У Шумского стало такое лицо, что будь я на месте Виты, я бы испугалась. Очень испугалась. Хотя похоже, что я и сама испугалась. Потому что Шумский посмотрел на меня диким взглядом, прохрипел: «Извини» и вылетел во внутренний двор, где стал пинать кресла, декор, кадки с цветами, несколько раз долбанул рукой по деревянному забору и безостановочно матерился. Затем тяжело дыша он вернулся в комнату и налил себе стакан виски из мини-бара. Он сел напротив меня, и стал медленно пить, уставившись в одну точку.

Затем он посмотрел мне в глаза и сказал то, что прозвучало полным бредом для меня:

— Ты из-за этого стала встречаться с Васей?

— Эээ... Ты про что? — сильно удивилась я.

— Да ладно, — он махнул рукой, — дело прошлое. И я видела фотографии.

— Какие фотографии? — я не понимала абсолютно ничего.

— Ты была с Васей... здесь... — Шумский машет рукой, а я продолжаю ничего не понимать.

— Я здесь, — голосом выделяю последнее слово, — только один раз была. Когда он это место купил.

— Ну да, — он делает еще один глоток, — Было видно, что вы очень счастливы.

— Вася был дико счастлив, что у него получилось выиграть аукцион. А я была рада немного развеяться, хоть какая-то смена обстановки, общение с живыми людьми, не через интернет. Да и за него была рада, он добрый парень, — я стала вспоминать, что тогда произошло, — У мамы тогда что-то на работе случилось и их на полдня пораньше отпустили. Она пришла к бабушке и выгнала меня на улицу, чтобы я воздухом подышала. Мы с Васей случайно в магазине встретились, он там закупался, чтобы обмыть покупку, и предложил поехать с ними. Он же щедрый, открытый. Человек-праздник. А тут такой проект получился. Совсем пацан по сути, но нашел инвесторов, сумел их убедить. Так был горд, что сумел это сделать. Готов был всех осчастливить, меня в том числе.

— Ты его обнимала и целовала, — продолжал гнуть свою линию Дмитрий.

— Да мы все это делали по очереди! Мы же его поздравляли. Тосты говорили, желали всякого: успеха, денег, клиентов. Ну и обнимали, естественно, по-дружески. Не было там и намека на что-то другое, — это сваливание вины на меня бесило невероятно. Да как он смеет! Как он смеет обвинять меня! Пока он шлялся по барам со своим «другом» Витой, я из дома не выходила сутками. И за один единственный невинный сабантуйчик он обвиняет меня в разводе! На глаза набежали злые слезы. Я не хотела перед ним оправдываться. Но я не позволю себя обвинять, мы выясним все до конца.

— Кто все? — Шумский с таким грохотом поставил стакан на столик, что я удивилась, как он не разбился. Похоже, эти фото не такое уж далекое для него прошлое.

— Куча народа было, я уже не помню подробностей, все-таки пять лет прошло. Минимум человек двадцать. В основном Васины знакомые. Из наших были только человека три-четыре. Кажется там были... — я встала вспоминать подробности пятилетней давности и до меня дошло, кто делал эти фотографии и постарался выбрать подходящий ракурс, — Лучшая подруга Виты — Ирина Рудова.

Я помолчала, собираясь с мыслями, а потом задала логичный вопрос:

— Я, конечно, догадываюсь, кто показал тебе эти фото. И даже подозреваю с какими комментариями. Я только не понимаю, почему на тебя это произвело такое впечатление? Я же тебе об этом писала.

— Может ты кому-то и писала, но точно не мне! — зло фыркнул бывший муж.

— А может просто надо было читать, что я пишу?! А не игнорировать мои сообщения как спам, недостойный внимания такого важного супер-пупер адвоката? — я просто взорвалась.

— У тебя их было не так много, чтобы можно было что-то пропустить! — он не остался в долгу.

— Серьезно? — я тут же достала телефон и нашла нашу переписку. Было очень приятно ткнуть его носом, — А это что?

Он посмотрел, потом мягко забрал телефон у меня из рук и начал, молча, листать переписку. Затем достал свой телефон, положил их рядом на стол и открыл ту же переписку, но у себя. Мне стало невыносимо любопытно, и я села рядом. Мы просмотрели несколько недель. Разница была колоссальная. Сначала я, как и он, наверное, подумала, что мои некоторые сообщения не доходили. Но нет.

Некоторые комментарии от Дмитрия были у меня, но их все равно не было у него. Чаще всего это были едкие, язвительные, злые слова. Обычно после моих бытовых рассказов о том, чем я занималась, какие покупки делала, какого интересного котика встретила. После таких ответов, у меня пропадало желание писать, делиться, и я также язвительно реагировала на его слова.

Мы пролистали переписку туда-сюда несколько раз. Чуда не произошло, сообщения не появились. В начале таких расхождений было мало, но чем ближе к дате нашего разрыва, тем их было больше. Ах да, сообщения «Наверное, не стоит тебе приезжать. Я понимаю, ты очень устала» на телефоне Димы тоже не было.

Было очевидно, что кое-кто стирал сообщения. И не трудно догадаться, кто это делал. Я, как Капитан Очевидность, произнесла вслух:

— Полагаю, телефон был не запаролен и валялся где попало?

Шумский ничего не ответил, заламывая пальцы.

Я не выдержала:

— Ты понимаешь, что я видела? Ты игнорируешь мои сообщения, отвечаешь редко, вечно недоволен. А когда я приезжаю к тебе, меня встречает твоя любовница.

— А я видел, что ты все реже пишешь, я раздражаю тебя, ты грубишь на самые обычные фразы, — психанул он.

— Может мне еще извиниться за это? — яд в моем голосе мог отравить целый полк.

— Я не могу понять, как я этого не замечал? Как она сумела все это повернуть? — он закрыл лицо руками.

— Именно поэтому, Дима, именно поэтому люди и не пускают к себе в дом чужих. Оберегают свое личное. Именно поэтому, — меня просто трясло от несправедливости жизни. Это не должно было произойти со мной, с нами. Мы любили друг друга, это не должно было так закончиться.

Меня всю заполнила горечь. Я чувствовала ее на языке, чувствовала ее запах, она разливалась у меня по коже. Сейчас меня заполняли не обида и ненависть, а отчаяние за мой сломанный брак, за мои несбывшиеся мечты, за разрушенную любовь. За эту мерзкую ложь, это бесцеремонное вмешательство. За то, что по своей наивности, мы были послушными марионетками. Я отобрала у Дмитрия стакан и допила оставшийся виски одним глотком. Но ничего не могло избавить меня от горечи.

— Я был таким идиотом, — прошептал он.

— Ты уже это говорил! — сорвалась я.

— И я не могу это исправить! — закричал он и вскочил, — Я бы все отдал, чтобы вернуться в прошлое и вправить себе мозги. Но я не могу это сделать. Пять лет назад я был законченным идиотом. Самоуверенным мажором, который получил все и сразу и думал, что по жизни так будет всегда. Который считал себя крутым чуваком, а был слепым щенком. Во

всем причем. Меня первые два года носом в говно только самый ленивый не потыкал. И даже Вита как оказалось...

— Почему ты так просто согласился на развод? — я, наконец, задала вопрос, который мучал меня уже столько лет.

— Ну, я же не справился, — пожал плечами Шумский.

— С чем? — удивилась я.

Шумский ошутимо смутился, он явно жалел о сказанном. Меня сегодняшние откровения настолько выбили из колеи, что я уже боялась думать, сколько еще скелетов в шкафу мы найдем, поэтому в упор смотрела на бывшего мужа, требуя ответа. Он облизнул пересохшие губы и сказал:

— Я же мужчина. Я должен был решать твои проблемы. Содержать семью. Оплатить сиделку, чтобы ты не убивалась так. И я решил, что ты устала ждать, когда я чего-то добьюсь. Вообще-то ты и не должна была столько ждать. Если мужчина берёт на себя ответственность за семью, это должно быть сразу, а не через десятки лет. Каждый раз, когда ты замученная приезжала ко мне, я сгорал от стыда. Всё о чем я тогда мог думать, отец был прав, это было безответственно жениться, пока я не встал на ноги.

Надо было догадаться, что без влияния отца здесь не обошлось. Отец Дмитрия был очень сложным человеком. С одной стороны, он не мог не вызвать уважения. Парень из деревни, как он сам про себя говорил, благодаря бешенному упорству и трудолюбию смог выгрызти себе карьеру и сейчас был топ-менеджером на нашем гигантском металлургическом заводе. Но также это был очень жёсткий, непримиримый, деспотичный человек, уверенный, что существует только один правильный путь — его.

Я с ним пересекалась несколько раз на семейных собраниях. Он отпускал немного обидные шутки про студентов. Но так делали многие, поэтому я пропускала их мимо ушей, считая его немного высокомерным, но в целом хорошим человеком. Пока однажды не стала случайным свидетелем разговора Дмитрия с отцом.

Поводом стала последняя сессия, где мой тогда ещё муж получил одну тройку. Безмозглый, безнадежный, нинатонеспособный были самыми мягкими словами. Будь ты на моём месте, ты бы выше дворника не поднялся. Да ты сам за всю жизнь не заработаешь столько, сколько мы на тебя потратили. Издёвки сыпались одна за другой.

Для меня это было совершенным шоком. В моей семье была самой лучшей, умницей и красавицей. Получила пятёрку? Да какая же ты молодец! Четвёрку? Только не расстраивайся, в жизни всё бывает.

После этого разговора, я увидела их отношения в другом свете. Как Шумский звонит отцу похвастаться любым успехом, как надеется заслужить его одобрение. Оно же было очень специфичным. «Это минимум того, что ты должен был сделать», " Давно пора", «Ну, хоть что-то». Это была бесконечная гонка за его одобрением. И безрезультатная.

Я обдумала его последние слова и уточнила: — Ты и сейчас так думаешь? Что мы не должны были жениться, пока ты не начал бы достаточно зарабатывать?

Он вскинул голову, пристально посмотрел мне в глаза, а потом неожиданно легко расхохотался: — И мы возвращаемся к тому, что я был идиотом.

Его смех был таким заразительным, что я тоже не выдержала и засмеялась. Я уже и забыла, как легко мне с ним было общаться. Как будто танцуешь по облакам. Беззаботно, весело, свободно. Ты делаешь шаг, и партнёр всегда поддерживает тебя. Словно для тебя нет земного притяжения. Или может его ветер наполняет твои крылья, и ты паришь.

Он подошёл ко мне и вдруг опустился передо мной на колени, обхватив мои ладони своими руками. Я в шоке посмотрела на него, но он смотрел в ответ спокойно и с нежностью. А потом открыто и искренне сказал:

— Нет, не думаю. Я жалею о всех ошибках, которые совершил. Я очень жалею, что мы так мало были вместе. Но я не жалею и никогда не буду жалеть, что мы поженились. Ты — лучшее, что было в моей жизни. Только с тобой я был абсолютно счастлив.

Он, в принципе, не сделал ничего предосудительного, но почему-то это ощущалось безумно интимно. Словно между нами было тысячи километров, а сейчас не осталось ничего. И ближе чем мы есть уже быть невозможно. Моё сердце наверное, пропустило удар, в голове была звенящая пустота, и я забыла как дышать.

Время разделилось. Весь мир существовал в одном потоке, а специально для нас сделали временной карман, чтобы мы могли прожить этот момент до доньшка. Невозможно передать это ощущение по другому.

Мы находились в какой-то другой точке, чем всё люди. В обычном мире прошло несколько секунд, а у нас минута текла за минутой. Мы наслаждались этой близостью. Словно стёрты рамки всего телесного и ты чувствуешь то, что чувствует другой человек и не нужно больше слов.

Мы смотрели друг на друга и не могли отвести взгляд. Солнце золотило его волосы, резкими тенями подчеркивало скулы. В его глазах было столько тепла. Оно разливалось по моей коже, укутывало как мягкий плед, дарило ощущение абсолютного спокойствия.

Он целовал кончики мои пальцев. Я чувствовала его дыхание, сухость его губ, жар от его кожи, мозоли на его руках.

Меня засасывало в омут имени Дмитрия Шумского. Это было безумно сладко, и я растворялась в этих ощущениях. Кроме какой-то малюсенькой части мозга, которая возмущенно орала и протестовала, подозревая неладное. Но она не могла справиться с этим цунами чувств.

Слава Богу, в этот момент постучали в дверь. Нас выдернуло в реальность, я снова начала дышать, смогла отвести взгляд и, чтобы скрыть своё смущение, быстро разрешила войти. Вот же удав Каа. Как у него только получается так загипнотизировать меня.

Я не подумала, что увидят посторонние люди, но, судя по расширевшимся глазам, горничную наша поза немного смутила. Иииии... Это, конечно, была мелкая месть, но я не удержалась.

Я посмотрела на Дмитрия и строгим голосом сказала: — Сидеть! — потом обернулась к горничной и с извиняющейся улыбкой пояснила, — Он ещё наказан.

Думаю персонал у Васи видел вещи и похуже. Но все-таки бедная женщина бледно улыбнулась, поставила поднос на ближайшую поверхность и пулей вылетела из домика.

— Ленааа! — раздался возмущённый вопль Шумского.

Ну что Лена? Я уже двадцать семь лет Лена. Это не повод, чтобы так орать.

— Ладно, ладно, вставай, — успокаивающе говорю я. И дождавшись, когда он начнёт подниматься, снисходительно добавляю, — Разрешаю.

От негодования Шумский, кажется, закипел как чайник, разве что дым из ушей не идет. Мне даже интересно, что он будет делать дальше. Хотя, нет, не интересно. И я пошла посмотреть, что нам принесли.

Неплохо, неплохо. Полный кофейник хорошего кофе, аромат прям дразнит, и куча вкусняшек. А жизнь-то налаживается.

— Ты будешь кофе? — спрашиваю у Димки, и когда он соглашается, говорю, — тогда перенеси поднос к нам на столик, а то он очень тяжёлый.

Поднос он поставил не очень ловко и одна чашка опрокинулась.

— Ах, как нехорошо. Придётся снова тебя наказать, — веселюсь я.

— Это несмешно, — в ответ бурчит Шумский.

От его ответа я несколько зависла. Чтобы замять эту неловкую паузу, стала разливать кофе по чашкам и выбирать между пироженками и эклерчиками на один укус, а потом осторожно спросила:

— Дим, в наших условиях, моя фраза может быть только шуткой. Когда ты стал настолько серьёзным? Ты ж первый любил посмеяться и поподкальывать окружающих.

— С нашей работой репутация очень важна, — продолжает хмуриться он.

Я обвела взглядом комнату в поиске аудитории, которая сейчас оценивает нашу репутацию, но не нашла ее и вопросительно подняла брови.

— Если б я пошутил так в суде, тебе бы тоже не понравилось.

— Так в том то и дело, что мы не на работе. Ты вообще как с друзьями общаешься? — я посмотрела на него, но теперь он углубился в кофе и сладости.

Я уже решила закрыть эту тему. И зачем я только стала с ним шутить?! Мы чужие люди. Когда он неожиданно продолжил:

— Никак. Все друзья здесь. С ними редко получается увидится. У всех работа, семья, свои увлечения. Свободное время редко совпадает. А там больше деловые партнёры, клиенты, с ними расслабляться не стоит, в момент без трусов останешься. Я поэтому и за эту встречу зацепился, другой шанс вряд ли будет.

Я не смогла не съязвить: — Что даже со старым другом Витой не получается расслабиться? — блин, как-то двусмысленно, конечно, прозвучало.

— Не, ну с Виткой мы давно расстались, — мой сарказм он, кажется, не заметил.

Его фраза вызвала гремучий коктейль чувств. Тут и чистое упоительное злорадство, ну надо же, такая шикарная Вита и оказалась чем-то недостаточно хороша. И наслаждение справедливостью, не знаю, что там у вас произошло, но вы явно оба получили то, чего

заслужили. И трусливое облегчение, даже если эта тварь сюда придет, нос она не сможет высоко задирать. Ну и что скрывать, жгучее любопытство. Из-за всего, о чем подумала раньше.

Но я постаралась как можно небрежнее сказать: — А почему?

Дмитрий

Бывают такие дни, когда судьба берёт тебя за волосы и об бетонную стену лицом: «Будешь так делать? Я спрашиваю, будешь ещё так делать?» А ты в ответ, умываясь слезами, соплями и кровью, рыдаешь "Никогда! Клянусь! Больше никогда!».

День, когда ты становишься другим. Точка невозврата. Для кого-то это диагноз, для кого-то ДТП. У судьбы миллион вариантов. У меня было мусорное ведро.

За день до этого меня вызвал главный и вынес весь мозг по поводу того, что я сильно сдал в работе: стал опаздывать на встречи, небрежно готовлю документы, постоянно не успеваю с заданиями и кто-то стукнул, что чувствует от меня запах перегара по утрам.

Я едва сдержался. Очень хотелось наорать на него и объяснить, как его контора у меня поперёк горла. Друг на друга жалуются, помощи никакой, клиенты сплошные уроды. Мне дают одну мелочевку, не стоящую внимания. Не хотелось отца подводить, который меня сюда устроил, поэтому промолчал.

Надо было что-то менять, а я не знал с чего начать. Да и не особо хотел. Зашёл по привычке в бар, пообещав себе только один бокал пива, но... Мне не хотелось идти домой. Да и какой это дом. Так. Помещение со всеми удобствами, включая постельные.

В результате, конечно, нажрался. Когда выходил из бара, рукой влупился в стекло двери, разрезал её в хлам. Привет, больница, очередь, швы, хмурый доктор. И реплику в свой адрес «Алкашня».

Когда я влетел домой, чтобы переодеться, уже безнадёжно опаздывал на встречу. Я в панике метался по квартире, ища бумажку с адресом. Подумал, что мы случайно выкинули её, и перевернул мусорное ведро на пол. И вот тут судьба вмазала мне поддых. На верху кучи валялся тест на беременность с двумя полосками.

Тот ужас, который я испытал, поймёт далеко не каждый. Я знаю, что подумает большинство. Ну залетела твоя баба, ну так женись. Тебе же с ней норм. У нас половина семей таких, живут же и радуются. Не-а, ребята. Не живут. Существуют. Я точно знаю, мне есть с чем сравнивать.

Я быстренько отзвонился начальству, отбрехался, что руку утром в кофейне порезал, хотел мол бодрым и полным сил вести переговоры, а теперь, увы, еду в больницу. И сел думать. Мне пришлось честно признать, что я в тупике.

Больше всего на свете я не хотел жениться на Вите. После того, как Лена меня бросила. Витка всегда была рядом, поддерживала, утешала. Однажды, после очередного загула по барам, мы проснулись в одной постели. И я подумал, почему бы и нет. Милая, старательная, а то что глупенькая и кроме тряпок ни о чем думать не может, так только плюс. Умная уже была. Да и какая разница кто.

Но со временем ее постоянное выпрашивание подарков стало раздражать. Во всех поездках её интересовали только магазины. Всё на что был направлен её мозг улитки, это отслеживание новинок и распродаж.

При этом ей всегда было мало. Моей зарплаты начинашки, конечно, не хватало. Когда я не выдерживал её нытьё, то приходилось обращаться с просьбой к отцу и получать очередную порцию презрения. Самое страшное, что меня это не задевало. Мне было всё по барабану. Абсолютно всё.

И вот с этой женщиной я буду связан на всю жизнь. Она была рядом в трудный момент. И я не могу теперь, когда она беременна, бросить её.

Но как жить с человеком, с которым нет ничего общего. Всю жизнь смотреть по вечерам телевизор? После наших с Леной разговоров до утра обо всём. Когда ты можешь говорить любую дичь, и тебя никогда не назовут идиотом, не покрутят пальцем у виска, а с жаром начнут обсуждать. Лена открывала мне весь мир, Вита запихивала меня в коробку из под обуви.

И послать на аборт её тоже не смогу. Вот рассуждать и ржать с друзьями на эту тему мог. А вот когда вопрос стал конкретно передо мной, то это оказалось как-то не весело. Я не могу принять такое решение — убить своего ребёнка.

С Леной мы решили не торопиться с детьми, сначала заработать денег. Но когда принимаешь решение о детях, ты о них по любому думаешь. Сколько их будет? А если всё мальчишки? Или всё девочки? Что будешь говорить им? Что с ними вместе делать?

Я боялся стать таким как отец, но я всегда знал, что Лена будет прекрасная мать. А Вита? Как растить ребёнка, если ты не уважаешь его мать? Чему Вита сможет научить нашу дочь? Как спать с женщиной за подарки? Что будет думать о всех женщинах наш сын?

Это был просто ад, из которого я не находил выхода.

Я протупил ещё минут десять над телефоном, не зная, как начать разговор. И решил отправить сообщение. Но как только я отправил «Привет, Вит», мне тут же прилетел ответ.

«Да я не знаю, кто из них отец», — появилось на несколько секунд на экране, а потом сообщение пропало. Я сидел и офигевал. Это было на самом деле или мне почудилось?

Но я всё-таки написал: «Зря удалила».

«Это не то, что ты подумал»

«Ты не беременна?»

«Почему ты вдруг об этом спрашиваешь?»

Я кинул фото теста.

«Я ещё не была у врача. Я ни в чем не уверена»

«Зато я уверен, что нам надо поговорить. Прямо сейчас. Жду дома»

У нас был долгий некрасивый скандал со взаимными обвинениями и выяснением кто прав, а кто виноват.

Вита призналась, что у неё был другой. Как она сказала, что это была пара встреч, потому что ей очень хотелось внимания и любви, а я был к ней равнодушен и всё время вспоминал Лену. Но любит она только меня. Мне было смешно это слушать, особенно, когда я узнал, что её любовник пятидесятилетний пузатый коротышка-армянин. То, что при этом он её начальник, удивительное совпадение.

Конечно, я ей не поверил. Но это было и не важно. Это был повод, чтобы расстаться. Остаться с ней означало снова попасть в ту же ловушку. Я прекрасно знал, что прошёл по краю пропасти. Судьба решила дать мне ещё один шанс на нормальную жизнь. Но в следующий раз мне так не повезёт.

Вита твердила, что это скорее всего мой ребёнок. Я сказал, что не отказываюсь от отцовства. После родов мы сделаем тест на отцовство. Я по-честному буду платить алименты. Да я был готов, чтобы ребёнок жил у меня, но её в моей жизни больше не будет.

Тогда Вита предложила сделать аборт, и мы начнём всё сначала. И тут же перешла из категории «прелесть какая дурочка» в «ужас какая дура».

Она на самом деле не понимала, что не так. Ну, не права, но она же извинилась. Такие вещи как честность, верность, порядочность, любовь, искренность, доверие не укладывались в её головушке.

Через некоторое время Вита сообщила, что у неё был выкидыш. От нервов, сказала она. И предложила снова жить вместе. Она же меня поддержала, теперь ей нужна поддержка. Я не поверил ей, учитывая наш предыдущий разговор и её патологическую лживость.

Периодически она звонила мне, потихоньку прощупывая почву. Но каждый раз результат её не радовал. Я иногда подкидывал ей клиенто

в, если они были не по моему профилю. Я не злился на неё. Я ей даже был благодарен.

Если бы не её огромная жадность и непроходимая тупость, если бы она не гналась за всеми зайцами и вела себя чуть сдержаннее... Я бы к ней привык. Прошло бы два-три года, и я из состояния «всё равно с кем спать» перешёл бы к «всё равно с кем жить». Вита была бы знакомым злом, я бы чувствовал вину и благодарность, и я бы женился на ней. И жил бы как многие. Болото оно такое. Затягивает.

Как не смешно это прозвучит, но только тогда я понял, что любое наше действие влечёт последствия. Что не всё можно исправить. Что я сам определяю свою жизнь.

Больше не было никаких загулов, никаких жадных и глупых девиц, никаких случайных

встреч на одну ночь. Я поставил себе цель: карьера и нормальная семья. И у меня почти всё получилось. А потом я снова встретил Лену.

После нашего разговора всё стало в разы сложнее. Прошедшие пять лет я себя жалел, признавал, что была моя вина, но считал, что меня бросили, выбрали более успешного. Я думал, если покажу ей, что я больше не тот сопляк-неудачник, она, наконец-то, оценит, поймёт, что потеряла. Теперь же всё перевернулось с ног на голову. Легко не будет.

Но у меня есть план Б.

Мы сидели напротив друг друга, пили кофе и молчали. Я пыталась уложить в голову наш разговор. Грустно все это было. Нелепо. Обидно.

А еще было безумно неловко. Я не знала, как себя с ним вести. Раньше все было понятно и однозначно. Они плохие, я хорошая.

А сейчас в голове толпились и толкались многочисленные «Ах, если бы...». Если бы вместо того, чтобы обижаться и уходить в глухую оборону, я бы с ним поговорила, то, возможно, мы сразу выяснили про пропавшие сообщения. Если бы я не была настолько измученной и закатила Вите скандал, мы бы сразу узнали о ее лжи. Если бы он не был таким идиотом!

Я посмотрела в глаза бывшему мужу и несколько растерялась. Это был взгляд хищника, который загоняет свою добычу в ловушку. При этом он уже распланировал, что съест первым. Под таким взглядом захотелось проверить не забыла ли я надеть юбку и застегнуты ли у меня все пуговицы. То, что на мне было надето платье, вообще ничего не меняло в ощущениях.

— Что? Что не так? — я не могла понять, что он от меня хочет.

Он усмехнулся и отрицательно покачал головой. И что это было?

Но потом он закусил губу, набрал воздуха, как перед прыжком в воду, и вдруг сказал:

— Лен, мы не должны были разводиться. Давай начнем все сначала.

Я ожидала чего угодно, только не этого. Я была не готова это обсуждать и решила отшутиться:

— Да смысл! Мы уже разок попробовали.

— И было здорово. Нам было очень хорошо вместе. Мы же год вместе прожили, и все было отлично. Ты же была счастлива? — он говорил это так горячо.

Так, стоп! Он что это серьезно? Меня начала охватывать паника. Я не знала, как себя вести и что говорить. Зачем он это делает?

— Откровенно говоря, я не поняла, почему ты и в первый раз решил, что нам стоит пожениться. Что уж говорить про второй, — я попыталась увести разговор в сторону.

Он несколько раз провели пальцем по краю чашки, покрутил часы на запястье, усмехнулся и стал рассказывать:

— Люди чаще всего лгут, притворяются, стараются понравиться. Когда мы начали встречаться, я не мог понять, где подвох. Не может же на самом деле человек быть таким... Веселым, искренним, любопытным, любящим.

Тебе было интересно всё и все в этом мире. И в тебе не было ни капли зависти или злорадства. Ты видела хорошее и увлекательное в каждом. Ты умела радоваться и дождю, и снегу. Ты смаковала и картошку с салом, и самый дорогой десерт. Ты жила с таким наслаждением, что рядом с тобой я тоже научился жить.

Но одно дело видеть человека пару-тройку часов в день, а другое жить с ним. И когда мы поехали отдыхать и проводили друг с другом двадцать четыре часа вместе, я увидел, что ты такая всегда. Ты не притворяешься. Для тебя это вообще очень важно быть самой собой. А для меня очень важно быть рядом с тобой. Потому что мир без тебя становится серым.

А ты? Почему ты вышла за меня?

Пока мы были вместе, мы разговаривали обо всем. Но только не о том, что мы чувствуем. Мы признавались в любви, мы делали комплименты, но это совсем другое. Его откровенность меня очень тронула. Я решила тоже быть честной:

— Я вышла замуж, потому что любила тебя.

— За что? — наморщил лоб

Дмитрий.

— Разве любят за что-то? — растерялась я, — Люди либо любят, либо не любят. Можно объяснить, что в человеке нравится или нет, но любим мы без всякой логики.

— А что тебе во мне нравилось? — оживился Шумский.

— Да какая сейчас разница! — я не понимала, зачем это ему, но он продолжал настойчиво смотреть на меня. Я сдалась, — Мне нравилась твоя решительность и активность. У меня было сто тысяч планов, но я никак не могла решить с какого начать, что первым делать и так далее. Но стоило мне что-то рассказать тебе, как сразу все начиналось двигаться. И то что было просто мечтой, становилось целью. Причем достижимой легко реализуемой целью.

Мне нравилась твоя коммуникабельность и харизма. Ты всегда легко знакомился. Куда бы мы не пошли, через минуту ты уже с кем-то болтал, и твои новые знакомые сразу были готовы рассказать тебе все секреты, помочь, проводить, что-то подарить.

Вот эта его общительность вкупе с уверенностью всегда были источником моей легкой зависти. Он никогда ни перед кем не пасовал. Пока я мучительно могла думать с чего начать, как заинтересовать, а вдруг человек разозлится, Шумский просто подходил и начинал разговаривать. И не было никого, от чиновника высокого ранга до скандальной уборщицы, кто устоял бы перед его обаянием и хорошо подвешенным языком.

— А дальше? — Дмитрий не унимался. Мне стало смешно. Он напоминал котика, который трется о ноги и требует, чтоб его гладили еще и еще.

— Да много чего мне нравилось. Чувство юмора, упорство, доброта, ум, — меня почему-то разговор стал очень напрягать.

— Ты ведь говорила мне об этом, но раньше это воспринималось совсем по другому, — Шумский немного помолчал, а потом спросил, — А ты меня еще любишь? Хоть чуть-чуть?

А что есть линейка с делениями? Любишь чуть-чуть, немного любишь, любишь в среднем, как большинство людей, вот прям сильно любишь. А на последней риске что? Ромео и Джульетта?

Я не стала ничего говорить. Я себе-то не признаюсь, а тебе уж тем более.

Настроение резко упало до нуля. Я собрала остатки и сил жестко сказала:

— Пожалуйста, давай закончим этот разговор. Я рада, что мы все выяснили. Я думаю, нам обоим станет легче жить. Но мы не можем изменить того, что было. Я понимаю, что ты очень страдал в объятиях Виты, когда я умирала от отчаяния, что меня предали в тяжелую минуту... Так. Нет. Я не об этом хотела сказать, — я отдышалась и начала сначала, — Наша история закончилась. Мы стали другими. И ничего как раньше не будет. Как ни банально это звучит, но нельзя дважды войти в одну и ту же реку. И ты другой, и река уже не та. Слишком много произошло. Я просто буду помнить лучшее, что у нас было, и буду благодарна судьбе за это. А сейчас, прошу, давай вернемся к соглашению и закончим его. У меня еще много

дел. Пожалуйста.

На протяжении всей моей речи Шумский несколько раз пытался что-то сказать, но я не давала ему вставить слово. Он сжал губы, закрыл глаза, потом встряхнул головой и молча открыл ноутбук. И это было правильно. Но немного обидно.

Мы провозились еще часа полтора-два, прежде чем сделали вариант, который устроил нас обоих. Я вяло закрывала программы, убирала ноут, собирала ручки и свои записи, чувствуя полное опустошение. Все так, как и должно быть. Почему же такая тоска?

И когда я уже собралась уходить, бормоча какие-то слова прощания, Дмитрий в несколько шагов пересек комнату, схватил меня за плечи и поцеловал.

И вот, наверное, мне стояло вlepить ему пощёчину. Думаю, вряд ли найдётся человек, который бы меня осудил за неё. Но, во-первых, мои руки оказались зажаты между нами, а во-вторых... Целовался он просто потрясающе.

Надо признаться, что большинство попыток построить новые отношения заканчивались на этапе поцелуя. Они бывали разные: грубые, слюнявые, невнятные, ленивые, небрежные и очень редко сладкие, зажигающие. А если тебе не нравится целоваться с мужчиной, зачем с ним встречаться? Вот и я не знаю.

Иногда у меня складывалось впечатление, что мужчин вообще не понимают, зачем они целуются. Есть такой пункт в плане, и они стараются, но смысл этого действия остался для них загадкой.

Но не Шумский. Вот уж кто знал, что и как делать. Коктейль из нежности и страсти в совершенно идеальных пропорциях. То тонко и дразняще, то глубоко и порочно. Но главное в них была не техника исполнения. Он делал это так, что ты понимала, что целоваться с тобой сейчас смысл его жизни, единственное, что ему сейчас нужно. И целоваться он хочет именно с тобой. Даже мисс мира проигрывает конкуренцию тебе. Да вообще, в этом мире существуют только вы вдвоём и звёзды.

На остатках силы воли я хотела оттолкнуть его, но он только сильнее прижал меня к себе. А в объятиях его рук было максимально удобно находиться. Можно просто расслабиться и забыть обо всем, что творится в этом непостоянном мире. Главное, что здесь тепло, уютно, безопасно. Ведь такие сильные руки защитят от чего угодно. А пока остается только нежиться и пить его поцелуи как стопроцентный чистый концентрат удовольствия.

Можно было бесконечно наслаждаться ощущением каменных мышц под холодом его рубашки, чувствовать прикосновения гладковыбритой кожи, вдыхать его безумно завораживающий запах. Даже вкус его губ с легким привкусом кофе был настолько уместно-идеальным, что прервать этот поцелуй казалось просто преступлением.

От его губ и рук разливалось жгущее тепло, которое охватывало все тело, скручивалось внутри в какой-то запредельный узел, зажигало мысли и фантазии, вытесняло собой все остальное, такое лишнее и ненужное, требовало продолжать, идти дальше и что-то еще.

Когда мы закончили целоваться, и я вспомнила как дышать, то посмотрела на бывшего мужа, чтобы что-то сказать. Я помнила, что должна возмущаться и что-то потребовать, но что именно? Это пока ускользало от меня.

Он, кажется, тоже потерялся во времени и пространстве и посмотрел на меня совершенно ошалевшим взглядом. В его глазах был даже не огонь, целый лесной пожар. Он прислонился лбом моему лбу и прошептал: — Пожалуйста, не уходи.

Больше всего на свете сейчас мне хотелось гладить его, проводить кончиками пальцев по припухшим губам, разгладить морщинки вокруг глаз, зарыться пальцами в волосы, цепляться за его плечи, прижаться к нем и тереться, как кошка, но...

Я слегка толкнула ладонями его в грудь, и чувствуя как неохотно разжимаются его руки, и выскользнула из объятий. Медленно отступила на несколько шагов, подхватила свои вещи и вышла из коттеджа. В глазах Дмитрия плескалось отчаяние. Но как бы он не был хорош в поцелуях, этого мало, чтобы снова быть вместе.

Я больше не хочу страдать. А Шумский это всегда ураган. И он даже не заметит, как

походя разрушит все, что я выстраивала эти годы. И если выбирать между своей спокойной жизнью и поцелуями, даже самыми лучшими в мире поцелуями, то я выберу себя. Потому что поцелуи заканчиваются быстро, а боль от разрыва длится долго.

Всю дорогу до стоянки, я пыталась себя ругать за поцелуи с Шумским, но не получалось. Пришлось заключить сделку с совестью и разумом, что я, после такого напряжённого дня, заслужила немного радости, но больше так делать не буду. Жизненный опыт при этом хмыкнул, но мудро промолчал.

А на стоянке меня ждал новый удар. Я простояла какое-то время, хватая воздух ртом, а потом побежала искать Васю чтобы сделать что-то очень кровожадное. Благо я уже была взвинчена до предела.

Притащить Васю за шкибон на стоянку, с учётом нашей разницы в росте и весе, было сложно, но я справилась. Я, конечно, испытывала огромное желание потыкать носом его, как котёнка, но просто мрачно спросила: — Это что за клуб любителей тетриса?

Вася развёл своими пухлыми руками и тяжело вздохнул: — Понимаешь...

Я не хотела понимать. Я хотела выбирать себе самый умопомрачительный купальник, любоваться загорелыми волейболистами на пляже, покупать подарки Лерчику и вкусняшки для её собак, кататься на велосипеде по тропинкам среди сосен, забрать чемодан у мамы, загнать машину в сервис для проверки перед дорогой, сделать в салоне стрижку, масочку для лица и депиляцию и ещё два миллиона дел. Но конкретно сейчас я хотела плакать и на ручки, потому что для всего вышеперечисленного мне нужна была моя машина.

Стоянка же, где я несколько часов назад оставила свою красавицу, была забита в несколько рядов автомобилями, поставленными настолько плотно, что даже человеку не всегда было удобно пройти. А с учётом того, что машины были разные по размеру, получилась миленькая головоломка на тему: куда, какую из них в первую очередь передвинуть. И мне бы было интересно посмотреть, как её будут разгребать, если бы моя машина не стояла в самом дальнем углу.

Я грозно повторила: — Что? Это? Такое?

— Ну, — Вася еще раз вздохнул, — У нас вообще-то две стоянки, места полно.

Я с недоумением обвела взглядом эту выставку мирового автопрома, повернулась к Васе и уточнила: — И где это место?

— Я же думал, что на разборки с пожарными несколько дней уйдет. Ну и... — он вытер пот со лба, — пока отель закрыт будет, решил деревья около второй стоянки опилить. Они старые, я все время боялся, что ветка какая-нибудь на машину свалится. А клиенты у меня небедные, как ты понимаешь. На ремонте машин я бы разорился. Вот и вызвал специальную службу перед выходными. Теперь та стоянка вся ветками и деревьями завалена.

Я не могла поверить в эту бредовую ситуацию. У меня набежали слезы на глаза и задрожал голос, когда я спросила:

— Ты это специально? Вы что? Сговорились с Шумским? Поиздеваться надо мной решили?

Васенька закудахтал надо мной как курица-наседка:

— Лена! Леночка! Ты только не плачь. Я уже решаю. Я просто не ожидал, что столько народу откликнется. Мы ж какой год нашим курсом пытаемся собраться. И, главное, все согласны сначала, а как день назначить или деньги собирать, то никого нет. Зато ко мне, представляешь, даже из других областей приехали. А я ж не думал, что так получится. Сотрудников на выходные отпустил, показалось работы им не будет. Сейчас-то вызвал. Просто пока они приедут, пока все уберут. Мне надо немного времени.

Я закрыла глаза, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов и сквозь зубы спросила: — Сколько?

— Часа три-четыре, — потом он подумал, и аккуратно добавил, — Максимум пять.

— А что я буду делать всё это время? — своим горящим взглядом я уже просверлила в нём дыру размером с кулак.

— Если хочешь, я тебе такси оплачу, а хочешь здесь оставайся. За тебя же оплачено. Погуляй, отдохни, в гамаке покачайся, в хамам сходи. Выходные же, наслаждайся.

Вариант с такси был соблазнительный, но не такой уж и удобный. Без машины я всё равно никуда не успею, а кроме того, за ней надо будет возвращаться. В итоге, я потеряю кучу времени на дорогу, а результат ноль.

Мне оставалось уточнить один момент, чтобы знать к чему быть готовой: — Ты не знаешь, а Вита уже приехала?

— Она твоя подруга? — Вася полез за телефоном.

— Одногоруппница, — уклончиво ответила я.

Вася промотал свои записи: — Нет. Она и денег не сдавала. И даже не писала ничего.

Может и глупо, но настроение тут же улучшилось. Я не боялась встречи с этой гадиной, но не смогла бы предсказать, чем бы она закончилась.

Вася, тем временем, продолжал копаться в телефоне:

— Куда же тебя поселить? В первом всё занято. Во втором, там номера на семью. А если... Нет, уже забронирован. Тут третья группа, они просили их вместе. А может... Нет, не может. О! У вас же в домике есть свободная комната!

Я аж взвилась: — Ты это серьёзно?! Я не буду жить в одном доме с Шумским!

Вася ехидно на меня посмотрел: — Чем вы пол дня занимались, что ты теперь его видеть не хочешь? — и стоило мне открыть рот, чтобы высказать всё, что я о нём думаю, как он замахал руками и стал откровенно ржать, — Ой, не рассказывай, я слишком маленький для таких вещей. Лен, ну о чем ты беспокоишься? Там отдельный номер, он закрывается. Да и тебе нужен он только вещи на несколько часов кинуть. Хотя я не понимаю, почему ты не хочешь остаться? Всё уже оплачено, хорошая компашка. Отдыхай! Веселись!

Мне пришлось себе напомнить, что Вася ничего не знает и в наших проблемах не виноват. Поэтому я вымученно улыбнулась: — Прости, друг, в следующий раз.

Вася приобнял меня за талию и повёл к домику: — А на счёт Димона не беспокойся. Он, как и все нормальные люди, — правда, получив тычок локтем в бок, сразу исправился, — как и все обычные люди, в номере сидеть не будет. Вот если ты пойдёшь в наши бары, или ресторан, или в бильярд, или к бассейну, то, наверняка, столкнешься с ним. А в коттедже нет, солнце моё. Смело теряй время там одна. А я тебе, в качестве извинений, фруктиков пришлю. И клубники.

Заболтал меня, проходимец. Я даже не поняла, как согласилась.

Шумского и правда не было. Я с удовольствием вытянулась на кровати в своём номере. Ой, ничего вы не понимаете. После всех моим клиентов и заседаний, побыть в одиночестве это суперотдых.

Так я провалялась полчаса, листая ленту в соцсетях и лениво отщипывая виноград, когда через открытое окно услышала голоса.

Какая-то компания расположилась во внутреннем дворике коттеджа. Я решила не обращать на них внимание и продолжить наслаждаться одиночеством и фруктами-ягодами, но, совершенно неожиданно, услышала свою фамилию:

— Ты же дружила с Ленкой Шумской?

— Да мы и сейчас дружим.

— Из-за чего они с Димкой разошлись? Такая любовь-морковь была.

Вот за что я не люблю подобные сборища, так это за сплетни и пыль в глаза. Сначала все дружно достают линейки и начинают меряться детьми, мужьями, ступеньками на карьерной лестнице и доходами, выраженными в машинах, квартирах, поездках на отдых. Победителем тут выйти невозможно. Даже если ты рожает по ребенку — вундеркинду в год, у тебя самый идеальный муж на свете и на последних выборах тебя избрали президентом страны, то в дело вступят сплетни, и все с удовольствием обсудят, что дети заброшены, муж подкаблучник, страной ты управляешь плохо.

Мне стало интересно, кому не дает покоя моя личная жизнь, и я тихонько подошла к окну. На креслах-мешка расположилась компания из четырех человек, включая Настю.

А вот это плохо. Настя знает правду. Ну как теперь выяснилось, часть правды. Но хуже всего, если я пойму, что она сплетничает за моей спиной. Я понимаю, что почти все люди за глаза обсуждают друг друга. Это составляет девяносто девять процентов наших разговоров. Только это все равно больно. И доверять я ей больше не смогу.

Настя водила пальцем по краю бокала, а потом, нехотя, начала говорить:

— Ну... после института... Шумский он...

— Наааасть, — потянула Таня, гренадерского роста, обожающая рубить правду-матку, — не тяни kota за это... Что у него там сзади? О! Хвост!

— Не повзрослел он! — Настя не отрывала взгляд от бокала. Но, поймав волну, начала тараторить, — Знаете, как это бывает. Какие-то мутные друзья дома каждый день. В барах до утра. К делам серьезно не относился. Деньги направо и налево тратил, всех угощал. Лена ему раз сказала, другой. А потом ушла от него!

Я несколько зависла от такой версии событий. Мне всегда казалось, что если не хочешь говорить, то проще сказать «Я не знаю подробностей» или в лоб «Я не хочу это обсуждать». Но я забыла, что у Насти свои представления о прекрасном в общем и о репутации женщины в частности.

Измена мужчины свидетельствовала, что ты в чем-то не доработала, а твоя соперница оказалась лучше. При этом она пыталась смягчить свое высказывание, мол, зато в другом ты лучше, и нормальный мужик обязательно выбрал бы тебя. Но вот в чем-то ты все-таки конкретно проиграла.

Такой урон моей репутации Настя нанести не могла. Поэтому про Виту ничего не сказала, зато придумала свой вариант.

Девушки сначала молча переглядывались, а потом Лика, миниатюрная хрупкая брюнетка, переспросила:

— Вот прям взяла и бросила красавчика со всеми его деньгами?

— Было, было, — неожиданно вмешалась третья девушка, маленькая и кругленькая пышечка Наташа, которая выскочила замуж раньше нас всех, ещё на первом курсе, — Я,

блин, Лене тогда была готова заплатить, чтоб она к Шумскому вернулась. Так меня всё достало.

Ээээ... О чем она вообще?

— Да ты что? А почему? — Лика даже наклонилась к ней, чтобы не пропустить подробностей.

Я вся обратилась в слух. Как говорил герой одной небезызвестной книги, подслушивая, можно узнать много интересного.

— Да он постоянно на выходных приезжал в город, набухается и под её окна караулить. Всё надеялся узнать, с кем она сейчас, — продолжала Наташа.

— А ты тут причём? — хмыкнула Таня.

— Так он с моим Стасом всё время зависал. Как суббота, я одна. Друга, видите ли, надо спасать.

Настя, получив неожиданную поддержку, расслабилась и заулыбалась.

— Точно, — вписалась Лика, — Я у кого-то видела его на фотках. Ещё подумала, как же они в Москве работают, если каждый вечер в баре зависают.

Ну надо же, как смешно. Бедняжка Вита так старалась, демонстрировала, что она с Шумским, а люди увидели совсем другое.

— Всё она правильно сделала, — Таня громко поставила бокал на стол, — мужик — это тот кто решает проблемы, а не создаёт их.

Хороший вывод. Подходит практически под любые отношения, любой брак. Я тоже подпишусь.

И все же, и все же... Этот разговор оказался очень важным для меня. С одной стороны, во время нашего разговора я вроде и поверила Шумскому, а сейчас поняла, что не до конца. Я умом приняла то, что он говорил. Я видела его реакцию. Все было логично. Но слова — это только слова. В глубине души я все равно сомневалась.

Слишком долго я жила мыслями, что я и моя любовь оказались не нужны, что он выбрал деньги и гламур, а я была помехой на его пути, чтобы вот так взять и принять, что не было у него злого умысла, что он тоже любил, что я была ценностью для него, что ему действительно было плохо без меня.

Пока девчонки чирикали о мужиках, я опять сбежала мыслями в прошлое. В институте Шумский был звездой. Внешность, харизма и деньги в глазах большинства девушек делали его неотразимым. Он купался во внимании и флирте. Ему в прямом смысле слова не давали прохода.

Я же... Ну серой мышкой меня точно не назовешь с моим выбором гардероба. Скорее уж колибри. Такой маленькой-маленькой птичкой, которая в свете Шумского все же была незаметна.

Кроме того, до него я почти и не встречалась с парнями. В школе в старших классах я как сумасшедшая готовилась к экзаменам, наш юридический был моей заветной мечтой, и баллы мне нужны были максимальные. В начале учебы было очень сложно, и мне опять было не до мальчиков. А когда я привыкла к нагрузке, то поняла, что мной как-то особо и не интересуются. Ребята со мной хорошо общались, но как с другом.

Поэтому в глазах той юной девочки, которой я была несколько лет назад, как, впрочем, и в глазах всех остальных студентов, Шумский представлялся гораздо более ценным призом, чем я.

И я решила... Я же сама себя ценила меньше мужа. Сейчас я понимаю как это глупо.

Разве важна вся эта мишура с поклонниками и поклонницами для настоящей любви? Я же влюбилась в него не из-за его популярности.

Может быть все произошло слишком рано? Если бы мы начали встречаться, например, сейчас, когда я знаю, чего я стою, может наши отношения сложились бы совсем по другому?

Я уже была готова вернуться на кровать и дальше тюленить, когда услышала следующий вопрос:

— А сейчас у Ленки как с личной жизнью?

Так. Ещё одного интересного рассказа я не выдержу. Я высунулась в окно и строго сказала:

— Всё у меня нормально. Даже отлично.

Последующая сцена была достойна Ревизора. Девушки застыли, уставившись на меня. Первая отмерла Таня, которая, откашлявшись, вдруг заявила:

— Ты что там делаешь? Ты зачем сюда приехала?

Я так растерялась от ее слов, что у меня дыхание перехватило. Подругами мы не были, но вроде нормально общались. В голове промелькнуло десятки вариантов, как ей достойно ответить. Но только я открыла рот, как Таня продолжила:

— В номере, что ль сидеть? А ну, гоу к нам!

Я еще больше растерялась и смогла лишь пролепетать:

— Зачем?

— Понимаешь, — она окинула взглядом Лику, — кое-кто, не будем показывать пальцем, хотя это была Лика, услышав, что приезжать нужно со своим спиртным, привез ящик шампанского и поклялся, что назад его не повезет.

Я с большим удивлением посмотрела на маленькую худенькую Лику и в шоке переспросила:

— Ящик?

— Да он маленький, — взвилась виновница разговора, которую видимо подколки на эту тему уже достали, — там всего шесть бутылок!

— Зато каких, — вмешалась в разговор Наташа и показал бутылку с очень известной маркой, — Так что спускайся быстро, нам нужна помощь в ликвидации

Я еще не отошла от такого оригинального Таниного приглашения в начале разговора, поэтому попыталась слиться:

— Да у меня и бокала нет.

— Я принесу, — тут же подскочила и куда-то убежала Настя.

Я еще немного посидела на подоконнике, обдумывая ситуацию. С девчонками я близко не дружила, и это приглашение было своеобразным извинением за то, что они меня обсуждали. С другой стороны, а смысл мне сидеть в номере? Могу посидеть и рядом с ним, выпить бокал хорошего шампанского, насладится летним днем и поговорить с людьми не про работу. Я ж почти в отпуске.

Мысли коварно скакнули дальше. И я подумала, что причин-то против этого вечера встреч уже и не осталось. Омерзительной Виты, от которой меня просто тошнило, не будет, на Шумского я еще злилась, но уже не ненавидела до звездочек в глазах. И аргументы «за», которые говорила мне мама, про отдых и круг общения, засияли еще ярче.

— Ну, надо так надо, — я демонстративно тяжело вздохнула, — сейчас позвоню и приду.

Я набрала маму и рассказала, что, кмх, совершенно случайно забыла дома платье на вечер, красное, и туфли к нему, и попросила мне помочь. Мама тут же сориентировалась и сказала, что организует доставку. А счастливый вопль индейцев, который я слышала, перед тем как нажать отбой, наверняка, мне показался. Не могла же взрослая женщина издавать такие звуки?

Я взяла тарелку с фруктами, в качестве своего вклада, и пошла к ним, не подозревая сколько еще открытий готовит мне вечер.

Поболтав о всяких милых женскому сердцу пустяках, мы перебрались в ресторан. Там уже творилось броуновское движение из наших сокурсников. Кто-то подсаживался к нам, мы тоже периодически вскакивали и убегали, увидев кого-то из старых друзей. Бокал шампанского на голодный желудок сделал меня веселой и бесстрашной, а людей вокруг очень милыми.

Все шло не по плану. С некоторыми старыми знакомыми мы, обменявшись приветствиями, быстро разбегались, не найдя тем для разговора. А с почти забытыми людьми начинались бурные обсуждения. Гордячки в прошлом были дружелюбны и открыты, а кто-то из бывшего круга общения пытался всеми силами придать себе значимости и еле цедил слова сквозь зубы. Люди изменились и не изменились одновременно. А может просто я повзрослела и увидела их по-другому.

Но мне было хорошо. Мне было интересно и легко. Хорошее настроение било во мне фонтаном. Мы шутили, обменивались визитками, вспоминали истории из студенчества, спрашивали про знакомых, делились успехами, хвалили друг друга. Однажды сцепились по какому-то юридическому вопросу. Но пришел злой Вася и заставил нас выпить по коктейлю, чтоб мы не занимались всякой хренью.

В таком воздушном состоянии я забежала в туалет попудрить носик, и, когда уже мыла руки, услышала за спиной снисходительное:

— Выглядишь получше. Долго училась одеваться?

Кажется, кто-то пытался указать мне место. В другом случае я бы проигнорировала ее слова или отшутилась, я очень не люблю конфликты, все время пытаюсь их сгладить. Но сейчас я была заведена шампанским и хорошим вечером. Мне ни то что море было по колено, мне океан был по щиколотку.

— Конечно, я долго училась. Целых пять лет. В юридическом. И, слава Богу и голове на плечах, не потратила там время зря. Поэтому у меня и минутки свободной нет в перерывах между клиентами, а уж потратить несколько часов на поиск платья я тем более не могу. Для этого у меня есть специально обученный человек, который занимается моим гардеробом. Когда ты востребованный адвокат, по любому некоторые задачи приходится делегировать, — я окинула ее внимательным взглядом, задерживая взгляд на излишне крупных украшениях, немного неудачной длине юбки, не очень подходящих по цвету туфлях и других мелочах. В общем-то, они и не имели критичного значения. Но каждый раз я презрительно улыбалась уголками губ, — Я и тебе могу дать телефон. Она любит нестандартные задачи.

Несколько секунд мы пристально смотрели друг другу в глаза, пока она не дрогнула и отвела взгляд. А потом быстрым шагом вышла из туалета.

— Ну и на фиг было это начинать? — пробормотала я.

— Она с Шумским до тебя встречалась, — оказывается у нашего разговора был свидетель, Наташа подошла мыть руки, — ты разве не знала?

— Да там список длиннее, чем количество фараонов во всех династиях. Разве всех запомнишь, — отшутилась я.

— Ну так-то да. Она с ним месяца три или четыре встречалась. На фоне остальных это было невероятно долго, и она была уверена, что для него это было что-то особенное. Все

ждала, когда он к ней вернется. А вместо этого он с тобой провел два года.

Я облокотилась на стену и уставилась взглядом в никуда, немного позавидовав памяти Наташи. А потом задала риторический вопрос:

— Слушай, я понимаю, она в институте ко мне цеплялась. Но сейчас прошла чертова туча времени, почти десять лет. Что ей сейчас покоя не дает?

— Значит ничего интереснее за это время не произошло. Да мы все любим страдать по прошлому, не так ли? — я как-то не ожидала таких философских бесед. И признаваться в том, что она права не хотелось. Поэтому улыбнулась, неопределенно пожала плечами и хотела уйти, когда она добавила, — А у тебя правда есть такой человек? Ну, который нестандартное любит?

Я посмотрела на ее кругленькую фигуру. Одежду мне действительно подбирает Лерчик. Все началось с моей паники, когда мне надо было выходить на первую работу. С одной стороны, я понимала, что есть этикет, с другой, мне казалось, что я теряю остатки своей индивидуальности. И это еще одно доказательство моей никчемности. Но Лерчик только смеялась, что у врачей есть белые халаты, у пожарных спецзащита, а у юристов костюмы. Она мне делала образ от и до. Целые карточки составляла, что с чем мне носить. Потом серьезно этим увлеклась, все время что-то изучает, курсы проходит. Про разные системы мне рассказывает. Консультирует параллельно основной работе и хочет когда-нибудь полностью себя этому делу посвятить. Что ж, у меня есть шанс немного вернуть старые долги. Я взяла Наташу за руку и повела ее к нашему столику:

— А давай я тебе ее страничку покажу.

Вечер был в самом разгаре, когда пришло сообщение от мамы, что прибыло мое красное платье. Я быстренько переоделась и вернулась обратно, но поняла, что не могу найти свою компашку. Я застыла на краю веранды, отчаянно вертя головой.

В этот момент на мои плечи опустились тяжелые ладони. Я чувствовала, как большие пальцы обводят вырез на спине, отчего по всему телу разбежались тысячи мурашек. По моему ушку слегка провели губами и тихо промурлыкали:

— И кого ты ищешь?

Память тела — страшная вещь. Он мог ничего не говорить. Я могла не чувствовать его запах. Но я сразу поняла, что это мой бывший муж просто потому, как легли его руки на мои плечи. Я знала с точностью до миллиметра, как он проведет пальцами по моим рукам, как он прикусит мочку уха, как он будет щекотать моя кожу своим сбивающимся дыханием, как будет стягивать платье с плеч и затем, царапая нежную кожу щетиной, начнет то целовать, то кусать шею и ключицу. Как он делал десятки или сотни раз, когда мы были вместе.

Это все память тела заставила меня сделать полшага назад, прижаться к его бедрам, слегка откинуть голову на его плечо, открываясь ему, подставляя кожу для поцелуев, словно выпрашивая ласку, которую мне так дико не хватает. Это все память тела взорвала у меня внутри ящик с петардами, который огненной волной пронесся по всему телу, заполняя меня до кончиков пальцев черным дымом непонятных желаний и чем-то тягуче-порочным, что делает твои движения такими расслабленными и плавными, и все мужчины в радиусе километра понимают, что просто обязаны подставить тебе твердое мужское плечо, чтобы ты не упала. Ну, или это было шампанское.

Кажется, он на какое-то время перестал дышать, а потом его пальцы остро впились в мое тело и на рваном выдохе он простонал «Ведьма!». Я с большим трудом, как будто двигалась во сне или сквозь толщу воды повернула к нему голову, чтобы встретиться с его пугающе темным взглядом. Зрачки расширились так, что почти скрыли радужку глаз. Его взгляд, как в кинотеатре, транслировал всю камасутру, которую он планирует сделать со мной. Вот пошляк. Как он может мне такое показывать?!

Я вспомнила, о чем меня спрашивали:

— Настю потеряла, — пролепетала я, — и остальных девочек тоже.

Мы шокировано смотрели друг на друга. По внутреннему ощущению здесь творилось вопиющее непотребство. Но когда я огляделась вокруг, с облегчением поняла, почему-то окружающие это явно пропустили и продолжали вести себя как ни в чем не бывало: есть, пить, разговаривать. Я почувствовала, как краска стыда заливает меня до кончиков ушей и попыталась испариться, но Дмитрий взял меня за руку и потащил неизвестно куда:

— Пойдем, я тебя провожу, — и принялся рассказывать, не останавливаясь на секунду. Наверное, чтобы я не успела задуматься и убежать, — Сначала девочки захотели шашлык. Вася пообещал, что им приготовят, но это оказалось нещитово. Им хотелось на костре, как тогда после второго курса, помнишь, мы сессию отмечали? Ну, у Васи есть отдых для самых разных клиентов. Нашлась и площадка, где можно костер развести. Шашлык там не забабахает, но можно пожарить зефирки. И хлеб. Представляешь, да? Хлеб! Здесь офигенные повара, которые готовят самые крутые блюда. Но толпа народа пошла есть обугленный хлеб. Мне вот только одно интересно, у них будут пластиковые стаканчики? Без них, я считаю, будет неуместно.

Мы шли по темным дорожкам между высоких деревьев, я не понимала куда иду и зачем, и в общем-то мне было все равно. Когда мы вышли на площадку с костром, я была даже немного разочарована.

Наше прибытие мало кто заметил, но я все же натолкнулась на внимательный взгляд Тани, которая пристально смотрела на нас, склонив голову.

— Я вас потеряла, — сказала я небрежно, — Хорошо, что Шумский знал куда идти.

— Угу, — ответила она, бросив взгляд на наши переплетенные пальцы.

Вокруг костра собралась большая часть нашей группы, травя байки на тему «чемходимее машина, тем дальше бежать за трактором». Венцом стала история, как деревенские поменяли местами указатели и наладили неплохой такой бизнес, спасая неудачливых любителей природы.

Атмосфера была на диво расслабленная, пока кто-то из парней не спросил:

— Лен, а ты совсем бросила церковь?

К религии я относилась также, как и большинство окружающих меня людей. Святила куличи на Пасху и воду на Крещение, да заказывала службу за бабушек и дедушек. Поэтому сначала я не поняла, что вопрос адресован мне. Потом тоже не особо поняла, не смотря на все взгляды, сосредоточившиеся на мне.

Зато почувствовала как напрягся Дмитрий. Тут я начала нервничать, сама не знаю почему. Я посмотрела еще на раз на эту любопытствующую толпу, подняла вопросительно брови, глядя в глаза Насте и другим девочкам, но те, пожимали плечами и други знаками давали понять, что не понимают о чем речь.

Я зачем-то переспросила:

— Вы у меня спрашиваете?

— Ну да. А у кого еще? — ответил кто-то из парней.

— Нууу... Ээээ... Так... Я чего-то не понимаю. Почему вы спрашиваете меня про церковь? — продолжала я недоумевать.

— Ну ты же верующая была. Всегда такая правильная.

— Воцерковленная, — подсказал кто-то из толпы.

Мне показалось, что я попала в какой-то параллельный мир. Вроде люди знакомые, но говорили они о какой-то другой мне. Абсурдность всего происходящего зашкаливала.

Я не выдержала и просто рявкнула:

— Да с чего вы взяли?!

— Ну, — усмехнулся кто-то сбоку, — твой лучший друг Шумский рассказал.

Я, полная нехороших предчувствий, обернулась к бывшему мужу, но он с излишним вниманием рассматривал бокал в своих руках.

— Что-что он рассказал? — протянула я мрачно.

Одногруппники стали наперебой вспоминать:

— Ты часто ходишь в церковь, посты соблюдаешь, ну и парень твой тоже должен будет так делать. Естественно никакого секса до свадьбы, да и поцелуи не очень одобряются. Парня ты сначала со священником познакомишь, и если он одобрит, то вы будете встречаться.

Парни добавляли еще какие-то подробности, но я их уже не улавливала. Я еще раз, в полном шоке посмотрела на этого сочинителя легенд, но он столкнувшись со мной взглядом, тут же его отвел в сторону и слегка откашлялся.

До меня начала доходить причины моей женской непопулярности в институте. Я услышала как хрюкнула от смеха Таня, а Лика закрыла лицо руками, ее плечи мелко тряслись, и вряд ли от рыданий за мой вынужденный целибат.

Моя волна гнева начала набирать силу. Ох, будут сегодня жертвы.

— Да как вам в голову пришло, что это правда?! У вас были глаза? Мозг? Хотя, кого я спрашиваю? — меня просто трясло от злости.

— Ну ты ж всегда была такая скромница, в длинных юбках, платочках.

Версия параллельного мира уже не казалась фантастической. Юбки?! Бохо-шик, конечно, часто предполагает длинную юбку, но о скромности речь никогда не шла. Да и брюки я носила часто и с удовольствием. Платочки?! Единственный павлопосадский платок я носила вместо шарфа, для декора поверх куртки или пуховика, но никогда на голове. Или

они про шарфики с ручной росписью, которые я использовала в прическе или вместо шапки? Но на платочки они тоже не тянули. Судя по истерическому ржанию девушек, так думала не только я. Версию с альтернативной вселенной пришлось отбросить.

Я повернулась к Шумскому и прошипела в полном бешенстве:

— Тыыыы! Это все ты!

— Стас, а ну-ка отойди от него, — опытная в семейной жизни Наташа быстро сообразила к чему все идет. А я начала отбирать у окружающих шампуры, на которых они жарили хлеб и зефирки.

— Лена! Леночка! Успокойся, пожалуйста! — занервничал этот сплетник. Эти слова послужили спусковым крючком, после которых я врезала ему шампурами как прутьями по мягкому месту. Он не успел увернуться, но тут же отпрыгнул и стал прятаться за окружающих, попутно уговаривая меня прекратить, — Лена, я это делал для тебя! Ты не знаешь, о чем говорили эти озабоченные гамадрилы! Ай!

— Да ты сам был такой же! — раздался чей-то возмущенный голос.

— Вот! Видишь! Я точно знаю, о чем говорю. Лена, не надо! Верни людям шампуры. ты же оставила их голодными. Просто поверь, ты должна мне быть благодарна. Ой! — продолжал этот муфлон.

— За что благодарна? За убитую самооценку, потому что мужики от меня как тараканы разбежались? За вечера в одиночестве, пока ты развлекался ни в ком себе не отказывая?

От устройства инсталляции в стиле святой Себастьян меня удерживал только внутренний адвокат, который шептал «Слишком много свидетелей. Давай вернемся к этой прекрасной идее попозже». Поэтому приходилось его просто лупить.

— Для них ты была чудной зверушкой. Тебе бы не понравилось, как бы они к тебе относились. Ты была слишком хороша для них. Их же ничего кроме постели не интересовало. Если бы я понял, что для кого-то все всерьез... Что ты нравишься... И он готов к серьезным отношениям...

По глазам видела, что это одомашненное парнокопытное ни в чем не раскаивается. Я уже собиралась объяснить, что сама была в состоянии решить, что мне нужно, без idiotских сплетен, когда раздался еще один голос:

— В самом деле? Тогда мне очень интересно, что ты сказал Лене про мое предложение?

В глазах Дмитрия промелькнул сложный коктейль из... страха и вины? Мне даже показалось, что он весь сжался. Когда я обернулась, чтобы понять кто это сказал, то вспыхнула как маков цвет.

Я почему-то сразу поняла, про какой разговор идет речь. Хотя я уже заподозрила, что все было совсем не так, как мне представили тогда, смущение и неловкость охватили меня с ног до головы.

Это было на третьем курсе. Я прекрасно помню, как я сидела в лекционном зале перед занятиями и любовалась на ярко-голубое небо, которое бывает только в марте. Наверное, в награду нам за то, что пережили серость зимы. Весной как-то особенно хочется любовной лихорадки, зарождения чувств и нежных свиданий. Есть совершенно необъяснимое ощущение, что счастье на пороге. Вот и у меня голова была бессовестно забита самыми романтическими бреднями.

В этот момент ко мне подсел смущенный Шумский. Зрелище само по себе примечательное. Я не представляла, что может его смутить с его вечной самоуверенностью и бравадой.

— Слушай, Лен, — он взял мою ручку и начал вертеть ее в руках, то откашливаясь, то бросая взгляды на Васю, который сидел через несколько рядов и тоже напряженно глядел на нас, — тут такое дело. Даже не знаю с чего начать. Меня Вася кое о чем попросил. То есть попросил тебе кое-что передать... предложить... Понимаешь, ты ему нравишься. И он предлагает провести выходные с ним... и с его девушкой.

Я просто задохнулась от обиды. Мне казалось, он один из немногих, с кем у меня действительно хорошие отношения. Веселый и добрый парень, легко откликнувшийся на просьбы о помощи и казавшийся слегка застенчивым. Но вот не постеснялся зайти с таким приложением. Почему ко мне? Не к своим богатеньким подружкам, а ко мне? Считает, что я соглашусь на что угодно?

А самое обидное было, что Шумский так легко мне это предлагает. Пока я стораю от тайной любви, он не испытывает ко мне ничего, раз подкладывает меня под друзей.

Поэтому я трясущимися руками отобрала у него ручку и предложила самому валить к Васе на выходные.

Дмитрий занервничал и попытался меня успокоить в своем стиле:

— Да ладно, Лен, ну что такого. Студенчество — это же время экспериментов.

И был жестко послан в пешее эротическое путешествие. Кажется это был первый случай за все время нашего знакомства, когда он услышал от меня мат. Он посмотрел на Васю и развел руками, показывая, сделал все что мог, извини, брат.

На следующий перемене Шумский попытался подкатить с какой-то шуточкой, и снова был направлен по тому же адресу. Потом были попытки полушутливых извинений, искренних извинений и букета цветов, отправленных тут же в мусорку. Вот раньше, когда я в кино подобное видела, казался мне такой жест наигранным. А в тот момент хотелось максимально быстро от него избавиться, как от какой-то дурнопахнущей субстанции.

После занятий Шумский поплелся вслед за мной, не смотря на то, что я наотрез отказывалась с ним разговаривать. Но он шел рядом, продолжая все время говорить. Что он не знал, что меня это так обидит, а если бы знал, если бы они с Васей знали, то, конечно, ничего такого не сказали. Это просто я наивная ромашка, а многие так развлекаются. Но! Он уважает мой выбор быть уникальной ромашкой и извиняется, что раньше этого не понял. И что со стороны Васи этот был деликатный способ узнать мои предпочтения, со всем

уважением, как говорится. Потому что все знают, что мы с Дмитрием друзья, и если кто меня обидит, то он сразу тому человеку голову оторвет. Я предложила Шумскому начать с самого себя, но он выбор жертвы не оценил. Уже около моего дома, он загородил подъездную дверь и попросил дать один шанс. Только один шанс. Что я должна учитывать их окружение, и что они все осознали. Я злилась еще несколько дней, а потом простила. Зря, наверное.

И вот сейчас я смотрела на Васю, который в свою очередь зло смотрел на Шумского, и понимала, что я не смогу рассказать про все это. Но ему это, кажется, и не нужно. Просто по реакции Шумского понятно, что он тогда соврал. А мне хочется знать правду:

— А что именно ты тогда предложил?

Игорь Васин переводит взгляд на меня и с горечью говорит:

— Ты мне очень нравилась. И я готов был ухаживать на твоих условиях. Но я такой... крупный. Стеснялся очень. Но подумал, что если ты узнаешь меня получше, то может полюбишь.

После того разговора, я долго избегала Васю. Просто не знала, как с ним общаться, что он вкладывает в свои слова. Но когда вы учитесь в одной группе, это делать довольно трудно. А он всегда был очень предупредительным, заботливым, иногда приносил смешные безделушки, конфеты, предлагал подвезти в плохую погоду. Ненавязчивые приятные знаки внимания в качестве извинения, считала я. И когда он однажды захотел все объяснить, я мягко его остановила. Сказал, что он хороший парень, и я надеюсь, что мы будем друзьями, только больше не надо мне ничего предлагать. Теперь мои слова воспринимались совсем по другому.

Я снова посмотрела на Шумского. Единственное, что как-то смягчало ситуацию, было видно, что ему стыдно. Он стоял, скрестив руки на груди, кусая губу, и не мог поднять на нас глаз. А потом чей-то голос завопил:

— Да на кол его!

— Так! Успокоились! — попытался скомандовать Шумский. Но кольцо предвкушающих друзей медленно сжималось вокруг него.

— Васяяя, а что у тебя есть подходящего для дорогих гостей? — азартно спросил кто-то.

— Флагшток, — язвительно рявкнул Вася.

Ребята поискали его глазами и, после некоторых размышлений, уточнили есть ли что-нибудь еще. Вася не был бы успешным отельером, если бы не умел находить выход из любой ситуации:

— Бассейн!

И эти люди что-то говорят за женскую логику? Где флагшток, а где бассейн? Но предложение откликнулось, обманутые друзья подхватили Шумского за руки и за ноги и с улюлюканьем потащили прочь. Любопытство погнало всех остальных за ними.

Мы полюбовались, как Дмитрия забросили на середину бассейна. Но не успела я насладиться мезью, как он, подплыв к бортику, но не стал вылезать, а свалил двух самых доверчивых оленей, которые неосторожно подошли к водопою, тьфу, к краю. В воде завязалась потасовка, на которую одноклассники не смогли спокойно смотреть и тоже стали прыгать в бассейн. Вася не растерялся и бросил им какие-то надувные палки, что вызвало бурный восторг. Через минуту они уже поделились на команды и с дикими криками начали лупить друг друга.

— Я так и знала, что этим кончится, — взвыла Наташа.

— Интересно, они хотя бы через десять лет изменятся? — философски-риторически спросила Настя.

— Ага, пузо вырастет и лысина появится. А в остальном — нет, — Таня как всегда была цинична и прямолинейна. И абсолютно права.

— У меня еще шампанское осталось, — мы все с благодарностью посмотрели на Лику. А потом она добавила еще одну разумную мысль, — ну их на фиг, пойдете танцевать.

Я сначала пошла вместе, а потом сказала, что догону и вернусь к бассейну. Я хотела закрыть эту тему. Шумский понял, что я по его душу и подплыл ко мне. Заодно снял ботинки, вылил из них воду и поставил на бортик. Чувствовал он себя при этом прекрасно. В глазах плясали черти, улыбка была от уха до уха, вылезать из бассейна он явно не собирался. На его месте я бы чувствовала себя мокрой курицей и попыталась бы скрыться в номере, а он только радуется жизни.

Дмитрий положил руки на бортик бассейна, ладонями накрыв носки моих туфель, уставился на меня своими дьявольскими глазами. В сумерках при свете фонарей они сияли как драгоценные камни. Это нечестно со стороны природы давать такие глаза мужчинам. И меня это дико раздражало. Хотя, меня сейчас бесило в нем абсолютно все.

— Ты была абсолютно права! Надо обязательно расслабляться с друзьями. Я сто лет так не отрывался, — заявил он. Как бы ему объяснить, что он не бессмертный горец, а мое терпение уже закончилось?

Я вздохнула, попытавшись успокоиться, и спросила:

— Просто объясни. Зачем ты это сделал?

Он пристально посмотрел мне в глаза, ухмыльнулся и ответил:

— Да, все случайно получилось. Мне понравилось готовить с тобой задания...

Я перебила его:

— Потому что я делала основную часть работы.

— Ну и поэтому тоже, — усмехнулся он, — но, в основном, потому что с тобой было интересно. Находить ответы, выполнять задания — это было как играть в Шерлока Холмса. Юриспруденция, которой меня заставляла заниматься семья, всегда была на редкость скучной мутью. А с тобой все стало легко, понятно. Я уже с азартом ждал, что будет дальше. И вот, я уже сам записывал нас вместе. Эти придурки обратили на это внимание и задолбали меня вопросом, переспал я с тобой или нет. Я как-то отшутился, что тебе вера не позволяет. Просто отшутился! Но они почему-то поверили. А потом эти гамадрилы стали спорить, чпокнуть целку — это круто или проблем больше. Я не стал дожидаться, когда они на тебе начнут свои теории проверять и придумал, что сначала надо будет у священника собеседование пройти. А все остальное они уже сами додумали.

Я не знала как реагировать. Я могу придумать тысячу других нормальных вариантов. Но когда надо принимать решение, не всегда в голову приходит самое правильное. А он, вроде, хотел меня защитить. И все же я упрямо сказала:

— Ты мог объяснить все потом.

— Да я не думал, что разговор пойдет куда-то дальше, — с досадой ответил он, — Ну, потрепались в баре, на следующий день забудут. Я и не знал, что об этом говорят. А потом вдруг Вася подкатил с просьбой посодействовать.

— Кстати, про Васю! Это вообще было за гранью! — перебила его я.

— Я извинюсь. Наверное, — Шумский замолчал. А я ждала продолжения, не собираясь помогать ему в этом разговоре. Некоторое время он водил пальцем по контуру моих туфель, а затем нехотя продолжил, — Я тогда растерялся. Он выловил меня перед лекцией. Всплыл этот старый разговор, на котором между прочим его не было. Не хрен было сплетни ему собирать, может все по другому было. А может и нет. Мне это сразу не понравилось. Продвигать его. Я, правда, сначала ничего такого не планировал. Начал тебе о нем говорить. И понимаю, что не смогу видеть тебя с другим. Я любого другого убью на хрен. Ты можешь быть только со мной. Но время придумывать не было. Что ляпнул, ты сама помнишь. Ну, а потом, осталось только дело техники, придумать как тебя соблазнить.

Я по его лицу, по его наглым глазам видела, что он ни капли не раскаивается:

— И ты ведь до сих пор считаешь, что правильно поступил?

Он положил голову на руки и лукаво улыбнулся:

— В любви, как на войне, все средства хороши.

— Вита сейчас тебе аплодирует стоя, — о, да, я тоже могу быть жестокой.

Хорошее настроение у Шумского как ветром сдуло. Ну, не все ж ему мое портить.

— Как ты, такая правильная, адвокатом работаешь, а? — психанул он в ответ.

— Успешно, — фыркнула я, — Блин, я понимаю, за что тебе карма прилетела. Но почему мне-то досталось?

— За то, что ты бросила церковь? — заржал этот идиот.

Что ж, он сам выбрал свою судьбу.

— Но вот это Бог должен мне простить, — с милой улыбкой сказала я.

И пока Дмитрий думал, что же это мне должны простить, я мгновенно опустилась на колени, схватила его за волосы и притопила в воде, через несколько секунд дала ему вынырнуть и снова надавила, чтоб он ушел под воду, задержав уже подольше. Затем отпрыгнула в сторону, чтоб он не успел схватить меня, и пошла искать девочек.

— Признайся, ты ко мне еще равнодушна, — прокричал мне вслед бывший муж.

— Конечно. Я тебя ненавижу, — бросила я, не оборачиваясь.

— А я тебя люблю, — проорал на всю ивановскую этот позер.

В эту минуту меня перехватил официант.

— Игорь Вячеславович просил узнать, не нужна ли вам помощь? — уточнил услужливый мальчик в униформе.

Где ж ты был, милоч, пару минут назад, когда мне надо было подольше подержать Шумского под водой? Но я только улыбнулась:

— Можно ваш полотенчик? Руки намочила. Пожалуйста, проводите меня к подругам.

Я описала девочек и уже через пять минут сидела с ними за столом. Таня преувеличенно внимательно осмотрела меня с ног до головы и, наклонившись ко мне, театральным шепотом спросила:

— Алиби нужно? Или может постоять на стреме, пока ты что-то в мешке будешь закапывать в лесу?

— Оно непотопляемо, — с тяжелым вздохом и гримасой разочарования я отказалась от такого восхитительного предложения.

Мы выпили по бокалу шампанского за нас. А потом еще по одному за наши успехи. А потом был еще один «Девочки, ну последняя бутылка, не везти же мне ее обратно».

А еще мы танцевали. Я отрывалась за все пять лет, чувствуя себя неимоверно свободной, уверенной, раскованной. И дело было не только в шампанском.

Как бы я не злилась на Шумского, но сегодня я раз за разом получала подтверждение, что я привлекательна, что я желанна, что я была любима, а может меня и сейчас любят. Порцию этих подтверждений каждая женщина должна получать вместе с завтраком по утрам. И эти открытия пьянили лучше самого дорого вина.

Быстрые танцы сменялись медляками, я получала еще одну порция комплиментов, таких горячих, что они поджигали фейерверки в моей голове, и огонь внутри меня требовал выплеснуть эту энергию в еще более бешеном танце. Мне стало казаться, что всю кровь во мне заменил веселящий газ.

И в этот момент заиграла очередной медленный танец, а напротив меня оказался Вася. Хотя, нет. Мне, почему-то, больше не хотелось называть его прозвищем. Словно я раньше не видела за маской человека. А теперь мне хотелось только настоящего.

— Игорь, потанцуешь со мной? — я протянула ему руку.

— Всегда, — ответил он с широкой улыбкой. Некоторое время мы молча танцевали, а потом одновременно сказали:

— Мне так жаль... — Прости, что я...

Ошарашенно посмотрели друг на друга и расхохотались. А после чего снова одновременно произнесли: — Сначала ты. — Давай ты.

Если и была какая-то неловкость, то она рухнула под нашим смехом. Но тут он схитрил:

— Дамы вперед. — Ну что ж... — я собралась духом и посмотрела ему в глаза, — Прости, что я не выслушала тебя тогда, когда ты хотел все объяснить. Ты хороший парень и отличный друг. Это было очень неправильно с моей стороны поверить другому человеку, а тебе совершенно не дать шанса.

Он кивнул, помолчал, видимо тоже собираясь с духом, и, прислонив лоб ко лбу, грустно прошептал:

— Мне так жаль, что я тогда не нашел смелости, не нашел слов, чтобы сказать, что ты значишь для меня.

Мы еще немного потанцевали, но признаний больше не хотелось, а молчать было скучно:

— Кстати, наверное, это меня и сбilo с толку. Ну ты же никогда не был стеснительным. И вниманием девушек не был обделен.

— Ну это другое, — протянул он в смущенно, — там чаще нравилось тусить со мной, чем сам я.

— Ты чего? Ты это серьезно? — я просто не могла поверить, — Да половина курса тебя обожала. Ты ж всегда был вулкан оптимизма и хорошего настроения. Мы о тебя согревались как о солнышко.

— Это все не имеет значения. Если бы ты в тот момент выбирала между мной и Димкой, ты бы кого выбрала? А?

Я задумалась, а потом совершенно честно ответила:

— Не знаю. Я не буду скрывать, я тогда уже была влюблена в Шумского. Но считала его худшим парнем для нормальных отношений. Мне он казался циничным бабником и потребителем...

— Тебе не казалось, — пробурчал Игорь под нос.

Я шлепнула его по плечу:

— Не перебивай. О чем я? Так вот. Я не знаю, чтобы у нас получилось. Может ничего, а может быть стали встречаться. Но я, в любом случае, попробовала. Если бы ты позвал на свидание, я бы пошла.

— Когда я буду совсем стареньким, я буду сидеть в кресле у камина и перебирать самые прекрасные воспоминания, — довольно зажмурился этот котяра, — И лучшим из них будет, что самая прекрасная девушка на нашем курсе была готова со мной встречаться.

А затем он посмотрел долгим взглядом за моей плечо. Я уже хотела обернуться, чтобы узнать на что он смотрит, но Игорь неожиданно прижал меня к себе и абсолютно серьезно тихо-тихо сказал на ушко:

— Я тогда решил, что после каникул еще раз попробую с тобой поговорить. Но я опоздал. Уже первого сентября было очевидно, что вы с Шумским вместе. И я не стал вмешиваться, потому что... Ты так на него смотрела. С такой любовью и восхищением. И я понял, что просто свиданий, даже если они окончатся постелью, мне всегда будет мало. Потому что на меня никогда не посмотрят так.

Напоследок Игорь прижал меня еще чуть сильнее и провел руками вниз по спине и всем моим выпуклостям. Когда я, шокированная резкой сменой парадигмы, набирала воздуха, чтобы вынести ноту протеста, за моей спиной раздалось яростное покашливание.

Ну, понятно, кто там стоит. Сочувствия к Игорю на порядок поубавилось. А можно выяснять отношения не за мой счет?

Я обернулась, конечно же, к Шумскому. Выглядел он, как будто его пожевало и выплюнуло какое-то крупное животное. Все еще в той же одежде, в которой его бросили в бассейн, сейчас невероятно мятой, рубашка расстегнута, босиком. Но в его позе было столько расслабленности и самоуверенности, что любая модель с обложки проигрывала ему сто очков по сексуальности.

Он, прищурившись, вызывающе нагло смотрел в Игорю в глаза, тот отвечал ему таким же непримиримым взглядом. Я сначала подумала, что они как два шипящих кота, но потом скорректировала до выпячивающих грудь петухов.

— Ну, не буду вам мешать, — со смешком я попыталась слинять из этой милой компании, но Дмитрий схватил меня за руку и притянул к себе, положив руку на талию. Игорь окинул нас сложным нечитаемым взглядом, усмехнулся и ушел.

— О, нормальная музыка. Давай потанцуем, — бывший муж с самодовольной улыбкой развернул меня к себе, на самом деле, не особо интересуясь моим мнением. Я немного поразмышляла стоило ли мне учинить скандал, но желание танцевать победило.

Мой перфекционизм никогда не даст мне сказать, что я умею хорошо танцевать. Но я обнаружила, что несколько выученных па, несколько отточенных шагов превращает движения из простого топтания под музыку во что-то красивое и приносящее удовольствие. И Шумский всегда соглашался со мной потренироваться. Может быть потому что наши уроки обычно заканчивались в горизонтальной плоскости. А может и правда, он получал удовольствие от моих экспериментов. Но он поддерживал все, чтобы я не предложила.

Музыка, ритм, движение. Танец меня захватил. Димка хорошо вел и, постепенно, я расслабилась. Я хотела на него злиться, но не получалось. В конце концов, я перетанцевала сегодня с кучей мужчин, почему бы и не с ним тоже.

Хотя кого я обманываю. Мне нравилось как он держит меня, как он движется вместе со мной, как ловит по первому намеку, что я хочу. Мне нравится просто быть с ним рядом. Видеть восхищение в его глазах. Смотреть на его загорелую кожу и кубики пресса в распахнутой рубашке. Угорать над его прической пьяного ежика после бассейна. Чувствовать его запах, в котором смешивается аромат его кожи, легкий отзвук туалетной воды, костра, воды, земли. Сжимать его плечи и наслаждаться ощущением, как скользят под еще мокрой рубашкой и каменеют от моих прикосновений мышцы. Соприкасаться пальцами, переплетать их, цепляться кожей за мозоли на его ладонях.

Мне нравится как он утыкается носом в мой висок и судорожно вдыхает. Как зарывается в мои волосы. Как проводит кончиками пальцев по спине, касается бедер, прижимая к себе в танце. Как в его глазах разгорается страсть. Каким хищным становится его лицо. Каким голодным взглядом он смотрит за моим каждым движением.

— О чем вы говорили? — не выдержал он.

— О перспективах наших отношений, — я не упустила шанса его подразнить.

— Их нет, — быстро и резко ответил Дмитрий.

— Это еще почему? — веселящий газ в моей крови не отпускает меня. Мне нравится его провоцировать, нравится, как он бесится.

— Потому что если мужчине нужна женщина, если он ее по настоящему любит, он будет за нее сражаться. А он сразу сдался. И тогда, и сейчас.

— Ну, не он, так другой, — видишь, какая я хорошая девочка, Шумский? Я даже не спорила с тобой, — Я совершенно свободна. Могу выбрать кого угодно.

— Можешь, — согласился он. Молодец, что тоже не споришь, хороший мальчик, — Ты можешь выбрать меня. Или меня. А кроме них, есть еще я. Ты выбирай, выбирай.

С хорошим мальчиком я погорячилась. Но мне смешно. И очень, очень хорошо. Я давно не чувствовала себя настолько легкой, свободной, наполненной энергией. Я сто лет уже так не отрывалась, не радовалась, не смеялась.

— Почему ты еще не переделся? — я провела пальцами по груди этого мистера Дарси на минималках. Он вздрогнул, жестко стиснул меня и наклонился, чтобы поцеловать. Но я уклонилась, останавливая его. Не-не-не. Мне ничего такого не надо. Безобидный флирт и только.

— Да я раз семь пытался дойти номера, почти уже высох. Всегда находится кто-то, кому надо поговорить.

— А от чего образовался этот модный мятый эффект? — я подцепила пальцами рубашку.

— Я ее отжимал, а то после пяти минут разговора я стоял по колено в воде.

— Хотела бы я на это посмотреть, — мне, наверное, в рот попала смешинка. Я все время хихикаю.

— Я могу показать, — с готовностью Дмитрий начал стаскивать с себя рубашку. Дав себе секунду полюбоваться на шикарный разворот плеч и скульптурно вылепленный торс, я продолжила игру.

— Не надо, не надо, — сделала испуганные глаза, с внутренним сожалением натянула рубашку на плечи, попутно наслаждаясь шелком его кожи и железобетонными мускулами. Это не укрылась от него, но от такого внимания он расцветает, — Замерзнешь!

От такого варианта развития событий Дмитрий начинает ржать, а потом наклоняется ко мне и доверительно говорит: — Ну, ты же меня спасешь? В таких случаях, говорят, идеально помогает тепло человеческого тела.

— Я сделаю, что все в моих силах, — отвечаю ему с готовностью. И дождавшись самодовольной улыбки, добавляю, — расскажу всем твоим друзьям, думаю, они не оставят тебя в беде. Кстати, там у бассейна, ты сказал что решил меня соблазнить. Почему я этого не заметила?

Шумский явно терялся от моих переходов в разговоре. По его лицу читалось, что он не понимает о чем я спрашиваю, но потом вспомнил:

— Ну я же стал приглашать тебя проводить время со мной. — То есть когда ты затаскивал меня в бар и там флиртовал со всеми подряд девицами, или звал покататься по городу, а машина опять была набита какими-то левыми девицами, это было то самое

соблазнение?

— Я же показывал тебе, какая у меня классная машина, в какие крутые места у меня есть ход, какой я щедрый, что все девушки от меня в восторге, — он и сам смеялся над тем что было, пока мои брови ползли к кромке волос, — И знаешь что? С другими это работало.

Все хорошее заканчивается и наш танец тоже. Хотя, кажется, это был третий танец подряд, но кто же их считает. Я помахала Шумскому ручкой и свинтила за столик к девочкам, уловив опасный огонек в глазах бывшего мужа. Краем глаза я увидела, как его перехватил очередной желающий пообщаться. Что ж, мне это на руку. Я очень устала танцевать на каблуках, и давно хотела поменять туфли на утренние, на совсем маленьком каблучке, но не хотела пересекаться там с Дмитрием и объяснять, что я просто остановилась в соседнем номере, а не охочусь за его привлекательной тушкой. Воспользовавшись тем, что он сейчас занят, я добралась до домика. Я так гордилась собой, какая я продуманная и предусмотрительная, но когда уже спускалась по лестнице на первый этаж, на полном ходу влетела в Шумского. Он слегка пошатнулся и только крепче стиснул меня:

— Попалась, птичка, — шепнул он на ушко, воскресив такие сладкие воспоминания.

Дмитрий

Я смотрел на свою любимую ведьму и думал, сколько можно надо мной издеваться? Я же не железный. Где она взяла этот разврат вместо того приличного платья, которое было на ней утром? Ну мало того, что оно яркое, она ж среди всех выделяется как красная звезда на елке. Спереди еще было прилично. Но когда она повернулась! Нет, ну должны быть какие ограничения для платьев. Такое надо законодательно запретить. Это же дети могут увидеть. Хотя, конечно, хрен с ними, этими детьми. А вот то, что на это будут смотреть мужики, меня совсем не устраивало. Не, ну мало того, что там такой вырез, что начинаешь сомневаться есть ли на ней лифчик. Так еще от этого выреза до самого конца юбки молния, чтобы точно можно было это проверить, есть у нее белье или нет. Я посмотрел на зал ресторана, пытаюсь понять, сколько мужчин сейчас мечтают потянуть застежку вниз, наблюдая как открывается ее гладкая кожа, линия позвоночника, крутой изгиб бедер, который так хочется сжать. Ну, как я и думал, примерно все.

Я подошел, чтобы выяснить, для какого смертничка она так нарядилась. Но вместо ответа Лена прижалась ко мне так, что у меня сгорели на хрен все предохранители. Это чертово искушение плавилось в моих руках. Я сжимал ее такую мягкую, и дико хотел чувствовать эту податливость всем телом. Ее запах был настолько сладкий и возбуждающий, что просто зудело слизать его с кожи

Где-то на задворках головы билась мысль, что мы вообще-то в общественном месте, но тело меня предало. Видимо, Лена почувствовала это своей аппетитной пятой точкой, потому что она отпрыгнула от меня как кузнечик и пропищала:

— Настю потеряла, и остальных девочек тоже.

А я понял, что нам надо куда-то где темно, чтоб не смущать людей своей великолепной физической формой. Я бы, конечно, предпочел ближайшую подсобку и продолжил бы ее там тискать. Но судя потому, как она от меня шарахнулась, еще рано.

И мы пошли к нашим одноклассникам. Тогда это казалось хорошей идеей. Пока один долбоящер не промычал:

— Лен, а ты совсем бросила церковь.

С этим гиббоном мы устраивали гонки на окружной трассе, забирались на крышу нашей администрации (это было очень тупо, там вообще делать нечего), бегали голышом на зимней рыбалке, но вспомнить он решил про Лену. Мой многообещающий взгляд этот петух оципаный увидел слишком поздно. Что ж, я еще верну ему слова в горло с помощью всех подручных средств, но в этот момент надо было решить совсем другую проблему.

Как я и подозревал, Леночка отнеслась к этой новости без энтузиазма. И опыт мне подсказал, что мне это еще припомнят и мстить будут долго. А ведь у нас уже началось что-то налаживаться.

А еще я решил, что никогда не буду бить своих детей. Все-таки физическое воздействие — это очень неправильно. Все же можно объяснить словами.

Вот смогли же мы спокойно поговорить у бассейна. Я, правда, попытался при этом рассмотреть ее трусики, но, оказалось, что ее юбка не такая уж короткая, как я думал сначала.

Я решил дать Лене время успокоиться. А сам вернулся на поле битвы объяснить всем,

что я все еще лучший. Особенно некоторым дятлам, чтоб они свой клюв заклеивали в моем присутствии.

Но оказалось, что мою любимую ведьму нельзя оставлять даже не надолго. Рядом начинают тереться личности, которым судьба уже не раз давала знаки, что надо отвалить и успокоиться. И Васе еще повезло, что он сразу ушел. Очень хотелось культияпки ему поправить, чтобы помнил, что ими можно трогать, а что нет. Не пошел за ним только по одной причине. Я уже четко уяснил, что эту сладкую ведьму оставлять одну нельзя, а то список кровников вырастет до бесконечности. Неужели так незаметно, что эта женщина моя? На мой взгляд, совершенно очевидный факт, придурки.

Сестра любит умничать, что танец вертикальное выражение горизонтальных желаний. Я понял насколько это правда, когда мы начали танцевать. В танце она отзывалась на каждое мое движение. Мы стремились соединиться как капли ртути. Каждый наш жест был как жаркое обещание.

Что мы при этом говорили, было не важно. Для меня было важно как она реагирует на мои прикосновения. Как плывет ее взгляд, когда я кладу ей руку на талию. Как вспыхивают румянец, когда мы сталкиваемся в танце. Как она прикусывает губу, когда царапает мне кожу своими ногтями. И мне жизненно необходимо, чтобы она повторила это все, только в постели.

Она может злиться, может бояться. Но я по глазам видел, что она все понимает. Нет у нее никакого выбора, и у меня нет. Выбор бывает, когда ищешь, а мы уже все нашли. Я не совершил самой большой ошибки. Сейчас еще все можно исправить.

Но стоило мне только отвернуться, она опять куда-то сбежала. Наивная. Никуда она от меня не скроется. Это судьба. Точнее, я ее судьба. И я пошел переодеться, чтобы найти эту козу и больше не отпускать.

Но... Я был прав. Куда бы мы не пошли, мы все равно придем друг к другу. Поэтому сейчас я держу ее в своих руках, прижимаю к себе всем телом. Такую горячую, такую дерзкую, такую сладкую. Мы смотрим в глаза и я говорю ей то, что сказал много лет назад:

— Попалась, птичка.

Мы продолжали стоять на лестнице, забыв о том, что куда-то торопились. Я, не задумываясь о том, что делаю, легко проводила пальцами по его скулам, носу, контуру губ. Гладила его по коже, накалываясь на щетину, только мне это почему-то безумно нравилось. А Дмитрий крепко обнимал меня, прижимая к себе за талию, и улыбался как Чеширский кот. Его руки жгли меня через одежду, рассылая по всему телу крошечные электрические заряды, которые сталкивались с пузырьками веселящего газа в моей крови и рождали томление, жажду его прикосновений и поцелуев. Особенно поцелуев. И я уверена, он специально произнес те слова, чтобы напомнить про наш первый поцелуй.

Это было в конце третьего курса. У нас был последний экзамен. По социологии. Предмет, который я ненавидела искренне и всей душой. Я не понимала тех, кто жалуется, что юриспруденция сухая и скучная наука. Для меня почти любая норма расцветала жизненными историями. По видимому, чтобы мне стало легче понять чувства других, судьба отомстила мне социологией. Я старалась, я готовилась, я писала доклады и рефераты, чтобы хоть как-то получить оценку. Но стоило мне выйти из аудитории, то как будто люди в черном щелкали мне в глаза своим фонариком, память становилась как чистый лист. Подготовка к экзамену была с тем же результатом.

Поэтому в день экзамена я была в состоянии паники и истерики. Ну как же, я, отличница, сейчас получу двойку, не справлюсь с пересдачей и вылечу из института. И все из-за непонятно на какой хрен нам навязанной социологии.

Пользуясь почти абсолютной безлюдностью, почти все группы уже сдали экзамены, а преподаватели разбежались по отпускам, я убежала на самую верхнюю лестничную площадку и всласть порыдала на тему моей загубленной жизни. Правда, потом спохватилась, что потеряла счет времени и побежала вниз, на полном ходу влетев в Шумского.

Он пошатнулся, одной рукой схватился за перилами, а второй заграбастал меня, не дав мне свалиться вниз. Вот кто был невозмутим, спокоен и в прекрасном расположении духа.

— Попалась, птичка, — ухмыльнулся он. Правда, сразу заметил мое состояние, — Ты чего страдаешь? Что случилось?

— Я не сдам, — простонала я и уткнулась в его рубашку.

— Это такой анекдот? — заржал он, — если ты не сдашь, значит вообще никто не сдаст.

— Ты не понимаешь, — я усилием воли оторвала свое зареванное лицо от его груди и слегка стукнула его по плечу, — я ничего не могу запомнить. Вообще ничего. Я полный ноль.

Расписывать дальнейшую цепочку, как я вылечу из института, смогу работать только дворником и умру от голода под забором, я не стала. Этот любимчик богов меня не поймет.

— Ты просто нервничаешь, — заявил этот мастер эмпатии, — тебе надо успокоиться и расслабиться. Отвлекись. Я знаю одну очень хорошую методику. Показать?

Не то чтобы я верила, что она мне поможет. Но во первых, он-то был абсолютно спокоен, а во вторых, ну, как-то неудобно отказываться от помощи. Сразу возникает вопрос, так ли тебе было плохо? Поэтому я кивнула.

— Закрой глаза и глубоко дыши, — скомандовал мой лучший друг и тайная любовь.

А потом поцеловал.

Он меня поцеловал! Нежно и сладко. По настоящему. Это было не случайное мимолетное прикосновение губ. О нет! Это был поцелуй, который выбил все мысли из моей головы, от которого я забыла где я, кто я, на каком свете нахожусь. А когда он закончился, я поняла, что вместо того, чтобы возмутиться, или залепить пощечину, или что еще делают в таких случаях, я вообще-то целовала его в ответ.

— Видишь, ты уже и забыла думать про экзамен. А теперь иди. У тебя все будет хорошо, — сказал этот... этот... бессовестный и убежал.

«Я, конечно, его люблю, но какая же он феерическая скотина», — подумала я, быстренько привела себя в туалет в порядок и пошла сдаваться преподавателю. Я смутно помню, как взяла билет, как пыталась вчитаться и понять смысл вопросов. Меня переполняла эйфория. Ну и пусть для него это только шутка, о которой он завтра не вспомнит. Ну и пусть для него этого ничего не значит. Зато для меня это лучший день в жизни. Мой любимый меня поцеловал! Это было прекрасно! Великолепно! Божественно! Нет ничего хуже, когда фантазируешь, фантазируешь о каком-то мальчике, а потом не знаешь, куда деть руки и как перетерпеть этот слюнявый поцелуй. Шумский не разочаровал меня ни на йоту. Социология? Какая социология? Мне срочно надо домой, чтобы визжать от радости в подушку и прыгать на кровати. В голове радужные единороги ловили на свой рог розовые сердечки, в которые превратились мои мысли.

— Шумская, иди отвечать, — позвал меня преподаватель.

Я бросила взгляд на часы, испугавшись, что промечтала все отведенное на подготовку время. Но нет, прошло только пять минут. Совершенно растерянная, я сказала несколько вступительных фраз, судорожно вспоминая, что мы разбирали по этим вопросам на уроках, когда преподаватель сказала переходить мне ко второму вопросу. С ним повторилась та же история. Полностью дезориентированная, я смотрела, как она выводит пятерку в зачетке. Я не могла поверить, что это происходит, и спросила:

— Но почему?

— Я же помню, как вы старались на занятиях. Да и когда студент с таким счастьем смотрит в билет, понятно, что готов. Зачем тогда нам время терять? — подмигнула она в ответ. Я могла только улыбаться во все тридцать два зуба. Однозначно, сегодня мой самый счастливый день.

Когда я вышла из аудитории, я нашла взглядом Шумского, и жестом показала ему идти за мной. Уведя его на лестничную площадку, я обратилась к нему с совершенно невинным видом:

— Ты знаешь твой метод мне так помог. Сдала все за пять минут.

Шумский попытался что-то сказать, типа он так и думал. Но я сразу перебила его:

— Я решила тоже тебе помочь, — и, ухватившись за его рубашку, поцеловала его сама.

Я планировала свести все к шутке, как будто я ему отомстила. Не буду же я признаваться даже самой себе, что до безумия хотела поцеловаться с ним еще раз. А потом с независимым видом убежать. Впереди каникулы, через два месяца все забудется.

А-ха-ха! Переиграть Шумского на его поле? Какая же я была наивная. Через долю секунды меня сгребли в объятия, прижали к стене, и стали целовать так, что прошлый поцелуй показался детским садом. Горячо, властно, неотвратимо. Я цеплялась за него, как

моряк за спасательный круг, чтобы меня не смело этим штормом. Я мечтала, чтобы этот поцелуй никогда не заканчивался.

Но нас прервал удивленный голос:

— Молодые люди, а что вы тут делаете? — декан смотрел с искренним интересом.

— Экзамены сдаем, — открыто улыбаясь ответил Шумский.

— Аааа. Кто бы мог подумать. И как? — декан продолжал сверлить нас взглядом.

— Успешно, — пискнула я. А потом подумала, что наши ответы звучат очень двусмысленно и залилась краской.

— Скоро моя очередь, — одновременно со мной сказал Дима.

— Ну тогда вам, наверное, пора домой, — кивнул он мне, а потом перевел взгляд на Шумского, — а вам к аудитории.

Я рванула к выходу к заяц, сама не своя от стыда. Но Димка успел мне крикнуть, чтобы я подождала внизу. Пять минут я провела в жутких метаниях от эйфории, что я, кажется, нравлюсь Шумскому, до полной паники, что он все понял о моих чувствах, и влюбленная дурочка ему будет не нужна. И когда я была уже готова развернуться и уйти, он подошел ко мне, взял за руку и повел к своей машине.

Мы поехали в парк, безумно целуясь на каждом красном светофоре, забывая обо всем, пока в уши не врывалась какофония сигналящих машин. В парке мы прилипли к друг другу и не могли оторваться, все время целуясь, обнимаясь и прикасаясь друг другу.

Я спросила, как он смог так быстро освободиться. На что Шумский, смеясь, ответил, что всегда надо говорить правду. Он взял билет, сразу сел отвечать и сказал преподавательнице, что девушка, в которую он давно влюблен, дала понять, что он тоже нравится. И если она сейчас уйдет, то пойдет куда-нибудь отмечать окончание сессии, там обязательно познакомится с другим парнем, и он потеряет единственный шанс. Преподавательница пожалела его, задала пару незначительных вопросов, спросила, согласен ли он на четверку и, вуаля, для него сессия тоже закончена, и он весь мой.

А ведь я ему тогда не поверила.

Я решила, что он все придумал. Отшутился сейчас, но так, чтобы произвести на меня впечатление. Либо преподавателя развел на сочувствие, чтобы с экзамена слинять. Вот только в свете всех сегодняшних откровений, получается, что он говорил правду. А я, из-за своей неуверенности, просто не видела очевидные вещи.

Мы молча смотрели в глаза друг. Я продолжала гладить его по лицу, зарывалась пальцами в волосы, а он уверенно обнимал меня, не предпринимая больше ничего. Вот только взгляд хищника, который ходит вокруг жертвы кругами, выжидая удобный момент, но никогда свою добычу не отпустит, выдавал его с головой. А мне и не хотелось сбегать.

Я сама наклонилась к нему и прикоснулась к его губам, почувствовав как он вздрогнул. Я понять не могла свою смелость или безрассудность, но я продолжала его целовать мягко и легко. Чуть касаясь сухими губами. Слегка проводя языком по его губам. Как будто я иду вроде и по родному дому, но с завязанными глазами. Все должно быть знакомо, но на самом деле каждый шаг в неизвестность. Дима боялся меня спугнуть, но я чувствовала каждый его прерывистый вздох, как он чуть сильнее стискивает меня своими сильными руками, как тянется за мной, когда я отстраняюсь.

И все же он не смог удержаться. Он стал целовать меня, разгораясь все сильнее. Обнимал меня одной рукой за талию, а второй, запутавшись в моих волосах, не давал отстраниться ни на миллиметр. Смешной. Мне самой нужны было быть к нему, как можно ближе. Чтобы я могла всем телом чувствовать, что он не глупая фантазия, а живой, настоящий, горячий, твердый, мой. Чтобы его запах окутывал меня, заполнял всю меня до кончиков волос, смешивался с моим, превращался в запах сладкого желания.

Наши поцелуи становились все глубже и все... неторопливее. Как бы странно это не звучало. Хотелось прочувствовать каждый до самого доньшка. Хотелось наслаждаться вкусом друг друга, каждым движением губ и языка. Мы хотели получить все до последней капельки, ничего не потерять, не пропустить. И это ничуть не гасило страсть. Она набирала обороты как лесной пожар. Медленно и неотвратно. Как огонь от маленькой горящей веточки охватывает куст, деревья рядом, и вот уже стихия сметает все на своем пути. И кажется, что огонь ползет так медленно, что ты все контролируешь и, если что, успеешь убежать. Но нет. Ты уже ничего не можешь сделать. Так и у нас притяжение переросло в желание, а потом огненной лавой по венам разлилась безумная страсть, и уже не мы решали, что будет дальше. Он покрывал поцелуями мои губы, щеки, глаза, шею. Зацеловывал каждый миллиметр кожи и все время шептал: — Я люблю тебя. Я так тебя люблю.

Когда мы смогли оторваться друг от друга, я увидела в его глазах темное торжество. А потом в одну секунду он закинул меня на плечо и понес наверх. Я успела только взвизгнуть и шлепнуть его по ниже спины.

Через несколько секунд с меня стащили туфли, поставили на кровать, а потом развернули к себе спиной. Дима стал прокладывать дорожку из поцелуев вдоль позвоночника, медленно расстегивая на мне платье. Обводил языком по контуру белья, покрывал тело остро-нежными укусами, рассылая по всей коже сладкую дрожь, которая только подбрасывала дровишек в наш пожар.

— Как же я мечтал об этом весь день, — прохрипел он. В его голосе было столько голода, что как бы мне не было приятно, я не удержалась и развернулась к нему. Я хотела

видеть его лицо, его глаза.

Тяжело дыша, как будто он пробежал марафонскую дистанцию, он пытался расстегнуть манжеты на рубашке, но так при этом его глаза, не отрываясь, жадно шарили по моему телу, по груди, животу, бедрам, пальчикам ног, он скорее вырывал пуговицы «с мясом». Я опустилась на кровати на колени и попросила: — Я хочу сама.

Облизнув губы от открывавшейся мне картины, я любовалась на его идеальное скульптурно вылепленное тело, прорисованные мышцы, кубики пресса. Я посмотрела ему в глаза вовсе не спокойно и невинно, я безумно его хотела. Между нами было такое напряжение, что мне казалось, что я слышу потрескивание электрических разрядов.

Не разрывая нить взгляда, я очень, очень медленно стала расстегивать пуговичку за пуговичкой. Это было мучительно и мне, и ему. И мне это очень нравилось. Я также медленно начала стаскивать рубашку с плеч, попутно лаская его кожу, ощущая напряжение каждой мышцы, глядя его по груди, обводя пальцами кубики на животе.

Когда рубашка упала на пол, я опустила руки на пряжку его ремня, слегка пройдясь ногтями по его животу, отчего он зашипел что-то неприличное и зажигающее. Это предвкушение, обещание дальнейшего удовольствия были прекрасны сами по себе. Но терпение никогда не было сильной стороной Шумского. Поэтому через секунду брюки тоже оказались на полу, а смеющаяся я на кровати, придавленная всем этим великолепным телом моего бывшего мужа.

Это было какое-то непрекращающееся безумие. Мне нужно было прикасаться к нему, целовать, чувствовать его всей кожей вопреки всем доводам рассудка, принципам, опыту и чему бы то ни было. Я просто знала, что жизнь всегда будет неполной, если я сейчас остановлюсь и уйду. Такую жажду, наверное, испытывают наркоманы, когда готовы отдать все за дозу, а мне была нужна моя доза любви.

Мне было жизненно необходимо жадно его целовать, зарываться в его волосы, подставлять шею, грудь, живот под поцелуи, царапать ему спину, наслаждаться, как он рисует языком узоры на моей коже, вдыхать его запах, и сравнивать какой он разный на руках, животе, спине, млеть от того, как его руки жестко могут стискивать мои бедра и нежно ласкать мою грудь, задыхаться от тяжести его тела, слизывать пот и прикусывать кожу, оставляя свои метки.

Меня то заполняло темное жгучее удовольствие от того, как он наматывает мои волосы на кулак, и я прогибаюсь как натянутый лук. То было невыносимо сладко ощущать себя маленькой и хрупкой в его больших руках, таким нежным цветочком, чувствительным к самому легкому прикосновению пальцев, к даже просто к дыханию, которое нежным ветром скользило по моей коже и будило новую истому, хотя казалось я уже достигла пика удовольствия.

Во мне то просыпалась развратная эгоистичная стерва, собирающая все сливки наслаждения, то ее хитро сбивала с пути истинного покорная рабыня, желающая только служить своему господину. Я вела себя как гулящая мартовская кошка, и у мужчины рядом не было шанса остаться равнодушным к этому призыву.

Нас окружала музыка из наших стонов, вскриков, бессвязных признаний:

— Я умру, если ты не сделаешь этого.

— Ты — моя жизнь.

Я признавалась ему в любви и тут же клялась, что ненавижу его. Он называл меня то богиней, то ведьмой. И я верила всему, что он говорит, и не верила одновременно.

Но я видела, что он не может оторваться от меня также, как я от него. Притягиваясь как магнит, стоит мне отстраниться хоть ненадолго. Ловя каждый мой взгляд, каждый жест, воплощая все мои фантазии, исполняя все желания.

Это была невероятная ночь. Никогда я не проживала такое здесь и сейчас. Я наслаждалась каждую минуту, каждую секунду. Я не знала, что могу чувствовать так остро, так сильно. И мне не нужны были слова, чтобы разделить это на двоих, потому что я видела то неверящий самому себе, то торжествующий и собственнический, то голодный и хищный, то дикий от испытываемого удовольствия, то полный восхищения, но всегда направленный на меня, мужской взгляд.

Как будто судьба решила, что задолжала нам, и сегодня решила отсыпать счастья сверх обычного. А мы, в кои-то веки, решили не спорить с ней, не сомневаться достойны или нет, не бояться, что с нас за это что-то спросят, а взять все, что дают. Я бы предпочла умереть от удовольствия этой ночью, но не отказалась бы ни от чего.

Потом мы полусидя-полулежа валялись в кровати оглушенные теми чувствами, которые бушевали безумным ураганом, а потом перемололи, пережевали и выбросили нас на берег совершенно без сил. Дима не выпускал меня из рук, иногда начиная хаотично зацеловывать

мне лицо, волосы, глаза, губы. И обнимал еще крепче, когда по моему телу легкой волной проносились отголоски прошедших удовольствий, вызывавших дрожь и желание прижаться к любимому как можно ближе.

В окне к нам заглядывали разноцветные фонарики. Они отражались теплой разноцветной мешаниной на наших телах, словно укрывая волшебным невесомым покрывалом и делая нашу встречу совсем сказочной. Если бы я могла выбирать последнюю ночь в жизни, я бы хотела, чтобы она была именно такой.

Но всегда, даже после самой сказочной ночи, приходит безжалостное утро повседневности.

Я проснулась от того, что в открытое окно врвался лесной шум. Я слышала, как стучал дятел, как прокуковала кукушка, кажется сражались воробьи и раздавались другие непонятные городскому жителю звуки.

Сон все больше отступал, и я поняла, что вообще-то замерзла. В средней полосе даже летом ночи прохладные. Но когда ты просыпаешься в такое свежее утро, а из одежды на тебе только... ничего, то горячее мужское тело под боком помогает скрасить все несовершенство этого мира. Дима обнимал меня со спины и прижимал к себе своей лапищей.

Я позволила себе понежиться, помечтать, порадоваться. Просто лежать и слушать его дыхание, гладить его пальцы, переплетать их со своими, чувствовать мозоли на руках и гадать откуда они у офисного работника, которой ничего тяжелее ручки держать не должен. Вспоминать, что мы вытворяли прошлой ночью и чувствовать сладкую боль в мышцах. Но холодной ветерок выдувал из моей головы розовый туман, оставляя только здравый смысл и жизненный опыт.

Ночь была безумием, когда я не задумывалась о последствиях. А сейчас рассветные лучи написали просто метровыми буквами вопрос «Что дальше?». И мне не нравился ответ. Я перебирала вариант за вариантом, и не находила решение, где бы счастливы были мы оба.

Он не бросит работу со своими миллионными доходами. В нашем городе ничего близкого по уровню нет. Я не хочу отказываться от того, чего добилась и начинать с нуля. В двадцать лет ты думаешь, что для счастья нужна только любовь, а когда тебе почти тридцать такое не прокатывает. И если я хочу жить долго и счастливо, мне нужно вовремя платить кредит за машину, посещать косметолога и не экономить на продуктах. Я с большим трудом выбралась из нищеты и не хочу рисковать всем, что имею.

Ночь была прекрасной. Я не хочу портить ее разборками, обвинениями, претензиями, или, что еще хуже, взаимной неловкостью, равнодушием, нарочитым оптимизмом, заверениями, что все отлично, а будет еще лучше, и затем долгим бессмысленным ожиданием звонка. Не хочу проверять какой из этих вариантов наш. Это была идеальная точка нашей истории. Мне пора выбираться из этой сладкой ловушки.

Я попыталась аккуратно вылезти из под руки Дмитрия, чтобы не разбудить его. Когда мне почти это удалось, он что-то невнятно пробормотал и подгрел меня к себе поближе. Я подождала, пока у него восстановится дыхание, и сделала вторую попытку. Которая тоже закончилась неудачей. Дурой я не была, и третий провал доказал мне, что надо мной изощренно издеваются.

Прослушав мой негодующий спич о притворщиках, манипуляторах и бессовестных негодях, Шумский перестал изображать спящего, расхохотался, и, подмяв под себя, начал целовать, явно намереваясь продолжить ночные безобразия.

Это было такое искушение повторить все еще раз. Вот только... Ночь — время инстинктов и желаний, хмельного угара то ли от вина, то ли от страсти, который сшибает все тормоза. Но сейчас, белым днем, ни на что ответственность не спихнешь. Есть только мой выбор: да или нет. И я сказала:

— Нет.

— Почему? — Шумский замер надо мной почти в идеальной планке. Я мысленно застонала, облизывая взглядом его божественную фигуру. Как же я хотела... О Господи,

какой у меня был длинный список, чтобы я с ним хотела сделать!

Но, если нужно порвать с зависимостью, главное не идти на компромиссы. Даже самые маленькие. Поэтому я слабо улыбнулась: — Я хочу в душ.

— А потом? — с предвкушением протянул он в ответ.

— А потом ты хочешь в душ, — подсказала я ему.

— А что нам мешает... — он лизнул мою нижнюю губу и самым бесчеловечным образом поцеловал так, что во мне взорвалась петарда с развратными желаниями. Он, наверное, вырабатывает какой-то природный афродизиак. Это же ненормально так желать мужчину. Бежать! Срочно бежать! Я не смогу ему долго сопротивляться.

— То, что этот душ даже мне узок в бедрах, — отрезала я.

Как только он сменил меня в душе, успев чмокнуть в нос, я мгновенно оделась. У меня не было вещей, которые надо собирать. Не считать же то, что я подобрала платье с туфлями за великие сборы? Схватила сумку с ноутбуком и выскользнула из коттеджа.

Стоянка была полупустая, народ потихоньку разъезжался. Я радовалась, конечно, радовалась, что смогла улизнуть без скандалов и выяснений отношений, хвалила себя за то, как хорошо отдохнула, гордилась собой, потому что я поступила мудро и продумано, понимая все последствия, и утешала маленькую девочку, которая рыдала в дальнем уголке души. Ну, потому что все. Конец. Сказка закончилась.

Но когда я притормозила перед шлагбаумом на выезде с территории отеля. сначала открылась задняя дверь машины и на сиденье забросили сумку с вещами. Мгновением позже на переднее сиденье рухнул Шумский. Без привычного костюма, в джинсах. футболке, просто неприлично подчеркивающей его фигуру, и очках-авиаторах. Как ни в чем не бывало, он сказал:

— Лен, подбрось меня до города. А то мы вчера так хорошо встречу с ребятами отметили, я боюсь, что если меня остановят гаишники, я буду проходить у них под кодовым названием «месячная премия».

Я смотрела на Дмитрия, кусая губы. Я должна была что-то сказать в ответ, но в голове была абсолютная пустота. Отказаться? А почему? Вот как ему объяснить, почему я не могу подвезти? А действительно почему? Он не сделал мне ничего плохого, никак не обидел, не просит чего-то сложного. Проблема в том, что мне стыдно за попытку тайком сбежать, и признаться в этом еще сложнее, чем отказать.

— Лен, поехали. Там люди ждут, — махнул он рукой на пару машин, терпеливо ждущих за нами. И так как я не смогла ничего придумать, то вырулила на трассу.

Несколько минут мы молчали, Шумский уже настроил кресло под себя и развалился на нем как кот-аристократ, всем своим видом демонстрируя свою вальяжную неотразимость, а затем обронил:

— А еще говорят, что женщины долго собираются. Врут.

Я смущенно улыбнулась, чувствуя все большую неловкость. Напряжение все нарастало и скоро стало таким плотным, что воздух между нами можно было резать ножом. Как всегда, Дима не выдержал первым:

— Объясни мне, что случилось? Крокодил вылез из туалета и наговорил про меня гадостей? За время моего нахождения тебя посетило десяток моих бывших, рассказавших страшные тайны? Я, даже, как взрослый самокритичный человек, допускаю, что сделал этой ночью что-то не так. Но я не понимаю, почему нельзя мне было об этом сказать? Почему надо обязательно сбежать?

— Потому что я хотела избежать как раз этого, — буркнула я.

— Чего этого? — раздраженно переспросил бывший муж.

Я только мрачно зыркнула на него. А потом до меня стал доходить весь абсурд нашей ситуации. Сейчас беззаботный раздолбай Шумский обвиняет меня в инфантилизме. И что хуже всего, он абсолютно прав. Если бы он тайком свинтил с утра, это был бы такой удар по моей гордости, который я бы никогда не простила. Поэтому пора брать себя в руки и вести как взрослый человек.

— Прости. Я не должна была так поступать. Уйти, не попрощавшись, было слишком. Я не знаю, о чем ты подумал, но... Этой ночью все было прекрасно. И мне было очень тяжело, что все должно закончиться, — смогла выдохнуть я.

— Лена, с тобой я вообще не понимаю, что думать. С тобой я уже не понимаю мальчик я или девочка? — и глядя на мой недоумевающий взгляд, добавил, — А кто в паре обычно бежит за другим, потому что нужно серьезно поговорить, а? А? Почему у нас это делаю я?

Я пожала плечами:

— Это что еще за сексизм?

— Не уводи разговор в сторону. С чего ты взяла, что у нас все закончилось? — Шумский не сдавался, — Ты сама все видела. Мы созданы друг для друга. Мы должны быть вместе.

Что ж, придется повторить ему все мои утренние размышления.

— Как ты себе это представляешь? Мы живем в разных городах. Давай рассмотрим самый невероятный вариант. Ты вернешься в родной город? Можешь даже не отвечать. Ужас в твоих глазах сделал это за тебя. Значит мне надо переехать к тебе. Допустим, ты сможешь найти мне работу в своей коллегии или в другой. Ты знаешь сколько в среднем занимает решение всех вопросов с переводом? Моя знакомая переехала к жить к теплому

морюшку, у нее ушел почти год! Что я буду делать этот год?

Дима дернулся что-то сказать, но я остановила его взмахом руки.

— Нет, я не сомневаюсь, что ты готов меня содержать и помогать всяким образом. Но! Во-первых, я люблю свою работу, очень люблю. И я не хочу заниматься год неизвестно чем. А совмещать другую работу с адвокатской деятельностью, как ты сам знаешь, нельзя. Я не хочу терять навыков. Год без практики — это очень сильный регресс. А во-вторых, мне придется начинать с нуля. Знакомиться со всеми судьями, зарабатывать репутацию, искать клиентов. И у многих из них будет вопрос, а что я делала все эти годы? И ко всему прочему, мне придется делать это среди огромной конкуренции. Это все-таки Москва. И вот знаешь далеко не факт, что я смогу выделиться на фоне, чтобы произвести впечатление и добиться успеха. То есть я разрушу все, чего достигла здесь, все потеряю, но может быть ничего не добьюсь там. И что будет со мной, если я пройду через всего это, а у нас с тобой ничего не получится?

— Да почему не получится-то? — Шумский просто взорвался, — Сколько ты будешь отрицать очевидное? Мы счастливы, когда мы вместе. Почему ты так легко от этого отказываешься?

— Потому что... — я постучала пальцами по рулю, — потому что... Потому что у нас с тобой один раз уже ничего не получилось.

— погоди, если бы не Вита... — он начал возражать, но я его перебила.

— Это не важно. Вита, Хренита. Не важно кто, не важно что. В жизни всегда что-то случается. Было бы здорово, конечно, если убил дракона и все! И жили они долго и счастливо. Но семья — это подвиг каждый день. Болезни, командировки, дети. И какие бы чудесные не были ночи, но все проблемы приходится решать днем. А мы не смогли. Не смогли быть честными, не смогли поговорить, да и все остальное, — горло сдавило спазмом. До сих пор мне невыносимо об этом говорить. Я несколько раз глубоко вздохнула и продолжила, — Если мы не справились, когда были безумно влюблены друг в друга, то нет никакой гарантии, что справимся сейчас.

Уставившись в одну точку, Шумский долго о чем-то размышлял. Я не мешала. Ему надо просто это принять. Но вдруг он выдал:

— Хорошо. А если мы с тобой попробуем начать, живя пока каждый у себя. Мы можем встречаться по выходным. В конце концов, до Москвы здесь два часа.

Я грустно улыбнулась. И об этом я думала утром.

— Давай откровенно. Это только добавит нам проблем, когда вместо отдыха, мы будем мотаться в другой город. Но не даст никаких гарантий, что потом все будет хорошо.

— Зато мы поймем, стоит бороться за наши чувства или нет, — Дима не сдавался, — Я просто тебя не узнаю. Ты же всегда говорила, что лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и сожалеть. А теперь ты сразу сдаешься. Ты же даже не ищешь решения. Ты только поводы перебираешь, чтобы отказаться.

— Потому что я не хочу опять собирать себя по кусочкам. Я не уверена, что смогу пережить это еще раз, — вырвалась самая главная причина моих сомнений.

Я почти сразу пожалела, о том, что сказала. Это делало меня такой уязвимой. Сразу ведь понятно какой жалкой и растоптанной я была. Я бросила взгляд на Диму, боясь увидеть раздражение или снисходительность, или отвращение, или, даже, жалость. Но нет. Он был

предельно серьезен. Он пристально смотрел на меня поверх своих авиаторов, закусив губу и скрестив руки на груди. Я видела по его глазам, что он все равно продолжает перебирать варианты и искать выход. А потом он сказал:

— Один день.

— Дай нам один день. Один шанс, — продолжал Шумский.

— О чем ты? — я не могла понять его до конца.

— Давай проведем вместе один день. Ты сказала, мы не справились, нам чего-то не хватило. Так давай это исправим. Ты скажешь, что не нравилось тебе, я скажу чего хотел я. И мы попробуем по другому, не так как раньше. И если ничего не получится, то значит так тому и быть. Разойдемся. Это... — он отвернулся, и какое-то время молчал, смотря в окно, — Так бывает. Не все мечты сбываются. Но если ты поймешь, что мы изменились, и вместе нам лучше, чем поодиночке, то дашь нам шанс.

Не смотря на весь разговор и выяснение отношений, это предложение было как удар под дых. Оно сбilo меня с ног, и я больше не чувствовала твердую почву своей правоты под ногами.

Мы изменились. Ну, я точно. А он? Он много чего добился, сделал хорошую карьеру. Да и потому как он ведет со мной, я вижу, что он стал целеустремленным, упорным, пробивным. Он больше не тот беззаботный мажор, который предпочитал все решать на чистом обаянии, не прикладывая усилий. Что еще в нем изменилось? Я хочу это узнать?

Я периодически бросала на него взгляд и любовалась строгим профилем, легкой морщинкой между бровей, красиво очерченными губами, четкими скулами. Я сравнивала его с тем, каким он был пять лет назад. Малоознакомый с ним человек, наверное, не найдет отличий.

А я вижу их. Они пока больше проявляются в жестах, в мимике. Как он сжимает губы, как резко поворачивает голову, как снисходительно может смотреть. Но потихоньку они накладывают свой отпечаток. Поэтому говорят, что в старости у нас такое лицо, которое мы заслужили. Вся наша жизнь, все привычки и манеры прописываются на нашем лице и показывают какие мы. И я пыталась понять, нравится ли мне тот человек, которым становится Шумский?

Иногда мы встречаемся взглядами, и я видела там вопрос: — Что ты решила? Ну скажи что-нибудь!

Сердце даже заныло в груди. Я вцепилась в руль так, что пальцам стало больно.

— Я... Я думаю... Ты понимаешь... — мысли бешеными зайцами устроили гонку в моей голове, перепрыгивая с одного на другое. Я действительно не знала, как поступить и что лучше. Мне есть чего бояться. Но и он прав. Отказываться от жизни из-за страха не лучший выбор. Мне, может быть и не будет, больно, но это не значит, что я буду счастлива, — Ну можно как-нибудь попробовать...

— Сегодня, — перебил меня Дима.

— Я не могу сегодня. У меня куча дел. Мне надо в сервис, и к маме за чемоданом, и купальник купить. Вещи надо собрать в дорогу. Слушай, все очень скучное. Мы не сможем нормально пообщаться. Давай я вернусь из отпуска и мы выберем день.

— Сегодня, — бывший муж был неумолим, — Ты мне должна за утренний побег.

— А ты... манипулятор, — буркнула я.

— Я это называю успешный адвокат, — хмыкнула эта наглая морда, — И кстати, дела это прекрасно. Дела это то, с чем справляются вместе. Ты же про это говорила, да? Рутинка, быт, прочие удовольствия.

Я сопела как злобный ежик, но не могла придумать, что возразить. Меня переиграли в сухую. Я уже согласилась, только не поняла как.

— А зачем тебе в сервис? — он умел не отвлекаться от генеральной линии.

— Да в машине кое-что поменять надо перед дальней дорогой. Я к Лерчику хочу на машине поехать, мы с ней еще по окрестностям планируем покататься. В бардачке посмотри, там есть распечатка.

Шумский внимательно изучил бумаги, а потом неожиданно сказал:

— Давай туда сейчас заедем.

— Мне к двум часам, — начала объяснять я, но Дима не дослушал.

— Нам все равно по дороге.

Мы уже въехали в город и, остановившись на светофоре, я сделала последнюю попытку вернуть свою жизнь в нормальное русло:

— А давай я тебя сначала отвезу, чтоб ты решил свои дела? А я в это время займусь своими. Говори куда.

Шумский ехидно посмотрел на меня и продиктовал адрес. Я уставилась на него, сначала не поверив своим ушам, а потом с подозрением спросила:

— И какие дела у тебя в моем доме?

— Мне надо вернуть бывшую жену, — подмигнул он мне и потянулся, как сытый котяра. А потом, как-будто не замечая моего нарастающего гнева, добавил, — Лена, поехали, у нас же зеленый.

Я решила, что найду, как ему отомстить за все, а пока мы поехали в сервис.

А когда подъехали к автомастерской, и я уже начала отстегивать ремень безопасности, Шумский почему-то передумал на счет того, чтобы делать все вместе, и сказал:

— Посиди-ка в машине, зайка. Там дел-то на пять минут.

Забрал распечатку со списком работ и ушел. Зато когда вернулся, сомнений кто из схватки вышел победителем не было. Думаю, людям все-таки очень не хватает хвоста. С ним можно было бы гораздо нагляднее показать, кто тут самый самый смелый и сильный, и просто красавчик. Вот держишь хвост трубой, распушаешь его по полной, и никто такой знак не пропустит. А самодовольный взгляд и наглую улыбку не все могут прочитать правильно.

— Можем ехать, — ответил он на мой вопросительный взгляд. Но потом оценив мой прищур и постукиванию по рулю, дополнил, — Поговорил я там с директором. Нормальный мужик. Сошлись на том, что машина еще тысяч тридцать-пятьдесят проедет без замены этих деталей. И кстати, следующее ТО они сделают тебе бесплатно.

— Как тебе это удалось? — спросила я, заводя машину.

— Я дружелюбный и умею находить подход к людям, — Дима широко ухмыльнулся.

Вот же гад. Так ничего и не рассказал. А мне ведь любопытно.

Зато когда мы подъехали к дому моих родителей, я не удержалась от цитаты:

— Посиди-ка в машине, зайка. Там дел-то на пять минут.

Я не хотела показывать его и объяснять, что происходит, хотя Дмитрий и рвался поздороваться. Мы может и не увидимся после сегодняшнего дня, а мама с папой будут переживать.

Мы заехали за продуктами, так как я не ждала гостей, и дома было не так много еды. И я все чаще ловила себя на мысли, что мне очень хорошо сейчас. Ездить вместе по делам, обмениваться подколками, договариваться про меню на обед и ужин, смотреть, что он выбирает для меня и для себя, сгружать на него пакеты, покупать кофе на вынос и, обязательно, попробовать по глоточку у другого, чтобы сравнить вкус, обсудить интересных людей или что-нибудь смешное, с чем мы столкнулись по дороге.

Мне с ним очень легко. Мы с ним на одной волне. И меня даже пугало, что мы так быстро нашли общий язык. Как будто не было этих пяти лет. Но так же не бывает. Я вспомнила сколько неудачных, мучительно неловких свиданий у меня было. Когда ты не знаешь как отреагирует человек, чем он интересуется, что можно у него спросить.

И у меня, и у Шумского была своя жизнь за эти годы. Мы провели в разводе гораздо больше лет, чем были вместе. И мне стоило бы быть посдержаннее. Но не получалось. Не включались тормоза.

Но когда мы приехали домой, я решила, что самое время для маленькой мести. За что? Да за все. За все его манипуляции и давление, за все сплетни и тайны, за все хитрости и обманы. Впрочем, ничего серьезного я не планировала. Просто щелкнуть кой кого по высоко задранному носу.

— Так. Я сейчас по быстрому приготовлю обед, а ты пока помой полы, — как бы между делом попросила я.

— Эээ... Полы? — Дима не поверил своим ушам.

— Угу. Ты посмотри как натоптали, не хочется грязь разносить, — я говорила об этом, как о самой естественной вещи.

— Лена! Полы?! — бывший стоял, прислонившись к косяку и сверлил меня взглядом.

— Я надеюсь, ты не бытовой инвалид? — я была очень строга, — И кстати это то, о чем мы говорили. Про то, что мне не нравилось в нашем браке. Ты никогда мне не помогал. И хотелось бы быть уверенной, что дальше будет не так.

— Я готов выполнять мужские обязанности, вот как с сервисом, — и оценив мой скептический вид, дополнил, — Вообще-то, я в состоянии нанять клининг.

— Это отлично. Но помощь может понадобиться ночью.

— Круглосуточную прислугу? — не сдавался этот нелюбитель уборки.

— Ну, — я всем своим видом показала как разочарована, — Не хочешь, как хочешь.

— Да, блин, зачем тебе это? — Шумский метался, не зная как выкрутиться из этой ситуации.

Я пожала плечами, обиженно поджала губы, а потом нехотя пояснила:

— Как я уже сказала, мне нужна помощь. Именно сейчас. Да и потом, мне хотелось бы знать, как ты будешь вести себя в непредвиденных ситуациях. Вот представь, остался ты один с детьми...

— А ты где? — перебил Дима.

— А я с встречаюсь с подругами.

— А почему ты гуляешь одна? Без нас?

— Ааааа. Так ты против того, чтобы я общалась с подругами? То есть, по твоему, я должна сидеть дома и не иметь никакой социальной жизни?

— Ну что ты. Конечно, сходи, погуляй, я не против. Наоборот даже. Вот видишь, сижу с детьми.

Нас уже обоих забавляла эта игра и трудно было остановиться. Я продолжила:

— И вот собака...

— У нас еще и собака? — офигевал Шумский

— Еще раз меня перебеешь, будет две собаки. И кот.

Шумский жестом показал, что закрыл рот на замок.

— И вот собака устроила беспорядок на полу.

— Какой?

— Стошнило ее, или лужу наделала, или опрокинула что-то. Какая разница? И что ты будешь делать? Героически ждать моего возвращения через несколько часов? Огородишь это место стульями? Будешь вдыхать все эти запахи и смотреть как ребенок или опять-таки собака растащат эту грязь по всему полу? Знаешь ли, я хочу быть уверенной, что ты смогу оставить детей под твоим присмотром.

Он тяжело вздохнул и состроил глазки как кот из Шрека. Ну вот что мне оставалось делать?

Я села на стул, выпрямив спину, изящно закинув ногу за ногу, сложила руки в замок на коленях и кротко поинтересовалась:

— Напомни, пожалуйста, зачем мы решили провести этот день вместе?

Шумский закатил глаза и поднял руки, показывая, что сдается:

— Где у тебя эта лабудень?

— В кладовке, — я мило улыбнулась в ответ.

Дальше я смотрела, как он пыхтит, бухтит, иногда откровенно тупит, но старательно моет полы. Сердце просто пело, глядя на эту картину. Я успела приготовить обед и накрыть на стол, к тому моменту как он закончил убираться, поставил ведро со шваброй на место, вымыл руки и с гордым видом появился на кухне.

— Вроде неплохо получилось, — небрежно бросил он.

— Да, просто отлично. Ты молодец, — как там в правилах дрессировки? Даже самые маленькие успехи надо поощрять.

— Ты, конечно, делаешь это лучше, — продолжал нарывать на похвалу Дима.

— Ой, сейчас, наверное, хуже. Я уже забыла, когда мыла их в последний раз. Как моющий робот-пылесос купила, так это утомительное дело и забросила, — я продолжала открыто и тепло улыбаться.

Шумский просто завис, осмысливая то, что я сказала. А я продолжала с возрастающим интересом наблюдать, как он поведет себя. Разозлиться? Обидется? Или рассмеется?

Решив что-то для себя, он окинул меня хищным взглядом и с ленивой грацией тигра медленно двинулся ко мне, вытаскивая ремень. Моя кухня как-то сразу уменьшилась в размерах. Его фигура закрыла все окружающее пространство. Я заново оценила и его высокий рост, и разворот плеч, и накаченные мышцы, рвущие футболку. Когда он подошел ко мне, мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

Я впервые почувствовала, что он уже не вчерашний студент, и не просто успешный адвокат, но и человек, вращающийся в высоких кругах. И что среди них он свой. Что он может быть таким жестким, властным, опасным. У меня внутри все скрутило в тугой узел от... предвкушения.

Он жестко взял меня за подбородок и задумчиво провел большим пальцем по губам. Я не удержалась и слегка его прикусила. Он изучающе посмотрел на меня, затем продел ремень в пряжку, сделав петлю, которую накинул мне на шею как ошейник.

— Так значит, ты хочешь собаку, — ухмыльнувшись, сказал он.

От всей этой провокационной ситуации у меня пересохло во рту, и я облизнула губы вместо ответа. Его зрачки расширились, он со свистом втянул воздух и пробормотал что-то невнятное. Потянув за ремень, заставил меня подняться, даже встать на цыпочки, и стал безумно и жестко меня целовать. Я могла только подчиняться такому напору.

Остановившись, он с сожалением окинул взглядом накрытый стол, а затем развернул меня к стене и заставил опереться на нее руками. Несколько секунд его руки удерживали мои на стене. И контраст моих светлых мягких рук с его сильными загорелыми был почему-то очень возбуждающим. Причем заводило это не только меня, судя потому как мой бывший муж вжимался в меня, как тяжело он дышал, как шептал на ушко всякие пошлости, как обвел это самое ушко по изгибам языком и укусил за мочку.

Затем он провел руками по всему моему телу, грубо лаская его. Задрал юбку, то глядя мои бедра, до сжимая их до боли. И любил меня очень жарко, жадно и ненасытно.

А потом, я сидя у него на коленях, кормила его с рук, а он слизывал с моего тела крошки и капли. Было очень сладко чувствовать своей кожей его кожу, греться в тепле его рук и растворяться в его прозрачных глазах.

Но оставались еще дела. И пришлось выковырять себя из этой сладкой неги и отправляться в торговый центр за купальником.

Когда мы приехали, я по привычке хотела отправиться в цокольный этаж, где был уютный бутик с демократичными ценами. Но не тут-то было. Шумский наметанным взглядом сразу нашел самое дорогое заведение и потащил меня туда.

— Нет, — это даже прозвучало излишне резко.

— Почему? — удивился Дима, — Я отсюда вижу, там красивые вещи.

Я поняла, что не могу сказать, что там дорого. Не смотря на то, что в последнее время я стала хорошо зарабатывать, тратить такие суммы на белье мне казалось излишним. Красивые и удобные вещи можно купить и за вменяемые деньги. А еще я не хотела вот так сразу принимать дорогие подарки. Я всегда чувствовала себя обязанной, и это надо было как-то отдарить в ответ. Меня так воспитали.

Но никакую из этих причин я не могла озвучить вслух. Только Дима и без моих слов обо всем догадался.

— Лена, — ехидно он смотрел на меня, — а ты помнишь, что мы решили провести этот день, чтобы исправить ошибки прошлого и попробовать вести себя по другому?

— А причем тут это? — не поняла я.

— Я, конечно, рад, что ты научилась меня просить о помощи, — он ухмыльнулся, а я слегка покраснела, — но, давай, ты прям сейчас научишься принимать эту самую мою помощь?

— А это обязательный пункт программы? — я попыталась свести все в шутку, которую впрочем не оценили, и я пошла на попятный, — Да не отказываюсь я, не отказываюсь.

— Ты никогда не соглашаешься! — он почему-то злился. Кажется, у нас сейчас будут очередные разборки.

— Начиная с нашей поездки в Крым в институте. Я собирался все оплатить, но ты не дала, и сказала, что тогда не поедешь со мной.

— Но мы даже не были женаты. И ты был студентом, у тебя не так много было денег, — растерянно проговорила я.

— Лена, мы тогда уже год встречались. И это нормально, когда парень обеспечивает свою девушку. И когда с бабушкой, я предлагал нанять сиделку, но ты тоже отказалась.

— Ты только начинал работать, у тебя было не так много денег...

— Я бы нашел. Я бы что-то придумал. Я попросил бы у отца.

— Ты ненавидишь что-то просить у отца, — взвилась я, — Ты бы потом за это возненавидел и меня.

— Мой отец не подарок. Но он и не чудовище. На важное дело он бы не отказал. Но ты не хотела слушать. Не давала ни малейшего шанса тебе помочь.

Я тяжело вздохнула и закрыла лицо руками. А потом призналась:

— Мне было очень больно слышать, как он с тобой разговаривает. Я не хотела, чтобы ты проходил это каждый раз из-за меня. И я все равно не смогла бы оставить бабушку. Ей и так было очень тяжело. И если бы рядом были чужие люди, она сдалась бы еще быстрее.

— А мне было очень больно, что я ничем не могу помочь любимому человеку.

Я растопырила пальцы, подглядывая из под них на злющего Шумского. Это было по-детски, и он не выдержал и начал улыбаться. Тогда я натянула самую беззаботную улыбку, подхватила его под руку и прощбетала:

— Дорогой, мы идем покупать мне подарок. Напомню, мне нужен купальник. Откуда начнем?

Меня молча повели к самому роскошному из всех бутиков. У входа я затормозила:

— Ты, что собираешься со мной заходить?

— Такое зрелище я точно не собираюсь пропускать, — хмыкнул он в ответ.

Тааааак. Как бы ему объяснить, что мужчины никогда не заходят в такие магазины. Я всегда считала, что это тайное знание передается от отца к сыну. Типа никогда не носи женскую сумочку и не заходи в магазин женского белья, иначе твоей репутации конец.

Один мой знакомый с ужасом рассказывал, что однажды случайно зашел в женскую консультацию. Оказавшись среди толпы девушек разной степени беременности, он почувствовал себя капитаном Куком среди людоедов. Крайне, крайне ранимое состояние. В магазине женского белья мужчина испытывает схожие ощущения, заверял он. Логика я не поняла, но суть уловила.

Кто бы это объяснил Шумскому? Пропадет ведь пацан. Но Дима о моих размышлениях не знал и плотоядно осматривал все вокруг.

На встречу нам выплыла консультант магазина Анна. Глядя, на нее сразу в голове крутилась строчка «Она прошла, как каравелла по зеленым волнам». И причем ты сразу вспоминаешь, что каравелла не маленькое судно, и корма у кораблей заметная часть. В общем, выдающиеся, в прямом смысле этого слова, достоинства продавщицы явно заставляли мужскую половину человечества заливать пол слюной. Может она в магазин белья пошла работать, чтоб от них спастись?

Но она явно была хорошим профессионалом, не смотря на то, что сначала как сканером

оценила мой и Димин внешний вид, обращалась большей частью ко мне и была внимательна так, как будто я была королевой.

Но после того, как я посмотрела ценник на принесенных вещах, меня снова охватила волна паники:

— Дим, слушай, а давай мы начнем привыкать к подаркам постепенно? Как в тренировках? Ну знаешь, там сначала пара подходов, через пару недель будем увеличивать нагрузку. Ты можешь подарить мне, например, — я судорожно перебрала в голове несколько вариантов, — часы!

— Картье, — буркнул он в ответ.

— Телефон, — не сдавалась я.

— Айфон. Последний. Со всеми приблудами, — а он умеет убеждать.

Но я сделала последнюю попытку:

— Пара микроскопических кусочков ткани не может стоить, как бюджет маленькой африканской страны. Мне же охрана понадобится, чтоб его с меня не сняли.

— Тут не переживай. Я сам справлюсь. И с охраной, и с тем, чтобы его снять.

Невозможный человек. И я пошла в примерочную. Правда, перед этим пришлось выдержать короткий бой с Шумским, который заверял, что лишние руки там не помешают. Но на вопрос, почему у него они лишние, не придумал ответ.

Мне пришлось обуздать свою ревность и предубеждение против консультанта и признать две вещи. Первое, может продавец выбрала и самые дорогие купальники, но сидели они на мне идеально. И теперь будет целый подвиг выбрать из них один. А второе, что я ревную Дмитрия ко всем окружающим женщинам. И это мы еще один день полностью не провели вместе.

А между тем, за пределами примерочной происходил интересный разговор. Анна аккуратно разводила моего бывшего мужа на другие покупки:

— Едете в отпуск? Это правильно. Погода сейчас чудесная. А что будете делать вечером? Есть способ сделать его незабываемым. Посмотрите на этот комплект. Цена у него, правда, как бюджет уже средней африканской страны, но вы будете очарованы какие там будут природные ресурсы!

— Обожаю специалистов по странам Африки, — Дима явно получал удовольствие от разговора, — а можете еще что-то показать?

После секундной заминки, Анна театральным шепотом спросила:

— Накосычил или дата какая?

— Шесть лет свадьбы послезавтра, — понизив голос ответил бывший муж.

И у меня брызнули слезы из глаз.

Многие из моих знакомых жаловались, что мужья забывают даже про их день рождения, какая уж там дата свадьбы. Но чтобы сказать про нее вот так, с лету, надо чтобы этот день впаялся в твою память, как Новый год.

— Тогда этот! Когда увидите ее в этом, почувствуете себя так, как будто все эти шесть лет провел без женщины, — похоже, что эта Анна гениальный продавец.

Я открыла шторку примерочной и покрутилась перед Димой в выбранном купальнике. То с каким восхищением и вожделением он на меня смотрел, убедили меня, что принимать подарки все-таки надо. Это доставляет удовольствие обоим сторонам.

Мы провели хороший вечер и жаркую ночь. Один из комплектов, состоящий из полосок ткани, веревочек и цепочек, оказался мощнейшим афродизиак. Когда я уже засыпала, Шумский подгрел меня к себе, что было очень непривычно и потому неудобно. Я попыталась выбраться из этих медвежьих объятий, но он пробурчал:

— Ну нет. Знаю я эту штуку. Тебя отпусти на мгновенье, и ты опять куда-нибудь сбежишь.

— Это моя квартира. Куда я из нее денусь?

— Вообще не аргумент, — ответил этот тиран и спокойно уснул.

А мне пришлось вертеться, чтобы устроиться поудобнее. Я отвыкла спать с мужчиной. Куда-то надо было пристроить одну руку, потом вторую. И лечь так, чтоб шея не затекла. И уже на границе сна я ощутила, как мне кайфово. От объятий, его мужского запаха, чувства защищенности. От того, что я слышу его дыхание и стук сердца, от прикосновений кожа к коже. От того, что завтра я проснусь не одна, и сегодняшний день не будет сном.

А потом было мягкое нежное сонное утро. Дима предлагал мне спать дальше, встал он очень рано, ему надо было возвращаться в Москву. Но мне хотелось его проводить.

Завтракать так рано мы не стали, я приготовила нам по чашке крепкого кофе и, ловя дзен, наблюдала, как он лениво собирается. И наконец-то задала вопрос, который в пылу наших разборок, всегда ускользал. А мне было дико интересно:

— Как ты решился на татуировку, — я любовалась рисунком на его левом запястье.

— Ах, это... — он смущенно взъерошил волосы, — это глупая история. Однажды, когда я выходил из бара, нечаянно разбил рукой стекло в двери. Когда рука зажала, оказалось, что люди очень нервно реагируют на шрамы на запястье. Поэтому я закрыл их татухой. Правда, возрастные клиенты еще более нервно реагируют уже на нее. Так я стал носить часы с широким браслетом, — Димка победно улыбнулся, а потом интригуяюще добавил, — Но затоооо... Когда к нам приходит какая-нибудь раскрученная молодежь, я снимаю часы, и они по татуировке понимают, какой я бунтарь под этим костюмом.

Он произносил это так, что я не выдержала и расхохоталась:

— Ты все оборачиваешь себе на пользу, да?

— Ну, как говорится, если судьба дала тебе кислый виноград, сделай из него сухое вино.

— Там вроде про лимоны было, — удивилась я.

— Вино из лимонов? Да ты затейница, — я пихнула его в плечо, а он в ответ перегнулся через стол и чмокнул меня в нос. А потом серьезно спросил, — Что ты решила, Лен? Как мы будем дальше? Давай попробуем. Я люблю тебя. Я хочу быть с тобой.

Я прикусила губу. Так хочется верить, но:

— Это красивые слова. Скольким девушкам ты их говорил?

— Одной.

— Тааак. Это кому? — ревность на пополам с любопытством терзали мою душу.

Дима укоризненно на меня посмотрел.

— Только мне? Ты серьезно? У тебя был миллион женщин.

— Сначала я чертовски боялся серьезных отношений. Боялся обвинений, упреков типа «ты же говорил». Мне казалось, это круто, когда много женщин. Много удовольствия, разный опыт. А после тебя я перестал верить в любовь. Если то, что было между нами, не было любовью, то ее точно не существует. И всем девушкам, — он запнулся и немного замялся, — я говорил, что ценю искренность, преданность, уважение, дружбу. С ними знаком каждый человек. А любовь — это фикция, красивая легенда для дурачков.

— Ты и сейчас так думаешь? — я должна была об этом спросить.

— С того момента, как я снова увидел тебя в суде, я понял, какую чушь я нес.

Я смотрела в его прозрачные глаза и понимала, что мне очень страшно, что снова будет больно. Но еще страшнее, что большие никогда не будет наших разговоров, шуточек, споров, прикосновений, поцелуев.

— Я хочу попробовать встречаться по выходным, — я выдохнула. Я смогла это произнести.

— Ты не пожалеешь, — он соединил наши пальцы в замок, — И я помню, что ты говорила про усталость. Теперь моя очередь к тебе ездить.

Мы еще поговорили о моих планах на отпуск. Дима сказал, что если получится разобраться с делами, он может в середине недели приедет на пару дней. Мне хотелось поговорить о его делах, о том, чем он живет. Но неожиданно он уклонился от разговора и отвел глаза в сторону, и это меня неприятно кольнуло. Потом пару раз мне казалось, что он хочет что-то рассказать, но на мой вопросительный взгляд он только улыбался.

После его отъезда меня накрыла эйфория. Я разрулила сложное дело, у меня почти отпуск и меня ждут встречи с моим любимым мужчиной. Будущее представлялось прекрасным и безоблачным. Похоже, что жизнь меня ничему не учит

После того, как я проводила Диму, некоторое время я слонялась по квартире и не находила себе места. Я уже скучала по нему. Я пыталась себя чем-нибудь занять: дособирила одежду к поездке, поубиралась. Но я натыкалась на какую-нибудь вещь, и мне хотелось рассказать про нее Шумскому. Но его не было рядом, а звонить по такому поводу было глупо. Мой родной дом вдруг стал холодным и пустым.

Промаявшись так часа полтора, я решила, что не стоит мне превращаться банный лист к мужчине и поехала к себе в офис. Там отшлифовала соглашение, поискала информацию по другой паре дел, оставила заметки коллегам, на случай, если кто обратится по самым скандальным случаям.

И с трудом дождавшись подходящего времени, отправилась в суд. Жанна Георгиевна встретила меня в своем репертуаре:

— Явилась все-таки.

— Вы не верили, что я смогу? — вполне дружелюбно ответила я. Даже она не могла испортить мне настроение.

— Если бы не верила, не пришла бы на полчаса раньше. Давай текст.

Читая его, она несколько раз ехидно хмыкала, и я ожидала привычного разноса, но услышала неожиданное:

— Неплохо, — в нашей среде это было примерно как «Оскар» для кино. Такая доброта меня даже пугала. В чем подвох?

Мы на диво быстро все рассмотрели, и когда я поняла, что все закончилось, меня накрыл откат от того напряжения, которое сопровождало меня много дней. Я на ватных ногах медленно стала собирать со стола бумаги прочие мелочи, не заметив, что в зале остались только я и судья.

— А где хахаля своего потеряла? — неожиданно раздался ее голос.

В ответ я села напротив нее и задала свой вопрос:

— Как вы догадались? Ну, что мы раньше были вместе?

— О! Вы так усердно друг на друга не смотрели. Когда в заседании люди узнают про что-то общее, родились там в одной деревне, работали с разницей в десять лет на одном предприятии, или вдруг они однофамильцы, — она самодовольно усмехнулась и прикусила дужку очков, — они всегда с интересом глядят, рассматривают, ищут в другом человеке сами не зная что. Но вам это было не нужно. Вам ведь все было известно, и уже давно. И вы очень хотели доказать себе и всем окружающим, что вам ни чуточку неинтересен этот человек.

Она умная женщина. Злая, но очень умная. И я вдруг решила с ней посоветоваться. Я обращалась к ней пару раз за консультациями по самым сложным делам. В первый раз она мне только посочувствовала, сказала, что двигаюсь в правильном направлении и подсказала кое-какие нормы, которые помогли, если не выиграть, то хотя бы отвоевать больший кусок. Зато во второй развернула точку зрения так, что дело я выиграла с блеском. Конечно, мне это стоило двадцати минутной выволочке о безмозглых малолетках, и еще пару месяцев подколок. Но победа принесла мне очки к репутации и рост гонораров.

А сейчас у меня очень сложное дело. Дело моей жизни. И я бросилась в омут с головой:

— Я не знаю, как мне поступить, — и рассказала ей все.

— Ты несешь полную чушь! — кудахнула она сразу. Спасибо, Жабя Горгоновна. В мире

должен быть островок стабильности. В нашем суде — это вы, — Для начала, с чего ты взяла, что вы обязательно расстанетесь. Он еще может попасть в ДТП или заболеть раком.

Я аж закашлялась от такого оптимистичного вступления. А судья была явно довольна произведенным впечатлением:

— А ты думаешь, что найдешь вариант без проблем? Даже если на всю жизнь одна останешься, это не значит, что все будет хорошо. Это жизнь, деточка. Она без гарантий на счастливое будущее. Но иногда получается очень неплохо. Следующее, и почему ты проиграешь на фоне московских адвокатов? Во всем мире одинаковый процент умных людей к остальным. И там все то же самое. Ты не без способностей, старательная, трудолюбивая. Справишься.

— Я? С чего взяла? Ну, вы почти каждый раз говорили мне, что я бестолковая или безмозглая.

— Я тебя учила, — невозмутимо ответила она, — тратила свое время, находила ошибки, чтобы ты могла их исправить.

Я выдохнула и попыталась не сорваться на ругань:

— Но вы же не со всеми так себя вели.

— Милочка, — ее голос был как сироп, — если я перестаю делать человеку замечания, это значит, я признаю, что он тупой как валенок и необучаемый. Если у него будут ошибки в документах, я просто откажу ему при вынесении решения.

Я не могла не признать, что благодаря ее замечаниям, я действительно многому научилась. Но, вспоминая, сколько я рыдала по ночам, особенно в начале карьеры, я не смогла удержаться:

— Вы же очень умный человек. Вы не могли не видеть, что делаете людям больно. Можно же по другому.

— А кто думает обо мне, когда приносит мне несвязанный бред вместо искового заявления? — только в его голосе был не только гнев, но и слезы, — Когда у меня муж с сердечным приступом попал в больницу, я вместо того, чтобы ехать к нему, засиделась над делом. Не сходились цифры, а я уже в совещательную комнату ушла, надо было какое-то решение оглашать. И я искала, искала, почему получилось расхождение. Когда приехала в больницу, уже поздно было, не пустили. А ночью ему стало хуже.

У меня перехватило дыхание. Мне было жалко ее. И ее слова про жизнь без гарантий заиграли еще острее.

Но она быстро взяла себя в руки:

— Что ты там блеяла? Какие у тебя еще причины?

— Ну, мне почти тридцать. Начинать все с нуля...

— Я говорила, что ты умная? Забудь! — перебила она меня сразу, — В тридцать у нее проблема начать! Надо же! Хорошо, что я этого не знала, когда в сорок пять пришла работать в суд. И когда в пятьдесят два научилась водить машину. И даже не буду говорить во сколько освоила эту халабуду, — скорбно поджав губы, она с большим отвращением посмотрела на компьютер.

Посмотрев на мое вытянувшееся лицо, она добродушно фыркнула, и довольно доброжелательно сказала:

— Иди, отдыхай. Заслужила.

Я вскочила, обежала ее стол, обняла и от души сказала:

— Спасибо!

— Иди давай. У меня уже другое заседание начинается, — но, противореча своим словам, тоже обняла меня в ответ.

Когда я вышла на ступеньки суда, меня охватило дурное предчувствие. Не могу понять почему? Что я упустила? Все же складывается, как нельзя лучше.

Я осмотрела территорию вокруг и увидела Милану, которая щебетала с каким-то папиком в дорогом костюме.

— Наверняка, это ее любовник, — раздался над ухом голос моего клиента.

Я едва не рассмеялась от дежавю. Прошло только три дня, как мы с Суворов обсуждали здесь же его бывшую жену и моего бывшего мужа, но у меня по ощущениям прошел месяц. Я вспомнила свою злость, отчаяние и грусть тогда. Контраст с той легкостью и счастьем, что наполняли меня сейчас, был колоссальный.

— Теперь это его проблемы, а не ваши, не так ли? — отшутилась я, и Михаил Алексеевич, подумав, рассмеялся в ответ.

Мы приехали ко мне в кабинет, где он заплатил остаток гонорара, и подписал оставшиеся бумаги.

— Вы довольны результатом? — не удержалась и спросила я. Мне важно знать, что он будет говорить моим потенциальным клиентам.

— Поймите меня правильно, Елена Александровна, вы сделали больше, чем мне обещали все остальные. Я ж все понимаю. Ну вот просто обидно, что эта тварь после всего что было, еще и столько получила. Да и пацаны засмеют. Рога наставила и денег отхватила.

— А вы им скажите, что это вы так решили. Свое забрали, а копейку на прокорм ей кинули. Какая-никакая, а она слабая женщина, а вы сильный мужчина. Вам этих салонов понаоткрывать — раз плюнуть.

Он хмыкнул в ответ и стал растирать лицо руками.

— Вот лучше бы я все первой жене оставил, — бурчит он.

— Так оставьте. Кто ж вам мешает. Вы же эти салон все равно не любите. Возни много, мелкашечка эта, краски, расчески, мастера то приходят, то уходят. Если продадите, так ведь пацаны скажут, что вы не справились. А если первой жене вернете, то так и будете всем говорить, что ни одну свою бабу с голым задом не оставил. Мужик вы или нет?

Он отвел глаза. Я и по другим оговоркам поняла, что стыдно ему, за то, что творил во время первого развода. Но раздутое эго не позволяет признать свои ошибки и извиниться.

— Да и с детьми помириться, — добавила я контрольный выстрел.

Суворов вздохнул еще тяжелее. Он жаловался мне раньше на неблагодарных детей, которым он столько всего покупал, а они перестали с ним общаться и выбрали сторону матери.

Михаил Алексеевич молча встал и пошел к двери. Я мысленно дала себе подзатыльник за то, что лезу не в свое дело. Но вдруг он развернулся и вытащил из подставки на столе несколько моих визиток.

— Не против, если дам кое-кому? — спросил он, подняв бровь.

— Буду благодарна, — я улыбнулась ему вполне искренне.

Когда он вышел, я устроил маленький танец мумбы-юмбы. Меня просто затопили чувства безграничной свободы и миллиона возможностей. И мне очень хотелось поделиться с Шумским какая умница. И что уже подумываю о смене работы. Может мне и правда стоит перебраться в Москву?

Я посмотрела на часы. По моим расчетам Шумский уже должен был добраться до работы, и вполне прилично было ему позвонить, рассказать, как все прошло.

Но в телефоне ответил женский голос:

— Офис адвоката Дмитрия Шумского.

— Офис? — вырвалось у меня, и я посмотрела на номер на экране. Я вроде на личный телефон звоню.

— Ой, извините, — голос рассмеялся в ответ, — Весь день на телефоне. По привычке так отвечаю.

Должно быть его помощница, о которой он рассказывал. Но похоже Дима опять бросает телефон где ни попадя.

— А вы бы не могли пригласить Дмитрия Сергеевича? Это Елена Шумская, по делу с разделе имущества, — не хочу ничего объяснять этой девице, хочу услышать Димин голос.

— Он сейчас... очень занят, — ответила девица с легкой заминкой, — что ему передать?

— Передайте ему, что мировое соглашение утвердили и в пятницу приезжать не нужно. Но мне надо обсудить с ним детали по передаче имущества.

— Ой, отлично! Хотя он все равно не смог бы приехать в пятницу. У нас же в этот день будет свадьба.

Мой мозг наотрез отказался принимать какую-либо информацию. Ну и подумаешь, что у этой девицы свадьба. Зачем только она об этом рассказывает? Но она не унималась и продолжала трещать:

— Я думала, мы не успеем все подготовить. Боже, столько гостей. Знаете, все эти приглашения, куда поселить, как рассадить, чтоб никто не обиделся. Хорошо, что Дима стал брать меньше дел. Да и отпуск мы взяли уже с этой недели. Не представляю, как бы я справилась. Мне же постоянно приходилось уезжать: то на примерку, то цветы подобрать, то меню согласовать. Я уже начала жалеть, что захотела такую свадьбу. Дима сначала предлагал просто в свадебное путешествие поехать, и может даже в поездке и расписаться. И почему я не согласилась? Ой, простите, я вас заговорила. Но я такая счастливая. Мне просто не верится, что все это со мной происходит.

— Поздравляю, — смогла проговорить я онемевшими губами и положила трубку.

На негнущихся ногах я ушла из офиса, и, сама не помню как, доехала до дома. Сознание разделилось на две половины. Одна кричала: «Я знала. Я предчувствовала, что так будет. Нельзя верить человеку, который уже обманул. Ты просто доверчивая дура!». Другая твердила: «Он не мог бы так поступить. Зачем все это тогда было? Я же видела, как он смотрел! Как он относился ко мне. Почему тогда он так заботился обо мне?». «Да, мужик, когда хочет женщину, скажет и сделает все, что угодно. Как легко он согласился встречаться по выходным. Конечно, ему было так удобно! Даже сам собрался приезжать, потому что не хотел пускать тебя в квартиру», — шипела я сама себе в ответ.

Когда зазвонил телефон, я сначала смотрела на него, как королевскую кобру. Но надежда пересилила. Я хотела услышать Димкин спокойный веселый голос и понять, что я заблуждалась. Что накрутила себя на пустом месте. Все не так поняла и к нему эта свадьба не имеет никакого отношения.

Но как только он произнес мое имя, надежда рассыпалась в прах. В голосе было столько напряжения, тревоги, ожидания, что он мог больше ничего не говорить.

— Тебя можно поздравить? — со злыми слезами спросила я.

— Я все объясню, — медленно ответил Дмитрий. Я просто кожей ощутила, что он не хочет при ней говорить.

— Зачем? Просто скажи, что ты не подавал заявления в ЗАГС и у тебя нет свадьбы в пятницу. Скажи, что нет заказанного ресторана и кучи гостей. Что с тобой не живет женщина, у которой уже заказано свадебное платье. Просто скажи одно слово. Это все есть или нет?

За следующие несколько секунд тишина нашинковала мое сердце на малюсенькие кусочки. Уже было неважно, что он скажет.

— Пожалуйста, выслушай меня. Я могу все объяснить.

— Я знаю, что можешь, — я начала истерично смеяться, — Ты же мне все, абсолютно все объяснил. Все сплетни и интриги, каждый свой подлый поступок. Как ты там говорил? Ты же успешный адвокат, откуда у тебя совесть? Если я невнимательно тебя слушала, так это только моя проблема. Так что ты обязательно объяснишь, почему твоя свадьба никак не влияет на наши отношения. Ведь ты мне уже один раз объяснил бабу в трусах так, что я поверила!

Последнюю фразу я просто прокричала и бросила телефон в стену. Я мечтала, чтобы он разлетелся на кусочки, также как и я. Но он просто отскочил и упал на пол, а из динамика продолжал доноситься голос Шумского. Ноги подкосились, и я упала, больно ударившись коленями, заткнула уши, чтобы только его не слышать, и закричала. А потом свернулась калачиком на полу и заплакала.

Телефон звонил несколько раз. Я не выдержала, подобрала его и внесла Шумского в черный список. А потом просто лежала и плакала, плакала, плакала.

Я вспоминала, как мы танцевали, как вместе работали, как пили кофе из одного стаканчика, как встретились в суде, как выясняли отношения у бассейна, как в первый раз поцеловались, как бесконечно смотрели друг другу в глаза, как занимались любовью, как поженились, как ругались, как смеялись, как прощались. Я не знала, от чего больнее. От того, что все оказалось ложью, или от того, что моя сказка никогда не станет правдой.

Я задыхалась от рыданий и не могла остановиться. С каждой секундой мне становилось все хуже. Боль из сердца расползалась по всему телу. Мне казалось я горела в огне, и этот огонь выжигает весь кислород, и мне нечем дышать. Да и незачем.

Я не помню, сколько я так пролежала, когда телефон снова стал звонить. Я протянула руку, чтобы сбросить звонок, но увидев кто это, застонала в голос. Если я сейчас не отвечу, будет еще хуже.

Звонила Лерчик, моя лучшая подруга и чуть-чуть наказание.

Говорят, все люди делятся на два типа: Винни-пухи и ослики Иа. Одни оптимисты, вторые пессимисты-реалисты. Когда они встречаются, их качества начинают резко усиливаться. Винни-пухи начинают еще больше шутить и находить еще больше положительного в окружающей мире, чтобы спасти Иа от депрессии и апатии. Ослики в ответ пытаются выбраться из этого розового сиропа бесконечной радости и находят вокруг все больше мрачных моментов, с помощью которых начинают «приземлять» оторвавшихся от действительности медвежат, чтобы те не сделали роковой ошибки. Самое смешное, что с разными людьми наши роли меняются.

Но с Лерчиком абсолютно все становились Иа. Ее сногсшибательный оптимизм и кипучую энергию во имя сохранения собственного рассудка срочно требовалось остановить. Даже две ее хаски после общения с хозяйкой падали без сил.

Если я сейчас не отвечу на звонок, то сначала она несколько раз позвонит мне. Затем она поставит на уши всех знакомых, обзванивая их и спрашивая, не случилось ли что со мной? После этого мама на нервах будет стараться связаться со мной, а скрыть от нее мое состояние будет очень и очень сложно. И она, конечно, начнет винить себя за то, что уговорила меня поехать на вечер встреч. В общем, проще ответить.

Из телефона сразу же раздался радостный вопль:

— Рассказывай, рассказывай, рассказывай!!! — я успела вздрогнуть от ужаса, потому что она откуда-то уже все узнала, но тут же выдохнула — У меня куча сообщений в личке! Они все хотят моих консультаций. Ааааааа. Ты просто не представляешь сколько мне написали! Офигеть, Ленчик, я в шоке, в шоке! А я в деревне! Но я хитрая, я сказала, что у меня много заказов. И ты представляешь, они готовы ждать! У меня очередь из консультаций. Офигеть! Я твоя должница. Я тебя люблю, люблю, люблю.

Я уже решила, что обойдусь малой кровью. У меня не было сил ехать к ней и справляться с ее неумной активностью. Я хотела в тишине и спокойствие выплакать свою боль. Поэтому я сейчас выслушаю ее восторги и оставлю наслаждаться долгожданному признанию ее талантов. По такому поводу она должна простить мое отсутствие. Но у судьбы и Лерчика были свои планы:

— Но тут я подумала, вечно ждать они не могут. Поэтому, когда ты поедешь домой, я поеду с тобой. Даже не так. У нас с тобой будет настоящее путешествие. Как раньше. Поедем на 2–3 дня раньше и проедемся по разным городам. И мы будем всю дорогу орать песни, делать смешные фото, находить приключения там, где их больше никто не найдет. Круто я придумала? Правда? Ты сама как? Ты уже выехала?

Мужу Лерки достался в наследство дом в деревне в очень красивом месте. На берегу озера среди соснового леса. Уже несколько лет они его ремонтировали и расширяли, проводя там все теплое время года. И каждый раз ребята дразнили меня фотками красивейших закатов и сказочной природы. Место там очень популярное. В пансионатах и на базах отдыха вокруг места бронируют чуть ли не на год вперед. Лерчику с мужем много раз предлагали продать дом, но они отказываются. Говорят, что там чувствуешь себя, как будто в волшебном мире. И я так давно хотела приехать к ним и все это ощутить самой.

Но не хочу тащить туда всю эту грязь. Не хочу портить и настроение своим кислым

видом. Не хочу, чтобы они знали про мою глупость и наивность.

— Лер, ты знаешь, — я откашлялась, — я, наверное, не смогу приехать. У меня тут с работой возникли сложности. Да и чувствую я себя неважно.

— Угу. Угу. А что с работой? — ох, Лера, тебе не бухгалтером, тебе следователем работать надо.

— Да, заседание назначили на пятницу и перенести отказались, — ну, как бы не совсем ложь, в начале-то все так и было.

— Лена, — она промолчала несколько секунд, — мы сколько с тобой знакомы?

— Столько не живут, — буркнула я в ответ, приготовившись справляться с призывами к моей совести.

— И я надеюсь, я все еще твоя подруга? — очень напряженно спросила она. А вот тут я напряглась, разговор шел куда-то не туда, — Тогда что ты от меня скрываешь? Я же твой заплаканный голос умею отличать от уставшего.

Я, конечно, попыталась от ответов уклониться, но шансов не было. Валерия будто опытный инквизитор, вытянула из меня все.

— Так. Ну и что за трагедия? Что такого случилось? — моя подруга хороший человек, но, иногда мне казалось, что ее уровень эмпатии стремится к абсолютному нулю, — Подумаешь, поимела Шумского в разных позах. Не убудет от него.

А я поперхнулась и закашлялась. Все-таки нельзя быть до такой степени оптимистом.

— Не, ну а что? Он для тебя всегда был звездой на небе. Вот предложи мне какой-нибудь Крис Хэмсворт или Джуд Лоу переспать, я бы тоже не отказалась.

— Так, я не понял, с кем ты ты собралась переспать? — на заднем фоне раздался голос Леркиного мужа.

— Ну это до того, как я тебя встретила, — Лерчика так просто не опрокинешь, — Вот же. Не даст нормально поговорить. Так о чем я?

— Лерчик, ты не обижайся, дорогая. Но ты несешь абсолютную чушь.

— Да ладно. Ты же всех парней с ним сравнивала. Этот недостаточно умный, тот красивый, а в этот без чувства юмора. И мы все понимали, у кого уровень был достаточен.

— Я была объективна, — раздражение накрывало меня все больше и больше, — и между прочим, ты со мной соглашалась.

— Может быть. Тогда поговорим о том, о чем я молчала все это время.

— Лена, скажи мне честно, сколько лет ты еще собираешься откладывать свою жизнь из-за Шумского?

— Лер, давай обойдемся без пафосного бреда. У меня в жизни все отлично.

— Ну да. У тебя прекрасная работа. Я просто вижу огромный транспарант впереди тебя «У меня работа». А что в твоей жизни есть кроме работы? Ведь ты почти не ходишь на вечеринки, в театры, на концерты и прочие развлечения, потому что? У тебя работа. Ты не едешь в отпуск, а почему? У тебя работа. А главное, ты сбегаете из любых отношений, которые перерастают во что-то серьезное, так как? Та-дам! У тебя находится срочная работа. Очень важный клиент. Знаковое дело, которое даст плюс сто к репутации.

— Прикинь! И это сработало! Мои важные дела помогли мне достичь успеха. Тебя заказы тоже почему-то порадовали, — я уже почти кричала.

— О, да. Твои важные дела, ведущие тебя к твоей великой цели. Кстати, не напомнишь какая твоя настоящая цель? — я промолчала. Но Лере и не нужен был мой ответ, — Ах, я сама вспомнила. Ведь ты решила стать великим адвокатом, чтобы утереть нос Шумскому и его драным кошкам. Ой, конечно ради этого стоит отказаться от всего остального в жизни.

У меня почему-то пропал запал, как будто из воздушного шарика выпустили воздух:

— Да нет, Лерчик, это не так. Я не отказываюсь. Просто так складываются обстоятельства, — на меня накатывало отчаяние. Что мне делать, даже если лучшая подруга меня не понимает? Не хочет понять, как мне плохо сейчас из-за предательства, а тянет в какие-то разборки.

— Обстоятельства могут сложиться раз или два. А не каждый раз. Только вот знаешь, дела всегда будут, — Лера наоборот заводилась все сильнее и сильнее, — Даже когда у тебя будет муж и трое детей. Но между личной жизнью и работой, ты всегда выбираешь свои иски и заседания. Ты серьезно считаешь, что я ничего не понимаю? Ты не ходишь на вечеринки, потому что там с тобой знакомятся парни. Ты не едешь в отпуск, потому что там не сбежишь на работу. И если какой-то хороший парень прорвется сквозь твой кордон из т папок и бумаг, ты отшиваешь его еще быстрее. Почему?

— Да потому что я знаю, чем все это закончится! — вырвалось у меня против воли, — и я не хочу снова...

Я не успела договорить, как Лера перебила меня:

— И как? Помогло? Получилось спрятаться от всего плохого? Тогда на что ты сейчас жалуешься?

Я несколько секунд крутила со всех сторон, то что она мне сказала. Про то, что мой карьеризм был завязан на противостоянии Дмитрию, про то, что всегда сравнивала других парней с ним, про то, что боялась повторения нашей истории и прикрывалась работой. Очень глупо ощущать, что всю свою жизнь я построила отталкиваясь в той или иной степени от бывшего мужа.

Но вот только это сделало меня еще более несчастной и я разрыдалась:

— Лер, да причем тут все это? Причем тут работа и парни? Ты винишь меня за все, что произошло? Может быть еще и Шумский правильно со мной поступил?

— Да ты... Да как ты можешь... — через несколько секунд лучшая подруга рыдала вместе со мной. Так обычно заканчивались все наши ссоры.

Когда мы смогли успокоиться, она все-таки нашла слова:

— Ленчик, конечно, твой бывший козел, муфлон, баран четырехрогий, петух оципаный, поступил, как последняя сволочь. И ни в чем ты не виновата. Но ты опять забралась в свою раковину и вылезать не хочешь. А жизнь так и будет проходить мимо твоего окошка. Но имей в виду, я этого больше не допущу! — а потом со вздохом спросила. — А как эта псина сутулая оправдывалась?

— Да не стала я его слушать. Какая разница, что он скажет? Свадьбу он не отрицал. А почему да как, уже не важно.

— Ну ты ж всегда топила за то, чтобы выслушать обе стороны, узнать мотивы, дать последнее слово обвиняемому, в конце концов, — усмехнулась она, я гневно фыркнула в ответ, и Лера не стала настаивать, — Ну и фиг с ним. Пусть женится хоть на крокодиле. А ты приезжай ко мне.

— Лерчик, честно, я сейчас очень плохая компания. Собеседник из меня никакой, — я еще пыталась отбрыкаться от поездки.

— Ленчик, ты только не обижайся, — эта язва хихикнула, — но это после выигранных дел ты плохой собеседник. Когда я по полчаса выслушиваю «а я ему раз и акт сверки», «да этот лопух даже пленум не читал», «мы уже в прения ушли, а она ходатайство заявляет». А сейчас ты будешь шикарный собеседник. Расскажешь мне все в подробностях про ваших крысок с курса, под бутылочку вина песни по орем на все озеро, обсудим какие все мужики козлы.

— Я значит тоже козел? — на заднем плане опять нарисовался Леркин муж.

— Зато ты самый лучший и самый главный среди них, — просюсюкала эта хитруля.

— Я что-то не понял, мне гордиться или обижаться? — я обожала слушать их пикировки и, с удивлением, поняла, что начала улыбаться.

— Давай, давай, приезжай, — Лерка никогда не сдавалась, — тут рядом у волейболистов спортивный лагерь. Парни, похоже, студенты лет по двадцать-двадцать пять. Тестостерон чуть ли не из ушей льется. И поверь, когда мимо них проходишь, они смотрят так, что чувствуешь себя минимум богиней. Они недалеко от нас тренируются, прямо рядом с пляжем. Как оказалось, я очень люблю волейбол. Прямо стала постоянно ходить, чтобы посмотреть игру.

— Значит, как я с мужиками в футбол играю, у тебя нет времени посмотреть, — продолжал комментировать ее муж.

— Я просто за профессиональный спорт, — делано возмущалась эта коза в ответ.

Пляж и озеро вызвали у меня ряд нерадостных ассоциаций:

— Купальник этот еще, — на меня снова накатили слезы от воспоминаний, — Он же мне его купил.

— Вот и отлично, — оптимизм Валерии, как всегда, был неубиваемый и непробиваемый, — с паршивого кобеля хоть шерсти клок. Ты на этот купальник будешь ловить миллионера. У нас их знаешь сколько тут?

— Лена, у нас очень хорошие мужики, — ее муж решил внести свою лепту в разговор, —

даже если ты будешь без купальника, тебе никто плохого слова не скажет.

— Так что приезжай. Порыбачим, грибы пособираем, сделаем куклу Вуду из материалов идентичных натуральному Шумскому, то есть говна и палок, — мы уже хихикали вместе, — мясо мы с утра еще замариновали. Как под шашлычок напьемся! Ты что пить будешь?

— Алкоголь не решает проблем, а усугубляет их, — нравоучительно сказала я.

— Ну, самогон, так самогон, — продолжала хулиганить она, — Набуянимся и как заляжем в гамак, на звезды смотреть. Так что приедешь?

— То есть, у меня есть выбор?

— Ну, слава Богу! Мозги на место вернулись. Конечно, нет. Все. Быстро выезжай, чтобы в пробки не попасть и успеть до темноты. Подъедешь к указателю деревни, набери меня, я дальше ориентирую. Люблю, целую, жду.

Она отключилась, а я рухнула на кровать, уставившись в потолок. После предательства Дмитрия, мне казалось, что меня размазало тонким слоем. Но Лерчик сумела скатать это все в шарик. И может мне сейчас нелегко, но я знаю, что справлюсь.

Я обвела взглядом комнату и поняла, что мне действительно надо уехать. Здесь я все время буду думать о Шумском, что он делал, вспоминать, что говорил, как любил меня ночью. Я буду вариться в грустных мыслях, разрушая себя все больше и больше. И если я захочу плакать, то лучше делать это на остром плече Лерчика, или гуляя по тропинкам между сосен, или любуясь на закаты над озером.

Вещи были собраны еще утром, так что мне оставалось только переодеться. подхватить чемодан и сесть в машину. Но, уже выезжая со двора, я подумала, что надо купить Лерчику что-то в подарок. Просто потому, что я люблю ее. По пути я заехала в торговый центр. Они с мужем предпочитали ароматы унисекс, один на двоих. Поэтому парфюм у них улетал моментально.

Я описала консультанту, что им обычно нравится, и девушка убежала, подобрать мне варианты. Внезапно за спиной раздался женский голос:

— Лен, привет. Я тебя сразу не узнала.

Я обернулась и мрачно посмотрела на нее. Да, что за день-то такой! Как только будет свободная минута, сяду и прочитаю все гороскопы на сегодня. И в каком будет совет, что мне надо было провести весь день в бункере, никому не открывать дверь и не брать трубку телефона, тот и буду читать всю оставшуюся жизнь, строго соблюдая все рекомендации.

— Привет, Ирин, — ответила я лучшей подружке Виты.

Несколько секунд мы рассматривали друг друга. Для отдыха я выбрала свой любимый бохо-стиль вместо костюмов и элегантных платьев, и сейчас она с легким пренебрежением осматривала мою длинную юбку, блузку с вышивкой, большую мягкую сумку и многочисленные браслеты.

— А я слышала, что ты со стилистом сейчас одеваешься, — с легкой ухмылкой сказала она.

Ох, Ира, Ира, не в тот день день ты пытаешься меня задеть. Поэтому я пожала плечами и равнодушно ответила:

— Я вижу, ты не особо представляешь работу стилиста. Как жизнь? Чем занимаешься?

Она ошарашенно посмотрела на меня. А что ты ждала, Ира? Что я сейчас буду оправдываться перед тобой? Что я, как и раньше, неуверенная стесняшка?

— Ой, отлично. Я замуж вышла, — она продемонстрировала обручальное кольцо с несколькими камешками в ряд, — Ребенок недавно родился.

Я прекрасно понимала, что это будет абсолютно бессмысленный разговор. Никаких точек соприкосновения у нас нет. Да и мы явно по прежнему недолюбливаем друг друга. Но бежать было некуда, я все еще ждала консультанта с туалетной водой.

— А, так ты из-за ребенка на вечер встреч не пошла.

— Ну да, — она скривила мордочку, — я ж еще кормлю. Я бы давно бросила, но муж категорически против. Не знаю, где он набрался всей этой чепухи. Сейчас отличные смеси. А мне из-за этого из дома не выйти.

Я поняла, что запуталась между «недавно родился» и «давно бы бросила» и уточнила:

— А сколько ребенку?

— Четыре месяца. А я уже практически вернула себе форму! — Она полюбовалась на себя в зеркальные панели.

— Может ты его рано родила? Не нагулялась еще? — я сначала лягнула, а потом начала себя ругать. Вот куда я лезу?

Но, как ни странно, она только обрадовалась вопросу:

— Ой, ну, конечно, я не хотела. Дети — это такое ярмо. Вот сейчас, как привязанная, никуда нормально не выйти, — я посмотрела на пакеты в ее руках. Судя по количеству, после два-три часа привязана она была к торговому центру, — Но разве мужика по другому удержишь?

Я вспомнила свои дела по разводам, но решила, что как-то негуманно говорить ей, что бросают и с детьми, и беременных. И удерживает в браке мужчин что-то другое. Да и мнения моего по этому поводу она не спрашивала. Мы немного поболтали о наших однокурсниках, о самом вечере. И я уже надеялась, что ей наскучил разговор, но тут она добавила:

— Я может бы и сбежала бы из дома. Ну, подумаешь, мой поорал бы и успокоился. Но Витка тоже решила не ехать. У нее муж просто кошмар, такой тиран.

Я не хотела слушать про Виту. Я решила что-то ляпнуть на прощание и уйти, но в этот момент подбежала девушка-продавщица с несколькими флакончиками. Она сунула мне их в руки и сказала, что сейчас принесет еще несколько. Пока я брызгала их на тестеры, Ира продолжала трещать над ухом:

— После того, как Шумский с ней так поступил...

— Ир, я знаю ситуацию, — оборвала я ее. Правда это ничуть ее не смутило.

— Ну да, лоханулась она тогда.

Лоханулась? Это теперь так называется? Потом я поняла, что для Иры ошибкой было не то, что Вита крутила с двумя мужиками, а то что ее поймали на этом.

— Представляешь, ее директор фирмы поставил на свое место сыночка, а сам куда-то свалил. Ну и у Витки с этим парнем роман закрутился. И не знаю, чем он так хорош был, денег у него немного было, но она влюбилась по уши. Они даже собирались пожениться. Но тут приехал его папаша и что-то там наговорил, что свадьбу отменили.

— Может рассказал, что Вита и с ним встречалась?

— Думаешь? Но это когда было!

— Ну да, фактор времени тут решающий.

Но похоже мой сарказм прошел незамеченным.

— В общем, она так рыдала, так рыдала. Потом с горя вышла замуж за первого встречного, кто подкатил. Нет, мужик нормальный. Бизнес у него очень даже. Машину сразу ей нормальную купил. Не то, что мне. Пока не родила, на беже вшивой пришлось кататься, — бедняжка Ирина. Правда, думаю, БМВ не была такой уж плохой машиной, пока Вите не подарили что-то лучше, — а потом мужик уперся, что нужен ребенок. А у Витки из-за того аборта проблемы теперь. Она никак не может забеременеть. Таскается по врачам, куча процедур, пропускать она их не хочет. Ну это правильно. Забеременеть ей очень надо. Где она еще мужика такого найдет. Все-таки уже не двадцать. А им всем помоложе подавай. Муж ее уже и погуливать начал. Ну, что они все к детям прицепились. Если нет детей, то уже и не женщина?

Я закончила выбирать аромат, отобрала два флакончика и уже оплачивала подарок, поэтому рассеянно произнесла:

— Если мужчина любит, то будет нужна такая, какая есть. А если вкладывает деньги, то что-то хочет за них получить. Вита, значит, не оправдала ожидания...

— А я вот сразу забеременела, как мы решили ребенка завести, — Ира очень гордилась, что обошла подругу.

Я скомкано попрощалась и сбежала, хотя Ирина предлагала попить кофе и пообщаться дальше. Похоже, она была готова цепляться за кого угодно, лишь бы не возвращаться домой.

Но с одной стороны, я действительно торопилась. Мне еще ехать несколько часов. А с другой... Меня всю трясло. Я безумно, бешено злилась. На себя.

— Дура! Дура! Почему я такая дура! — бурчала я сама себе под нос, сидя на стоянке, — А еще всегда своей разумностью гордилась. Рассудительностью. Знанием психологии. Умением анализировать!

Я стукнула кулаком по рулю. Как я могла не замечать очевидного? Ну, ладно в семнадцать. Но я же вплоть до сегодняшнего дня продолжала так думать.

Я начала глубоко дышать, чтобы взять себя в руки и привести мысли в порядок.

Будет неправдой сказать, что все изменил разговор с Ириной. Он был последней каплей в чаше счастливых случайностей, которые сначала выглядели как катастрофа. Соломинкой, которая переломила хребет верблюду моего упрямства и внутренних заборов. Дело было во всех событиях, что происходили со мной, начиная с пятницы. В признаниях Шумского, разговорах на вечере встреч, беседой с судьей, в скандале с Лерчиком. Они долбили молотками то, что я считала витражом моей жизни. А на самом деле это был мой стеклянный потолок. И вот прилетел маленький камушек в виде Иры. Дзынь! И все разлетелось на мелкие осколки. А теперь мне надо было сложить их снова. Но теперь получалась совсем другая картина.

Когда я пришла в институт 10 лет назад, я оказалась среди богинь. Они были безупречны. Ухоженные, роскошно одеты, идеально покрашены. Они были яркие, смелые, уверенные. Они уже много, где побывали. И много с кем побывали. Искушенные, циничные, отвязные. Мальчики кружились вокруг них словно мошки вокруг свечи. И, конечно, рядом с Шумским тоже были эти феи. С ними он бесстыже флиртовал, с ними он тискался на переменах, с ними уезжал после занятий. Поэтому, когда в тот злополучный день дверь квартиры мне открыла Вита, я сдалась. Выбор между задолбанной жизнью мной и фарфорой куколкой, казалось, был очевиден.

Почему я не хотела замечать других фактов? Что, учась в обычной школе, а не в дорогой и престижной, как они, я смогла набрать больше баллов на ЕГЭ и поступить на бюджет. Я восхищалась и завидовала их красивым выступлениям, они умели остро вести дискуссию, едкими словами, мимикой, интонациями сбивали меня с толку, заставляя тушеваться. Но я всегда брала верх аргументами и знаниями законов. Правда, даже когда выигрывала, то в душе продолжала себя ругать за недостаточно эффектную работу, так и не сумев насладиться победой.

Они были восхитительны, но это меня готовы были ждать несколько лет до свадьбы. Это осознание так накрыло меня, что я, смеясь, вслух произнесла:

— Спасибо тебе, Игорь! Спасибо! Благодаря тебе, моя самооценка всегда будет выкарабкиваться из самой страшной ямы.

Они были шикарны, но самый долгий роман до меня у Шумского был три-четыре месяца. А со мной он встречался год и потом женился.

Я приняла обертку за внутреннее содержание. Их искушенность, цинизм, лоск неразрывно сплелись в моей голове с уверенностью, успехом, привлекательностью. И я считала, что если нет первых качеств, то не будет и второй половины.

Тогда, десять лет назад, было нормально считать их опытнее, в чем-то умнее, искуснее. Но я уже давно должна была понять какими пустыми, пафосными фразами они бросались. Сколько наигранности и глупости было в их разочарованности и пресыщенности жизнью.

Маленькие девочки, которые старательно играли роль роковых соблазнительниц.

Они никогда не были такими прекрасными и недостижимыми, какими я сделала их в своей голове. Я славно пообщалась со многими однокурсницами на вечере встреч. Злые, добрые, честные, хитрые, простые, заносчивые, веселые, нудные. Обычные люди, такие как и везде.

А я... Это я. Я впервые в жизни почувствовала себя классной, обалденной, потрясающей. И ради меня мужчины готовы убить дракона, а клиенты выложить кругленькую сумму. Может не все на земле так готовы поступить, но их явно гораздо больше, чем я раньше замечала. Осталось только разрешить это себе и им.

Я уже подъезжала ко МКАДу, мне надо проехать по нему несколько десятков километров, и свернуть на дорогу к Лерчику. Вот только, если ехать в новую жизнь, то хочется основательно закрыть дверь в старую. Я не хочу, чтобы всю жизнь в уголке души злобный грызун неизвестности терзал меня вопросом:

— А что все-таки произошло? Почему он так поступил?

Да и права Лерчик, я сама всегда декларировала, что надо выслушать обе стороны. Вот прекрасный шанс проверить свои принципы в деле.

Конечно, было большое искушение просто позвонить. Но так труднее понять насколько человек говорит правду. И легко проявить трусость и закончить разговор нажатием кнопки, не дослушав. Нет. У меня сейчас достаточно сил, чтобы потребовать смотреть мне в глаза и говорить правду. И если мне не понравится то, что я увижу и услышу, я закачу ему такой скандал, что он год от соседей прятаться будет! Поэтому я поехала прямо в московскую квартиру Шумского.

Адрес квартиры я помнила и, хвала навигатору, добралась довольно легко. О чем я не подумала, так это о том, что если Дмитрий собрался жениться, то, наверняка, уже живет со своей будущей женой. Эта запоздалая мысль мелькнула у меня, когда дверь открыла заплаканная темноволосая девушка, с разводам туши на щеках и бутылкой вина в руке.

Некоторое время мы рассматривали друг друга. Она оказалась хорошенькая, стройная, с бархатистой кожей и миндалевидными карими глазами, только сейчас они были покрасневшие и опухшие.

— Ты Лена? — спросила она. Я очень растерялась. Я не готовилась к выяснению отношений и точно никогда не буду собачиться из-за мужчины. Но мой ответ ей не требовался, — Ну почему ты? Ты же... обычная. Я бы поняла, если бы это была красавица с обложки. Это можно хоть как-то объяснить. Мне было бы легче.

Я вспомнила идеальную холеную Виту и честно ответила:

— Нет. Это так не работает.

Она всхлипнула в ответ и распахнула дверь, коротко скомандовав:

— Заходи.

Сбежать было минимум глупо, хотя очень хотелось. Я зашла в квартиру, которую оказалось помнила до мелочей. Было удивительно, что за пять лет в ней почти ничего не поменялось. Я все ждала, что сейчас выйдет Дмитрий и разговор превратится в балаган. Но в квартире стояла полная тишина.

Девушка прошла в гостиную и плюхнулась на диван, а я напряженно села в кресло, не зная чего ждать. На некоторое время она замерла, уставившись в одну точку, затем сказала:

— Я Аня.

Я кивнула в ответ. Говорить что-то типа «очень приятно» казалось неуместным. Но долго я не выдержала и спросила:

— А где Дмитрий?

— Ушел, — пробормотала она, а затем продолжила, все больше заливаясь слезами, — Совсем ушел. Он меня бросил. Сказал, что свадьбы не будет. Это неправильно, видите ли, если он будет жить со мной, а думать все время о другой женщине. Я достойна большего. Он не может так со мной поступить. Бросить меня за несколько дней до свадьбы может, а вот так не может!

— Мне жаль. Я не знала, что у него кто-то есть. Я бы никогда не стала...

Она перебила меня:

— Знаю. Не важно, — похоже ей действительно было все равно, что бы я не сказала. Ей хотелось выговориться самой, а не слушать других, — Сказал, что найдет мне хорошую работу и оплатит квартиру на год. Но мне нужно не это. Мне нужен он, дом, семья, дети.

— А ты что, осталась бы с ним, после того всего, что он наговорил?

Она бросила на меня злой взгляд:

— Я бы все сделала, чтобы он тебя забыл! Я была бы самой лучшей женой. Он бы понял... почувствовал... — она сделала затяжной глоток из бутылки.

Я пожала плечами:

— Я как-то не замечала, что брак что-то меняет. Мы же остаемся теми же самими.

— Ты ничего не понимаешь! Я так старалась. Я всегда замечала, что ему нравится. Что он любит есть. Что из одежды он хвалит. Какие книги он читает. Какие фильмы он смотрит. В какие города он хочет поехать. Наше свадебное путешествие было бы воплощение мечты.

Вроде она говорила правильные вещи. Для нормальных отношений нужно интересоваться вкусами, желаниями, делами любимого человека. Вот только был в ее словах

какой-то перекося. И я спросила:

— А он тобой также интересовался?

— Давай не будем сравнивать кто он и кто я, — прошипела она с раздражением, отчего я еще больше выпала в осадок, — Я прекрасно понимала, что мне надо будет соответствовать его уровню.

Я теребила ремешок сумки и пыталась понять, а об одном человеке ли мы разговариваем. Шумский был далеко не идеал. Иногда безалаберный, увлекающийся и быстро остывающий, рискованный, вспыльчивый, любящий покрасоваться и распускать перья как павлин. Но он точно никогда не был заносчивым снобом, который будет выставлять женщине планку и требовать, чтобы она чему-то там соответствовала. Тогда, как понять ее слова?

— Ты так сильно его любишь? — решила узнать я, почему-то очень боясь ее ответа. Казалось, бы какая мне разница? Она то ли удачливая соперница, то ли проигравшая. Но мне все равно было ее жалко. Я знала, каково это, когда для тебя мужчина весь мир, а ты оказываешься ему не нужна.

— Давай без этой сентиментальной чуши, которую эксплуатирует шоу-бизнес. Любви нет. Есть уважение, дружба, привязанность. Вот это испытывал каждый человек, это настоящие чувства, — она пыталась быть снисходительной. Но меня больше не обманешь наигранным цинизмом. Да к тому же я знала, кто вложил ей в голову эти слова. По-видимому, выражение моего лица было очень говорящим, потому что она стусевалась. И, обхватив голову руками, продолжила, — Он самый лучший. Молодой, красивый, умный, добрый, веселый, богатый. Таких больше нет.

— Угу. Потому что мало того, что трудно найти богатого, так они еще сплошняком старые, страшные, толстые и не хотят делиться деньгами, — произнесла я с большим сарказмом, чем хотела.

— Ой, когда будто тебе не хочется сидеть дома и радоваться жизни, — вскипела она.

Я пожала плечами:

— Я люблю свою работу. И не планирую ее бросать, за кого бы я не вышла замуж.

Она сдулась и снова стала тихо всхлипывать:

— Мне тоже нравится работа. Я и Димой по настоящему увлеклась, когда увидела как он выступает. Он умеет зажечь. Мне было с ним так интересно. Когда он мне предложил, после практики прийти к ним работать, я сразу поняла, что это судьба. Мы с ним созданы друг для друга. Будем всегда вместе. Общее дело, общие увлечения.

Я поняла, что теперь мне еще больше нужно поговорить с Димой. Поэтому я решила:

— Где он сейчас?

Она посмотрела на меня, прищутив глаза и кривя губы, а потом зло рассмеялась:

— Не скажу. Я вот посмотрела на тебя и поняла, что у меня еще есть шанс. Просто прекрасный шанс. Я лучше тебя во всем. Я моложе. И фигура у меня лучше. И я знаю, все до мелочей, что он любит, а ты нет. Я его прощу. Скажу, что согласна отменить свадьбу, если он так хочет. Окружу его такой заботой, что он свое имя забудет, не то что твое. Ему будет со мной так хорошо, что ему кроме меня никто не будет нужен.

— Шанс на что? Сделать его счастливым, вне зависимости от того, что он сам хочет? Шанс отказаться теперь уж точно от всех своих желаний и интересов, чтобы стать максимально никакой? Шанс впихнуть Шумского в свои представления об идеальной семье, несмотря на то, любит он тебя или другую?

— Любит, любит... Никого он не любит! — завизжала она, — Сколько раз тебе это говорить?! Он хоть раз признавался тебе в любви?

— Да, — я развела руками, — и тогда, и сейчас.

Аня неверяще посмотрела на меня:

— Но почему? Почему ты, а не я? Я лучше!

— Я не знаю. Может потому, что мы не решаем кого полюбить, это просто происходит с нами.

Она снова хотела отхлебнуть из бутылки, но та была пустая. Тогда она уронила ее на пол и полезла в бар, где был только виски. Девушка истерично рассмеялась и начала откручивать пробку. Но я не собиралась оставлять после себя дымящиеся развалины и остывающие трупы, поэтому после недолгой битвы, отобрала бутылку и вылила алкоголь в раковину на кухне. На полу я увидела еще пустую бутылку и поняла, что все делаю правильно.

Аня пыталась ругаться:

— Что ты творишь?! Ты тут еще не хозяйка! Ты вообще представляешь сколько оно стоило?!

— Нет. Не знаю, сколько оно стоит. Но что я точно знаю, так это то, что не стоит впадать в алкогольную кому из-за человека, которому ни разу не захотелось признаться в любви.

Я заставила ее позвонить подруге и попросить приехать к ней, потому что боялась оставлять одну. Мы вяло переругивались в ожидании подруги, а внутри меня бесились два демона. Один подбивал ехидно сказать, что новое поколение совсем пить не умеет, чем они только в институте занимались? Второй демон орал, что какая, на фиг, молодежь? Эта наглая девица может хамить сколько угодно, что она моложе, но между нами только три-четыре года разницы, и мы, практически, ровесницы.

К сожалению, озвучить любого из демонов было неуместно, поэтому когда Аня заговорила, я была только рада, что она отвлекла меня от этих мыслей:

— Что я скажу гостям?

— Пфф... Да что хочешь, то и говори. Кто ж тебя опровергнуть сможет? Не будет настроения придумывать, таинственно скажи «Это не моя тайна». Пусть они на умрут от любопытства, а ты будешь загадочно улыбаться.

— Надо мной все будут смеяться, — всхлипнула она.

— Как говорится, пусть лучше смеются, чем над тобой будут плакать.

В это время в домофон позвонили, и я с облегчением стала собираться. Но мне в спину прилетел вопрос.

— Вот ты говоришь, все решено за нас. А если я полюблю какого-нибудь неудачника? И что? Я буду всю жизнь страдать?

Подумав несколько секунд, я честно ей ответила:

— Аня, если такая девушка как ты, полюбит парня, это стопроцентно означает, что он крайне везучий сукин сын.

А умение быть счастливым, это отдельный вид искусства, и каждый осваивает его сам. Но этот путь ей придется пройти самостоятельно.

Пока я спускалась и выезжала со стоянки, я размышляла о том, как хорошо, что в свое время маме не удалось уговорить меня поступать в педагогический. Все-таки воспитание наивных, но самоуверенных девиц — это не мое. Столько сил вытягивает, ужас просто.

И, конечно, мне надо найти и поговорить с Шумским. Все-таки к нему много, очень много вопросов. Я даже набрала его номер, но абонент был недоступен. Чему я малодушно обрадовалась. Мне надо привести мысли мысли в порядок. Все происходит слишком. Слишком быстро, слишком ярко, слишком эмоционально. Поэтому я поехала к Лерчику.

Дорога — это прекрасное место, чтобы все расставить по полочкам. Особенно если выключить музыку и дать побыть себе в тишине. Выслушать голоса в своей голове: совесть, интуицию, надежду, опыт, желания. Понять, наконец-то, кто и что говорит. А то часто уверена, что говорил опыт, а это говорил страх. Или идешь за голосом моды, думая, что это был голос твоих желаний.

Я слушала сейчас сама себя и думала, думала, думала. Мой мир опять подпрыгнул и разрушил то, что я возвела в ранг незыблемой истины. И Дмитрий оказался не такой уж скотиной. Хотя невеста была! И я это так не оставлю.

Калейдоскоп жизни повернулся, и картинка сложилась другая. Наверно, стоит принять, что так будет происходить всегда. Конечно, меняется не окружающий мир, а наш взгляд на него. Мы очень любим считать себя объективными, но это не так. Мы видим людей через призму наших страхов, обид, надежд, желаний. Мы толкуем их слова и поступки в своей голове, и это может иметь мало отношения к реальности. Поэтому важно разговаривать. Не факт, конечно, что другой человек скажет правду. Но спросить все равно лучше.

Но я забыла, что Вселенная слышит наши зароки и обеты и всегда дает шанс их исполнить. Поэтому, когда я зашла в дом к Лерчику, то единственный человек, который меня встречал, был Дмитрий.

Дмитрий

В окно я видел, как Лена подъехала, припарковалась под навес, осмотрела двор и даже потрогала гамак. Она выглядела взъерошенной и растерянно улыбалась. А еще... она снова была другой. Почти такой, как раньше. Когда я влюбился в нее. В длинной юбке, с какими-то смешными заколками в волосах. Она была мягкой, нежной, женственной, и в тоже время яркой, нестандартной, непонятной моему мужскому мозгу. И очень беззащитной. Мне так хотелось ее обнять и спрятать от всего мира.

Я понимал, что у нас сейчас будет очень, очень сложный разговор. Но это был процесс, который я должен выиграть любой ценой. Не у Лены. У судьбы.

Когда я расстался с Витой, то поклялся самому себе, что больше не влипну в отношения с женщиной, которую я не буду уважать. Моя цель — нормальная семья. Одна на всю жизнь.

И несколько лет я проводил кастинг на роль жены. Шутка. Почти шутка. Я встречался со многими женщинами. Опыт с Витой был болезненный, но полезный. Охотниц за деньгами я распознавал с лету. Их было много, но нормальных девушек больше. Вот только, как оказалось, даже когда ты знаешь много замечательных девушек и женщин. Этого очень мало, чтобы тебе захотелось на ком-то жениться.

В отношениях всегда наступает момент, когда надо идти дальше. Или жениться, или расставаться. Но... Все было не то. Поэтому или я уходил, или меня бросали.

И нет. Меня это не расстраивало. Мне было двадцать семь. В брак я особо не торопился, предпочитая строить карьеру. Окружающим я говорил, что закладываю фундамент для будущей семьи. Это было правдой, с одной стороны. С другой, жизнь холостяка меня полностью устраивала. Девушки были, бытовые проблемы решались за деньги. Что еще надо?

А потом к нам на работу пришли стажеры. Среди толпы, мечтающей только об одном, чтобы их отпустили пораньше, Аня выделялась как маяк на голом острове. Она активно бралась за любую работу, она интересовалась тонкостями, у нее были крепкие знания, и она искренне любила юриспруденцию. Поэтому когда закончилась практика, я поговорил с главным и позвал ее к себе помощницей.

Сначала у нас были исключительно деловые отношения. Но когда вы с женщиной проводите много времени вместе, причем замечу с молодой, красивой, эффектной женщиной, то в какой-то момент вы по-любому сближаетесь. Мы оба были свободны, так что когда однажды проснулись в одной постели, это устроило нас обоих. Также незаметно и естественно Аня переехала жить ко мне.

И через несколько месяцев я задумался, а что я ищу? И найду ли я кого-нибудь лучше нее? Она красива, умна, заботлива, с хорошим чувством юмора, отзывчивая любовница. Это же именно то, что все мужчины хотят видеть в женах.

Я сделал ей предложение. Она была счастлива, я доволен. Была только пара досадных мелочей.

Когда мы только начали встречаться, я познакомил Аню с родителями. И мы уже уезжали, как вдруг отец буркнул так, что слышал только я:

— Мы в жизни любим только раз, а после ищем лишь похожих.

Я уже давно привык к его подколкам и вечному недовольствию мной, поэтому

пропустил мимо ушей, не желая углубляться, что я опять сделал не так.

Но потом весной в гости приехала мама. Мы рассказали ей, что планируем свадьбу летом, и получили порцию вежливых сдержанных поздравлений. Поэтому когда я пошел ее провожать, в лоб спросил:

— Что не так? Тебе не нравится Аня?

— Хорошая девочка, — спокойно ответила мама, — осталось только немного осветлить волосы и бисерные фенечки надеть.

— Она не Лена, — разозлился я, — у них нет ничего общего.

Мама только смахнула с моего плеча невидимую соринку и мягко сказала:

— Вот и не забывай об этом.

Как же я бесился, как возмущался, как злился. Мы развелись с Леной хрен знает когда. Зачем меня попрекать неудавшимся браком? И нет между Леной и Аней ничего общего. Даже типаж абсолютно разный. Я уже все давно забыл. У меня другая жизнь. Я продумывал сотни умных, язвительных аргументов, чтобы каждый кто заикнется про Лену, об этом пожалел. Но никто больше не вспоминал. Даже обидно. Я же так старался.

Когда уже оставалось совсем ничего до моей свадьбы, ко мне подошел наш главный. Немного помявшись, что за ним сроду не водилось, он сказал:

— Там сейчас девушка подойдет, давай, займись ею.

Я удивленно поднял брови:

— Я сейчас не беру новые дела. Вы ж знаете, я скоро в отпуск. Поручите еще кому-нибудь.

— Она из твоего города. Ты там лучше разберешься. И друзья подскажут, если что.

Когда я узнал, что это вдобавок элементарный раздел имущества, я чуть не задохнулся от бешенства:

— Да я на него день потрачу. Я за это время здесь в пять раз больше получу. Там что юристы закончились? Пусть едет обратно.

— За нее попросили очень уважаемые люди. Так что отказать мы не можем. Заодно и семью навестишь. Кстати, отцу привет передавай.

После того, как мне откровенно намекнули, что вначале меня тоже взяли по просьбе уважаемых людей, пора бы должок отработать, мне ничего не оставалось делать, как хотя бы поговорить с клиенткой. Она оказалась тупой как пробка и безумно жадной. При этом абсолютно уверенной, что я буду помогать ей бесплатно, сраженный ее красотой и четвертым размером груди. Я уже был готов озвучить размер гонорара, который навсегда отобьет охоту обращаться к московским адвокатам, когда эта птичка-умом невеличка прощбетала:

— Ой, надо же. А у моего козла адвокат с такой же фамилией, представляете? Шумская.

Конечно же, я согласился вести это дело. Мне было любопытно, какая она стала. Я мечтал, чтобы она поняла, что потеряла. Увидела, что я теперь намного круче ее. Чтобы она кусала локти. А еще, чтобы доказать всем, что Елена Александровна Шумская мне уже ст лет как не нужна.

Вот хорошо будет заехать вечером к родителям, и невзначай сказать:

— Представляете, захожу в зал, а там Ленка. Нормуль пообщались. Неплохо выглядит. Хотя не представляю, что я в ней тогда нашел. Она вам, кстати, привет передавала.

Хороший же план. Который, правда, рухнул на первой минуте.

Начиная с того, что Лена ни восхищения, ни зависти, ни радости при моем появлении не показала. И в заседании эта язва мне ни в чем не уступала. В душе я рвал и метал. Самоуверенная стерва. Я должен был выиграть это дело. Доказать ей, что я лучше. Даже не задумываясь лучше кого. Лучше всех!

А потом эта встреча во дворе. И врать себе, что она просто возбуждает меня, потому что красивая женщина, становилось все труднее. Сначала я не понимал, что происходит. Мне нужно было куда-то бежать, что-то делать. У меня было чувство, что я что-то забыл или куда-то опаздываю. Я все время возвращался мыслями к Лене, но в голове был полный разлад. Как будто в голове оркестр настраивал инструменты перед спектаклем. Полная какофония.

Но мы встретились в кафе и в мою голову вернулись покой и гармония. Мне стало понятно, о чем говорили родители и что происходило со мной.

Как не стыдно об этом вспоминать, но я действительно пытался обтесать Аню под Лену. Неосознанно, но что это меняет? Можно дарить духи, книги, украшения. Можно хвалить определенный стиль в одежде. Можно много чего делать. Я действовал искренне. Я дарил вещи, которые мне нравились, а вот почему они мне нравились, я не задумывался.

Вот только было две проблемы. Аня этого не заслуживала. Она хороший человек, интересная личность. Наверное. Я даже не знаю нравилось ли то, что я ей дарил. Я особо и не знаю про нее ничего. Я провел рядом с ней год, я собирался на ней жениться, но я ничего не знал о ней. И это говорит о наших отношениях всё.

А вторая проблема, это то, что имитация не может стопроцентно заменить подлинник. Лена могла одеваться как угодно, она могла злиться или спорить со мной до бесконечности, она могла быть равнодушной или насмешливой, но рядом с ней я был в сотни раз счастливее. Просто потому, что она есть. Просто потому, что она рядом.

Еще сидя в кафе, я точно понял, что никогда не женюсь на Ане. Она правда очень хороший человек. Если бы я никогда не встречал Лену, то Аня была бы для меня идеальной женой. И мы наверное прожили бы до конца дней вместе. Я бы по тихому изменял. Потому что мне всю жизнь чего-то не хватало. Какой-то маленькой детали. Она возможно тоже. А может быть хранила верность и страдала, что я не ценю ее.

Но если бы я, после встречи с Леной, вернулся к своей обычной жизни и все-таки женился бы на ней, было бы в сто раз хуже. Потому что я бы абсолютно точно знал, что мне нужно. Аня же мне этого никогда дать не сможет. Она не сможет стать Леной, сколько бы мы оба не старались.

А если в браке несчастлив один супруг, второй счастливым тоже никогда не станет.

Когда я вечером приехал к родителям и объявил, что свадьбы не будет, я ожидал скандала и обвинений в безответственности. Мне было все равно. Но это было не равнодушие или дерзость, как раньше. Я знал, что это самое правильное решение из всех. Единственно правильное.

Но родители переглянулись, долго смотрели на друг друга, а потом отец совершенно спокойно сказал:

— А ты ее уже видел?

— Аню?

— Лену, — он усмехнулся, а я почувствовал себя школьником. Неужели все настолько очевидно?

— Ну, кмх... Мы сегодня были в одном заседании...

— Она знает?

Я отрицательно покачал головой.

— А если она тебя пошлет? Может лучше синица?

Я крутил ключи в руках и пытался выразить все то, что чувствовал. Что, конечно, могу прожить без Лены, как-то пять лет я это делал. Но я не хочу. Я хочу каждый день рассказывать ей, как прошел день. И слушать ее подколки. Что мне важно, что Лена думает обо мне. Что я всю свою жизнь строил с расчетом, что сказала бы об этом Лена. Я хочу каждую секунду знать, что с ней все в порядке. Что у меня сносит крышу при мысли о том, что сейчас она может трогать другого мужчину. А должна прикасаться только ко мне. Что у нее может быть есть парень, да хоть гарем, он очень скоро будет в прошлом. Я не знаю, почему я в себе так уверен. Но я готов сражаться за нас со всем миром.

Но как рассказать это родителям?

— Я рискну, — все, что смог ответить я.

И я ринулся в бой. Вижу цель, не вижу препятствий. Это про меня, да. Я не мог просто так отпустить ее в отпуск. Мало ли кого она там встретит? Будет ли у меня еще шанс?

И все получилось. Я готов был орать от счастья на весь мир. Все эти игры в догонялки только добавляли острых ощущений. Я и не ждал, что будет легко и сразу. Чтобы Лена не говорила, я чувствовал, что она меня еще любит. И значит мы со всем справимся.

Но чем ближе подходил момент возвращения домой, тем чаще всплывали в голове мысли об Ане.

Сначала я думал, что все будет просто. Пункт один — я расстаюсь с Аней. Пункт два — я возвращаю себе Лену. Пункт три — дальше все будет хорошо. Идеальный же план. Что могло пойти не так?

Решение расстаться я принял. Только вот, что именно делать дальше? Вариантов было два. Позвонить Ане по телефону. Или все сказать при личной встрече.

Я даже набрал ей, но... По телефону был бы полный зашквар. Нельзя так с человеком. «Знаешь, милая, я тут встретил бывшую жену и понял, что всю жизнь любил только ее. Ну все, пока». Так что ли? Оне не сделала мне ничего плохого, Милая, добрая девочка. Которая не виновата в том, что у нас не сложилось с Леной в первый раз. Которая не виновата в том, что я не могу жить без другой женщины. Которая заслуживает элементарного уважения. Ну и возможности дать мне по морде за все это.

Возвращаться в Москву, чтобы сначала расстаться с Аней, означало, что я могу упустить Лену. Она могла удрать в свой отпуск, и я даже не знал тогда куда именно. А отпуск это пляжи, ее соблазнительная фигура в купальнике, вечеринки, танцы. Знаю я, чем это может закончиться.

Рассказать все Лене, когда мы отчаянно выясняли отношения? Когда она усердно доказывала мне, что мы не можем начать все сначала. Это прям гарантированно стопроцентно подтвердить ее слова. Меня бы послали тут же. Далеко и надолго.

Открыться, когда у нас только-только началось налаживаться? А вот тут было уже, конечно, пятьдесят на пятьдесят. Или все, опять-таки, летит к чертям, или откладывается.

А я больше не мог ждать. Как будто, я все эти годы жил, задержав дыхание. А тут начал дышать полной грудью. Вынырнул и теперь захлебываюсь кислородом. И сама мысль, что снова надо будет задержать дыхание, вгоняет в панику. Я не смогу. Не сейчас.

Лена нужна мне как воздух. Звучит так избито. Это как в детстве, смотришь в кино сцены про любовь или смерть. И такой:

— Фуууу. Ну, что за сопли!

А потом, когда в первый раз влюбишься или потеряешь близкого, то накрывает:

— Так вот про что это было!

Потому что без нее не жизнь. Выживание. Существование. Имитация.

Я должен был почувствовать, что она не глюк, не фантазия. Что она рядом со мной. Потерять ее в одном шаге от себя было не выносимо.

Вот только после того, как мы переспали, легче не стало. Жгучее желание перестало туманить разум, в просветлевшую голову достучалась мысль, что сейчас мы в той же самой ситуации, которая была пять лет назад. Есть мои отношения с Леной и есть девушка в Москве. Только в этот раз Аня действительно со мной живет Во всех смыслах этого слова. И, если Лена об этом узнает, мне кранты.

Я несколько раз хотел объясниться, все рассказать. Но мне еще никогда не было так страшно. Вдруг она не поверит мне? Она жила с мыслями об измене все эти годы. Она так боится начать снова. И тут, первым делом, получается, что я ее обманул. Мне прилетит так, что мало не покажется. .Ч.и.т.а.й. .н.а. .К.н.и.г.о.е.д...н.е.т.

Тогда я решил, что лучше будет промолчать. Новый план. Я возвращаюсь в Москву, все объясню Ане, а потом уезжаю к Лене на отдых. Мы договорились, что сначала я буду

приезжать по выходным именно к ней. За это время, я надеялся, Аня сможет переехать на другую квартиру, а клининг вычистит квартиру так, что и намек на другую женщину в моей жизни не останется.

Но что-то не везет мне с планами в последнее время. Хотя, в этом случае, некого винить кроме самого себя.

Дело было в банальной трусости.

Когда я зашел домой, меня встретила абсолютно сияющая Аня, которая начала рассказывать кучу важных подробностей о подготовке к свадьбе. Оказалось очень, очень сложно разрушать чужое счастье. Вот прям смотреть в ее горящие глаза и рубить это все на корню.

И весь разговор, который я придумывал в моей голове по дороге, рассыпался. Надо было как-то по другому. А я не знал как. Не знал как начать, что сказать, как объяснить, что всего, о чем она так мечтала, к чему уже несколько месяцев готовилась, не будет.

И я сбежал. Сказал, что мне надо принять душ после дороги. А мне просто нужна была минутная передышка. Которая, как оказалось, мне слишком дорого стоила.

Я никогда не забуду тот ужас, который я испытал, когда понял, что Аня разговаривала с Леной. Когда услышал, о чем они разговаривают. Я слышал как Лена плачет и кричит, и не мог сделать ничего. Она не слушала меня, я не мог ничего ей объяснить. И напротив меня стояла застывшая Аня с расширенными от непонимания и ужаса глазами.

Потом был тяжелый разговор. Одна часть меня жалела и пыталась утешить несчастную девочку, перед которой я был очень виноват, вторая рвалась к Лене, понимая насколько той плохо сейчас. Я сходил с ума от неизвестности и бессилия.

Аня рыдала:

— Скажи, почему? Что я сделала не так? Дай мне шанс.

А я, наверное, так и не смог найти слов и объяснить, что это и есть шанс. Шанс встретить того, с кем будешь по настоящему счастлива.

И теперь мы с Леной стояли друг напротив друга. Я первый должен начать разговор. Извиниться, объяснить. Но все мысли разбежались по углам. В голове танцевали канкан только две: «Она здесь!» и «Какая же она красивая!».

Все, на что меня хватило, это сказать:

— Кофе?

— Кофе? Тут, правда, неправильная турка. И кофе явно не свежееобжаренный и свежемолотый. Но я очень старался, — Дмитрий был спокоен и, казалось, беспечен. В идеально сидящих брюках, без галстука, белой рубашке, с закатанными по локоть рукавами. На деревенской кухне он был воплощением естественной элегантности и больших денег. Образ немного смягчали тапочки в виде крокодилов. Надо будет расспросить Лерчика, что сделал ее муж, что она так жестоко мстила.

— Как ты меня нашел? — единственное разумное, что я смогла произнести.

Дмитрий разлил кофе по чашкам и поставил их на стол. Мы сели друг напротив друга за маленький стол. Так близко, что я чувствовала его запах с этой дурманящей туалетной водой. Чувствовала, как он двигается, как перекачиваются мышцы под рубашкой, жар его тела, его бешеную энергетiku. Он был как огромная планета. Юпитер, например. Он просто затягивал на свою орбиту. Когда он рядом, его невозможно было игнорировать. Но это не значит, что я не пыталась это сделать.

Я вдыхала аромат кофе, смаковала его вкус, пытаюсь найти в простеньком напитке какие-то ноты. Рассматривала забавную кофейную пару, если поставить блюдца рядом, получалось сердечко. В общем, делала все, чтобы не смотреть на Диму.

Потому что я не знала, как себя вести и что говорить. Потому что я была по детски рада, что он здесь, что он меня нашел, а значит, что все было правдой, и он меня любит. Ну еще потому что я не хотела показывать эту радость, чтобы он не расслаблялся. Не думает же он, что я брошусь ему на шею?

Я бросила на него косой взгляд. Шумский пил кофе, и, прищурившись, смотрел на меня. У него был жадный, наглый, темный взгляд. Как всегда демонстрация уверенности, несокрушимости и успеха. А пальчики-то дрожат.

— Я до тебя не смог дозвониться, — немного осуждающе сказал он. Я вспомнила, что не убрала его из черного списка и неопределенно пожала плечами, — Ты говорила, что поедешь к Лерчику. Сначала я стал названивать твоим знакомым в надежде, что кто-то знает ее адрес. А потом Настя напомнила, что есть интернет и личные страницы. Нашел ее у тебя в друзьях вконтакте, пересмотрел ее фотки, увидел деревню на геометках, сохранил, как выглядит дом. Тут, на месте, уже было делом техники показать его местным, и спросить где он.

Ох уж эти соцсети. Мы сами не понимаем, насколько мы на виду. Но этот разговор помог мне отойти от первого шока и спросить:

— Зачем ты здесь?

— За тобой, — он отодвинул наши чашки и переплел свои пальцы с моими, — Я не могу без тебя. Я слишком сильно тебя люблю.

— Ты мне врал, — я хотела высвободить руки, но он, вроде, мягко их удержал, а сделать я ничего не смогла.

— Я виноват. Прости, — он посмотрел на меня как нашкодивший кот и начал рассказывать про свои отношения с Аней, как он мечтал все разрулить, и как все получилось.

Часть я уже знала, часть подозревала, остальное было интересно послушать. Но как-то проще мне не становилось. Внутри по-прежнему был вулкан эмоций.

Когда он здесь, сидит совсем рядом, я понимаю насколько я его безумно люблю. Вот этого наглого, хитрого, самоуверенного балбеса. И ничего я с этим поделать не могу. Даже если мы не будем вместе, даже если у меня потом будет тысяча мужчин, любить я буду только его. Вот только мое чувство стало взрослее. Теперь я могу любить, и при этом встать и уйти, не оборачиваясь. И продолжать любить его всю жизнь. Меня будет делать счастливой одна мысль, что он где-то живет на свете. И я всеми силами души буду продолжать желать ему счастья.

Моя самооценка сейчас пела и танцевала. Когда мужчина не сдается при первой же неудаче, ищет, мчится за сотни километров, это что-то да значит. Когда он при этом смотрит так влюбленно, нежно и страстно одновременно, то отрастают крылья. Чувствовать себя богиней на пьедестале, которой поклоняются и приносят дары, бесценно. Ах да, я впервые в жизни не стеснялась этого чувства, а наслаждалась им.

Но я все больше и больше злилась. Гнев нарастал во мне как цунами. После всех наших разговоров, обсуждений и обещаний, он надеялся все тайком повернуть. За моей спиной. Ради моего спокойствия!

Если бы у него не промелькнуло, что он понял, что совершил ту же ошибку, что и пять лет назад, я уверена, ничем хорошим наш разговор бы не закончился. Но сейчас у меня была надежда, что он действительно осознал и может быть изменился.

С раздражением я спросила:

— И что ты думаешь делать дальше?

— Я тебя больше никогда не отпущу, — Дима стал целовать мои пальчики, а потом прижал мои ладони к своему лицу и посмотрел мне в глаза, — Я не смогу пройти это еще раз. Не хочу снова искать тебя в каждой женщине. Мне все время казалось, что я слышу твой смех. Но это всегда был кто-то другой, а не ты.

— Как внимателен ты к своим чувствам. А мне-то это зачем? Чтобы каждую минуту гадать, что в этот раз ты скрываешь от меня?

Дима несколько секунд смотрел мне в глаза. А потом жестко произнес:

— Этого больше не повторится! Никогда!

— Оу, клянешься говорить правду, только правду и ничего кроме правды?

Не смотря на злость и гнев, мне было чуть-чуть смешно, легко и радостно. Я знала, по глазам видела, что он сейчас чувствует тоже самое. Конечно, неизвестно до чего мы договоримся, но то, что он сейчас здесь, то, что мы мы разговариваем, то, что какими бы кругами мы по жизни не ходили, все равно встретились, это для нас значило очень много. Как будто вопреки всем законам, пересеклись две параллельные прямые. Сбылось то, что было самой заветной мечтой, спрятанной в самом дальнем уголке души. Потому что мы не верили, что она может осуществиться. У нас появился шанс. А иногда это уже очень много.

А потом он очень серьезно сказал:

— Клянусь! — но он не был бы моим Шумским, если бы не добавил, — Скрепим поцелуем?

— Полегче приятель, — в меня словно вселилось тысяча чертей, Правда очень веселых чертей. Я поняла, что мне надо делать, и предвкушение играло во мне, как тысяча пузырьков шампанского, — ты меня еще ни в чем не убедил. Ты же не думал, что все будет легко? Что ты приедешь, и только за это я упаду тебе в объятия?

— Конечно, не думал, — после секундной паузы ответил Дмитрий. А вот его голос намекнул, что именно на это он и надеялся, — Что ты предлагаешь?

— Я тут подумала, мы же сейчас почти друг друга не знаем. Прошло пять лет. У нас был разный круг знакомых, разная работа, разные интересы. Прежде чем снова быть вместе, нам надо узнать друг друга по лучше. А то может быть ты стал другим человеком, с которым я больше не хочу прожить всю свою жизнь. Думаю, всего этого... — я махнула рукой, намекая на ситуацию с Аней, — не случилось бы, если бы мы побольше пообщались.

— Иииии? — Дима ошутимо напрягся, подозревая, впрочем обосновано, грандиозную подставу.

— Ты можешь поухаживать за мной какое-то время. Знаешь все эти романтические встречи, ужины в ресторане при свечах, походы в театр, прогулки. А потом я приму решение, будем мы встречаться или нет, — я была воплощением открытости, доброжелательности и коварства.

— А какое-то время, это конкретно какое? — бывший муж просто ерзал от нехороших предчувствий.

— Месяца три-четыре, может быть полгода, — я продолжала нежно улыбаться.

— Полгода? — завопил Шумский, — Лена, ты издеваешься?

— Если тебе не подходит, я пойму. Останемся друзьями, — невозмутимо парировала я. Даже не знаю, откуда во мне было столько спокойствия и уверенности. Но я почему-то

знала, что он согласится.

Я искренне хотела узнать Дмитрия лучше после разлуки, я действительно не очень доверяла ему после того, что он натворил, но было еще кое-что. Он никогда меня не добивался. Мы просто начали встречаться, потому что нас тянуло друг к другу. В наше время это необязательный этап отношений, но я же книжный ребенок, который спал в обнимку с «Гордостью и предубеждением» и прочими романами того же толка. Моя мечта о красивых ухаживаниях давно пылилась на дальней полке. Но почему бы не совместить приятное с полезным?

— Лена, а в эти месяцы мы... — протянул Дима.

— Будем разговаривать. Беседовать. Делиться мыслями, чувствами, новостями, в конце концов.

— И что, даже без поцелуев? — не отставал он.

Я неопределенно пожалала плечами. Не буду загонять сама себя в ловушку. Дам пространство для маневра.

В глазах Димы загорелся огонек азарта. Он всегда любил сложные задачи.

— Вызов принят, — ухмыльнулся он, А затем перегнулся через стол и снова серьезно сказал, — Но! Ты тоже поклянешься, что всегда выслушаешь меня, прежде чем принять решение. Выслушаешь до конца. А только потом можешь гоняться с топором, сколько тебе угодно.

— Ой, не надо драматизировать. Никто не гонялся за тобой с топором, — сказала я, подумав, что он намекает как я лупила его шампуром на вечере встреч. Не так уж это было больно, чтобы так накручивать. Но у него стало такое ехидно-скептическое выражение лица, что я уточнила, — Никто ведь не гонялся за тобой с топором?

Дима побарабанил пальцами по столу, выдержав драматическую паузу, а потом небрежно ответил:

— Если не считать твою подругу...

Я подпрыгнула на стуле, быстро проведя ревизию подруг, которые на это способны. Выбор был небольшим.

— Лерчик? Серьезно?

— У вас общая привычка, не дать слова сказать, сразу рубить с плеча.

— Ты же в переносном смысле?

— Про тебя, Лена, в переносном, а вот про нее... — он тяжело вздохнул.

Моя подруга всегда меня яростно защищала. Представив картинку в голове, я хихикнула:

— Хотела бы я на это посмотреть.

— Муженька подружки попроси, — обиженно буркнул Шумский, — он же все это на телефон снимал.

Тут я уже не выдержала и расхохоталась. Дима осуждающе глядел на меня.

— Он что? Ее не останавливал? — я пыталась быть взрослой.

— Лера, не держи так топор. Тебе же неудобно. Возьми за конец рукоятки, — передразнил его Шумский, — Это считается, что он ее останавливал?

Было нехорошо смеяться. Это было злорадство в чистом виде. Но у меня никогда не получилось толком отомстить. Хорошо, что у меня есть Лерчик, и одному наглому врунишке пришлось побегать и понервничать.

— Так что? Клянешься?

А его не так легко увести с мысли. Но он был прав. И для нормальных отношений надо

всегда делать шаги обоим.

— Клянусь, — ответила я.

— Скрепим поцелуем?

— Рукопожатием, — я кремень. Даже если больше всего на свете мне сейчас хочется забраться к нему на колени и срывать рубашку, страстно впиваясь в губы.

Мы пожали руки друг другу. А затем, удерживая мою руку, чтобы я не могла отпрянуть, он наклонился ко мне через стол и коснулся легким мимолетным поцелуем.

А потом, как ни в чем не бывало, направился к плите.

— Я сделаю нам еще кофе. Тут Лерка пирогов оставила. Ты, наверное, проголодалась после дороги. Буду за тобой ухаживать, — заливался этот наглец.

Что ж, нас ждут трудные, но интересные месяцы.

Мои дела потихоньку подталкивали меня к переезду. Суворов прорекламиривал меня среди своих знакомых, а у тех оказалось много споров с московскими контрагентами. Или дела были сложные и на большие суммы, так что приходилось биться до последней инстанции, что тоже все чаще приводило меня в Москву. Дима помогал советом, знакомил с судьями и прочей юридической тусовкой.

Я почти перестала сопротивляться неизбежному и в один прекрасный день встретила Жанну Георгиевну. Она была в широкополой соломенной шляпе и не очень понятной конструкцией в руках.

— В рабочее время вы в городе? Надеюсь все в порядке? — я по настоящему была в шоке. Если этот сухарь и работоголик здесь, причина должна быть уж очень существенной.

— Я ушла в отставку, — гордо объявила она, — Не стала я дожидаться семидесяти. В конце концов, всех денег не заработаешь. Надо же пожить для себя, не так ли?

И не поспоришь. Я промямлила что-то согласное в ответ. Мне тут же сунули деревянную конструкцию в руки и приказали, то есть попросили проводить до остановки. Я, немного подумав, предложила подвезти ее на своей машине. Я была ей благодарна за наш последний разговор и хотела сделать что-то приятное в ответ.

— Уже решили, чем будете заниматься? — спросила чисто из вежливости.

— Ах, — махнула она рукой, — ты знаешь, я же из-за этого и пошла на пенсию. Мне внук подарил сертификат в художественную студию. Сначала я сочла это невероятной глупостью. Но деньги было жалко терять и я сходила на мастер-класс. И я так увлеклась рисованием. Занимаюсь всем. И маслом, и пастелью, и акварелью. Больше всего маслом нравится. Вот сейчас еду на пленэр. И группа у нас такая хорошая подобралась. Сначала, правда, были не очень организованные, то материалы какие-то забывали, то опаздывали, то потом пропускать занятия стали. Но я с каждым поговорила. И теперь все приходят во время и приносят все по списку.

Пока мы ждали ее группу на точке сбора, бывшая судья показала мне фото своих работ. Я искренне их похвалила, и она впервые за все время нашего знакомства засмушалась.

Я была очень рада за нее. Но если когда-нибудь решусь обучаться рисовать, то это будет не мой родной город. Может быть Москва. Или Питер. Владивосток еще хороший город. В общем, подальше от нашей деятельной судьбы. Но все же образцом профессионализма и умением встречать перемены в жизни с открытым забралом, она останется для меня навсегда.

Неожиданным сюрпризом для нас стало, что на вечере встреч горячую ночь провели не только мы с Димой, но и Игорь Васин с Настей. Хотя казалось бы, знакомы сто лет и раньше никогда друг другом не интересовались. Но устав от шума вечеринки, столкнулись в тихом углу и за бокалом вина стали вспоминать студенческие годы. Проговорив несколько часов, каждый посмотрел на собеседника другими глазами. Игорь нашел в Настей свою музу, нежную, воздушную, романтическую и женственную. А Настя увидела не только весельчака и балагура, но и доброго, щедрого, заботливого мужчину.

Лерчик стала успешно развиваться как стилист. Но долго не выдержала, обнаружив в разговорах как ее покупательницы ведут бюджет. Бухгалтер, которого она так долго не любила в себе, от которого так старательно бежала, вылез и стал давать советы в своей

привычной ехидной манере. Она так не любила свою прежнюю работу, ей она казалась скучной и серой, но клиентки слушали ее с открытым ртом. Так что к работе стилиста она добавила консультации по финансовому учету, бюджету, анализу и планированию. А потом призналась мне, что теперь ее жизнь пришла в баланс. Слишком деятельной натуре было скучно заниматься чем-то одним.

Однажды, на пороге моего офиса появилась Ирина. Она сказала, что разводится с мужем и судится из-за ребенка. Он обвинял ее, что она плохо заботится о ребенка. она же доказывала, что он просто не хочет платить алименты. Я отказалась браться за дело, сославшись на переезд, и дала ей рекомендации, кто из коллег может помочь.

Хотя уверена, она сможет обглодать бывшего мужа и без адвоката.

С самого начала, Дмитрий предупредил меня, что будет присматривать за Аней, пока она не встанет на ноги. Судьба делает иногда интересные кульбиты. В той фирме, куда рекомендовал ее Шумский, Аня всю свою злость направила на работу, разнося в судах другую сторону в пух и прах. Оценив хваткую девушку, ее переманили конкуренты, предложив зарплату в два раза больше. Но это начальства смотрит на ум, а коллеги-мужчины, оценив красоту девушки, стали приглашать ее с собой на разные тусовки, в том числе в походы. Лесная романтика Ане не зашла, в отличии от гида-инструктора в этих походах. Через пару лет встреч, Аня намекнула парню, что отношения должны развиваться, и она хочет знать в какую сторону движутся их. Тот помялся и выдал, что не уверен, что сможет содержать такую девушку, как она. Аню ответ взбесил. Ну а кого бы не взбесил?

— Ну так, зарабатывай. Если ты действительно любишь, то может быть нужно сделать немного больше, чем ничего? — спросила она, — Маршруты новые придумать? Корпоративные предложения для тимбилдинга разработать? Красивые места для художников и фотографов подобрать? Или какие-нибудь места силы для эзотериков? Людей нанять, а не самому водить?

И ушла от него. Мозги у парня быстро встали на место, и через пару дней он прибежал:

— А давай вместе?

С ее амбициями и его знаниями, у них получился отличный тандем. Судя по фоткам в соцсетях они очень счастливы.

Удивительным образом как все то, что произошло со мной в те дни, повлияло на меня. Я же внешне осталась та же самая. Но почему-то на мужчин производила совсем другое впечатление. Мне все время говорили комплименты, мужчины при малейшей же возможности бросались мне на помощь. А уж сколько цветов мне дарили!

Договорившись с Шумским быть максимально честными, я не скрывала от него ничего. Наблюдение за тем, как он бесится, при этом старается этого не показать, подчеркивает свои лучшие качества и поносит предполагаемых соперников, доставили мне много приятных минут.

Мне же очень нравилось, какой я стала. И маме нравилось. И подругам. Диме, впрочем, тоже нравилось. И при всей своей ревности, он частенько мне об этом говорил.

Я продержалась... Или его продержала? В общем, три с половиной месяца у нас был период красивых ухаживаний. Серенада под окном, например. Я правда не очень уверена, что «Венец творенья, дивная Елена, вы сладкий сон, вы сладкий сон» была именно серенадой, но я не специалист, поэтому придирается не стала. Зато это представление смотрела с балкона, как и положено даме сердца. Соседи тоже получили удовольствие.

А еще был полет на воздушном шаре, завтрак на крыше, катание на лодке лунной ночью, яичница в виде солнышка или сердечка, ужины с завязанными глазами, смешные записки в неожиданных местах. На этом фоне, то что он на день города пробрался на сцену и ему дали микрофон, что он признался мне в любви, уже почти не казалось подвигом.

Еще три месяца у меня ушло на завершение дел и подготовку к переезду. Приехав в очередной раз, Шумский застал меня в почти опустевшей квартире, среди коробок и пакетов, спокойно восседающий среди всего этого бедлама на кровати с ноутбуком.

— Чем ты так увлеклась, что даже встречать меня не вышла? — плюхнулся рядом он на кровать.

— Думаю, чем буду заниматься после переезда, — я захлопнула ноутбук и посмотрела довольного Дмитрия.

— Не переживай, вокруг тебя будут лучшие юристы, неужели мы не придумаем... — я продолжала на него смотреть, — Ты уже нашла, да?

— Угу, — кивнула я, — есть один интересный проект.

— У нас не такой большой выбор с чем можно совмещать. Образование, творчество, наука?

— В большей степени образование, но кто уже занимался говорят, что творчества там до фига.

— Хочешь курсы какие-нибудь запилить?

Я встала, разминая затекшие ноги, оказывается я так долго просидела:

— Не, в другой области.

— Ты вообще хочешь на это переключиться или будешь совмещать?

— Ну, первое время, пока не встанем на ноги, буду все время уделять, потом надеюсь совмещать, — и пошла на кухню, поставить греться предусмотрительно неупакованный чайник.

— Это так надолго? — крикнул вослед мне Шумский.

— До восемнадцати лет, а если пойдет в институт, то еще дольше.

Из спальни раздался грохот, похоже Дима рухнул с кровати. Мужчины такие ранимые.

P. S.

Спустя 6 месяцев.

Я гуляла по магазинам duty free, лениво ожидая нашего рейса, пока на одной из полочек не заметила квадратный флакон любимой Диминой туалетной воды. Муж тотчас нарисовался за моей спиной, обнимая ладонями за уже сильно выступающий живот. Его приводило просто в щенячий восторг, когда он чувствовал, как пинается ребенок. Так как мне иногда доставалось по довольно чувствительным точкам, это уже столько радости не приносило.

— О, давай купим. А то у меня уже почти закончилось все, — обрадовался Шумский. А подумав добавил. — Даже две. Все равно мне больше ничего не нравится.

— Как ты только ее нашел, такую чудесную? — усмехнулась я.

— Ты не поверишь. То как я ее нашел, это очень смешно. Я не помню, кто ее подарил. Наверное, кто-то из клиентов. И, я сильно подозреваю, когда пришел домой навеселе, ну был такой печальный период, засунул в первое попавшееся место и забыл. И вот однажды разгребаю я...

— Коробки с обувью? — перебила я его, в шоке от охвативших меня воспоминаний.

— А ты откуда знаешь? — Дима заглянул мне в глаза.

А я наконец-то ее вспомнила. Как искала подарок на Новый год. Как потратила половину своей небольшой зарплаты, на запах который меня очаровал. И как спрятала флакон до праздника среди коробок с обувью, уверенная, что Дима туда не полезет.

Дима слушал меня, обнимая меня и целуя в висок. В нем было столько нежности.

— Ладно, — решительно взяла две коробочки и вложила ему в руки, — Иди оплачивай. Рейс уже скоро.

Я постояла еще несколько секунд, подумывая, что приобрести себе, когда почувствовала чей-то взгляд. Обернувшись, я увидела женщину с напряженно смотрящую прямо на меня. Сначала я ее не узнала. А потом поняла, что это Вита.

Надо же было встретиться за тысячу километров от Москвы. Мы не отрываясь смотрели друг на друга.

В первую секунду меня оглушили те чувства, которые я испытывала к ней раньше. Растерянность, беспомощность, глобальная неуверенность, даже стыд. Но прошло буквально несколько секунд, внутри толкнулся ребенок, иллюзия схлынула, и я вернулась в настоящее. Прислушавшись к себе я поняла, что сейчас не чувствую к ней практически ничего из того, что на воображала себе. И удивительным образом, я не испытывала ни злости, ни страха. Даже презрения почти не осталось.

Я по разному представляла нашу встречу. Думала она будет умолять простить, или будет смеяться надо мной, как обвела вокруг пальца наивную дурочку, а я закачу грандиозный скандал или брошу ей в лицо, что-то такое остроумное, что она всю жизнь краснеть будет. Но встреча получилась какой-то обыденной. Вот стоит левая тетка с испуганными глазами и судорожно цепляется за ручку сумки.

Я изучала ее с любопытством исследователя глистов. Чисто научный интерес, ничего личного. Немного потешила свое злорадство, отметив, что она стала хуже выглядеть. Я поняла, почему сразу не узнала ее. Губы, брови, скулы, даже, кажется, нос — все было не таким как раньше. Зачем? Даже в минуты самой сильной ненависти, я не могла не признать, что она чудо как хороша. Было ли это вызвано погоней за модой или другими причинами, но ее лицо от этих манипуляций утратило свежесть и выразительность, превратившись в маску. К тому же, выражение глаз, мимика, уголки губ, все в ней кричала, что она глубоко несчастна. Да и общая помятость добавляла возраста.

Она тоже изучала меня, напряженно всматриваясь. Когда взгляд дошел до моего живота, ее губы искривились, как будто она вот-вот расплачется. А я стояла в джинсовом комбезе, растоптанных сандалях, почти не накрашенная, на голове от морского воздуха непослушная копна, и чувствовала себя на удивление великолепно. Можешь смотреть Вита. Я вот такая. И меня любят независимо от того, как я выгляжу.

Не знаю, чем бы закончилась в итоге наша встреча. Сказали ли мы друг другу пару ласковых или нет. Но в этот момент к ней подошел мужчина.

— Так и знал, что ты рядом с алкашкой. Когда ж ты нажрешься?! Как же ты меня достала!

Вита вздрогнула как от удара, а он схватил ее за локоть и потащил к выходу из магазина. Я провожала их взглядом и некоторое время до меня доносились оскорбления и мат в ее адрес. Она шла на негнущихся ногах, и по движению ее головы, я видела, что она хочет обернуться и снова посмотреть на меня. Но мужчина грубо тащил ее вперед так, что она иногда спотыкалась, и, наверное, она не решилась.

Что ж, каждый выбирает свою судьбу сам. Больше я ее никогда не видела.

P. P. S

Я лежала на кровати и сквозь полуопущенные ресницы с улыбкой смотрела, как Дима держит на руках нашего новорожденного сына.

— Ну, почему Игорь? Я хочу назвать Саша, в честь папы, — жалобно попросила я, еще надеясь с манипулировать чувством благодарности.

Дима тяжело вздохнул и посмотрел на меня глазами котика из Шрека, а потом

промямлил:

— Я обещал.

— Кому? — очень, очень удивилась я.

— Игорю. Васину.

Дима отвечал таким странным голосом, что во мне зашевелились подозрения, что тут явно что-то не так.

— А что именно ты обещал? А за что ты обещал?

Шумский догадался, что я не отстану и признался:

— Что назову в честь него первого сына за то, что он поможет нам помирится.

— И он...

— Поселил нас в уединенном домике и не дал тебе быстро уехать.

Я смотрела на него сузившимися глазами, и Дима стал тараторить дальше:

— Я просто просил шанс нам поговорить. Я же видел, что ты совсем не настроена общаться. И в суде, и в кафе сразу сбегала. И, Лена, признайся я был прав.

— Да как же он согласился тебе помогать, после той истории!

— Ну, когда он соглашался, он еще об этом, слава Богу, не знал.

— А ты! Ты! Ты обещал мне все честно рассказывать, — злилась я.

— Леночка, не нервничай. Молоко пропадет. И ты прекрасно знаешь, что закон, ухудшающий положение обвиняемого, обратной силы не имеет. С того момента, как я поклялся, я все честно тебе рассказываю. И не смотря на это, сейчас ты спросила — я рассказал. Все честно.

— Очень честная скотина! — не сдавалась я, смотря по сторонам, что я могу кинуть в Шумского — А ну-ка, положи ребенка в кроватку.

— Я может быть и скотина, но не дурак, — Шумский сел с ребенком на кресло, и с умилением стал смотреть, как ребенок цепляется за его палец, — Ну ладно тебе, Лен, смотри как замечательно все получилось.

— Я отомщу, — сказала я, скрестив руки на груди.

Муж только фыркнул в ответ. Мои способности к мести он ценил очень низко.

— Я Леру попрошу, — добавила, злобно ухмыляясь.

— Суровая ты женщина, Елена Александровна, — укоризненно простонал Дима, — нельзя же так с живыми людьми.

Но когда Лерчик узнала из-за чего сыр-бор, она сказала, что сделала для нас не меньше, и второго ребенка мы должны назвать в ее честь. Я пыталась ей объяснить, что пол ребенка мы предугадать не сможем. А у Димы уже зажегся огонек азарта в глазах. Он всегда любил сложные задачи.

Больше книг на сайте - Knigoed.net